ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ТЕМА НОМЕРА
ЭКОНОМИКА
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

№ 1(35)

EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIRS
NATIONAL SECURITY
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
ECONOMICS
DEBUT
ROUND TABLE
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа
Издается при поддержке ГК «Н-транс»
и Бюро социально-экономической информации
Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета – **Вагиф Гусейнов**, *директор Института стратегических оценок и анализа*

Первый заместитель
главного редактора – **Юрий Поройков**, *к. филос. н.*

Редакционный совет:
Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*
Владимир Егоров, *д. филос. н., президент-ректор Российской академии государственной службы при Президенте РФ*
Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*
Андрей Кокошин, *академик РАН, первый заместитель к-та Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям*
Сергей Кортунов, *д. полит. н, зам. декана факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ*
Николай Михайлов, *д.э.н, советник председателя Совета директоров АФК «Система»*
Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*
Алексей Пушков, *к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»*
Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*
Владимир Рыжков, *к.и.н., политический обозреватель радиостанции «Эхо Москвы»*
Леонид Слуцкий, *д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам*
Андрей Федоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*
Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск: **Константин Радовицкий**, *к. соц. н.*
Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа
Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Валерий Паульман (Эстония). Уроки мирового кризиса 8

Александр Ципко. О природе и духовных основаниях капитализма 14

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир Дергачев (Украина). Роковые рубежи Европы 19

Тиберио Грациани (Италия). Латинская Америка и Евразия: центры нового многополярного мира 27

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сергей Лунев. Регион Большая Восточная Азия и политика Индии 36

Эберхард Шнайдер (Германия). Регионы в Европейском Союзе 45

Эльдар Касаев. «Курдский вызов»: ответы международного права 53

Ян Антони (Соединенное Королевство). НАТО – 60. Проблемы и перспективы 60

Эндрю Монаган (Великобритания). Энергетическая безопасность: ограниченная дополняющая роль НАТО 64

Елена Островская. Транснациональная сеть тибетского буддизма как инструмент эскалации этно-религиозного конфликта 72

Елена Комлева. Социоядерный антропный принцип и геоядерная политика 79

Инна Шумилина. Обамамания и Голливуд. «Новая медийность» президента США . . . 86

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Василий Белозёров. Гражданское общество и формирование политики безопасности и обороны России 94

ТЕМА НОМЕРА

Павел Гуревич. Кризис в контексте психологии 102

ЭКОНОМИКА

Юрий Любимцев. Развитие инновационной эволюции финансов России 108

ДЕБЮТ

Любовь Ярошенко. Россия и Евросоюз: ценности или интересы? 115

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Сталин и русская душа 120

ПУБЛИКАЦИИ

Религия

Светлана Николаева. Экономическое положение русской церкви до революции 1917 г. 145

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Приватное достояние как залог благоденствия. *О книге Бетелла Тома «Собственность и процветание»* 151

Рецензии

Алла Язькова. *О книге «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 гг.)»* 153

Тезисы статей на английском 156

Об авторах 166

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov 5

PRESSING TOPICS

Valery Paulman (Estonia). The lessons of the crisis 8

Alexander Tsipko. About the nature and the spiritual bases of capitalism 14

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukraine). Europe's fatal boundaries 19

Tyberio Graciani (Italy). Latin America and Eurasia: the centers of the new multi-polar world 27

FOREIGN AFFAIRS

Sergey Lounev. The region of Greater East Asia and India's policy 36

Eberhard Schneider (Germany). Regions in the European Union 45

Eldar Kasayev. «The Kurdish challenge»: the international law solutions 53

Ian Anthony (United Kingdom). The NATO's 60-th anniversary. Problems and prospects 60

Andrew Monaghan (Great Britain). Energy security: NATO's limited, complementary role 64

Yelena Ostrovskaya. The Tibetan Buddhism transnational network: management of the religious conflict 72

Yelena Komleva. The socionuclear anthropic principle and geonuclear policy 79

Inna Shumilina. The Obama-mania and Hollywood. «The New Media-Usage» of the New US President 86

NATIONAL SECURITY

Vasily Belozyerov. The civil society and Russia's security and defense policy-making 94

THE ISSUE MAIN TOPIC

Pavel Gurevich. The crisis psychologically foreshortened 102

ECONOMICS

Yury Lyubimtsev. Russia's finance innovative evolution advancing 108

DEDUT

Lyubov Yaroshenko. Russia and the European Union: values or interests? 115

ROUND TABLE

Stalin and the Russian soul 120

PUBLICATIONS

Religion

Svetlana Nikolaeva. An economic situation of Russian church before revolution of 1917 145

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. The private wealth as the prosperity's pledge. *On Bettel, Tom The Property and Prosperity* 151

Reviews

Alla Yaz'kova. *On The Southern Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008)* 153

SUMMARY 156

OUR AUTHORS 170

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вагиф ГУСЕЙНОВ

НУЖЕН ЗАГОЛОВОК???????

Финансовый и экономический кризис, начавшийся в США и мгновенно распространившийся на весь мир, грозит обратиться глобальным системным кризисом.

Несомненно его влияние и на политический климат планеты.

И, тем не менее, политическая и военная составляющие глобального кризиса остаются как бы в стороне, все внимание «сильных мира сего» сосредоточено на финансах и экономике. Инициатива российского президента Д.Медведева о разработке нового договора о европейской безопасности, выдвинутая им на саммите ОБСЕ в июне и конкретизированная в Эвиане в октябре 2008 г., пока, к сожалению, не находит серьезной поддержки.

А между тем та система обеспечения общеевропейской и глобальной безопасности и контроля над вооружениями, которая усилиями СССР, США, стран Европы была разработана в годы «холодной войны», и долгие годы обеспечивала мир и стабильность, можно сказать, «почила в бозе». Ее «краеугольные камни» – Договор по ПРО, ДОВСЕ, соглашения по СНВ, Договор о нераспространении ядерного оружия либо не действуют, либо дышат на ладан. Зато набирает все большие обороты обратный процесс – бесконтрольное наращивание вооружений и военной мощи, усиление военной напряженности. Растет число государств, обладающих современным ракетным оружием, становится все более реальной милитаризация космоса.

Я далек от мысли ставить в вину Соединенным Штатам все несуразности и кризисы нынешнего периода мирового развития, но все же хочу сказать, что лидерство предполагает не только права, но и обязанности, что использование сложившейся в мире политической конъюнктуры главным образом в собственных интересах, да еще с использованием военной силы, – не тот путь, который делает честь державе, претендующей на роль мирового гегемона. Путь этот человечество уже не раз проходило, раз за разом убеждаясь в его тупиковости. Но, по-видимому, прошлый опыт мало чему учит.

На этом довольно-таки мрачном фоне обновленный внешнеполитический курс, обозначенный президентом Обамой, внушает некоторый оптимизм, хотя преувеличивать его все же не стоит. Хотя бы потому, что стратегическая линия на глобальное лидерство США будет продолжена, и лишь в тактическом плане возможны определенные корректировки ее политики в отношении главных международных проблем, своих союзников и других стран. Но важно то, что президент Обама все же признал: американская мощь еще не

гарантия надежной защиты страны, и она не дает США права не считаться с интересами других членов мирового сообщества, необходимо ее «благоразумное использование». Истоки этих благих намерений понятны: слишком многое утратили США в последние годы, сделав силовую политику основой своей международной деятельности. Как эти заявления будут реализовываться на практике – другое дело. Многое покажет предстоящий юбилейный саммит НАТО, политика новой администрации на Большом Ближнем Востоке. Еще одним важным показателем явится политика США по реанимации разрушенной (в большей степени ими же) системы контроля над вооружениями.

Сегодня Россию приглашают начать «с чистого листа» диалог с США и сесть за стол разоруженческих переговоров, причем приоритетом в них для Соединенных Штатов являются стратегические наступательные вооружения. Момент представляется удобным: Россия, набравшая в последние годы политический вес, все же так и не стала «энергетической сверхдержавой» и в условиях кризиса и обвального падения цен на нефть особенно остро ощущает на себе всю несостоятельность этой «новой идеологии».

Россия, безусловно, заинтересована в продолжении переговоров по ограничению и сокращению до разумных пределов СНВ, в быстрейшем заключении взаимно контролируемого договора и его строгом выполнении обеими сторонами. Но никак нельзя забывать и о том, что ракетно-ядерное оружие для сегодняшней России важный фактор сдерживания агрессии, по сути, главная гарантия ее суверенитета.

Насколько готовы американские партнеры к конструктивным переговорам, к разумным компромиссам, к учету в своих переговорных позициях тревог и озабоченностей России, пока не совсем ясно. Ведь речь идет о приемлемом для обеих сторон балансе в стратегических вооружениях, а это предполагает учет не только наступательных, но и оборонительных систем, в частности возможностей систем ПРО сторон.

Руководитель национальной разведки США Д.Блэр считает главными препятствиями в достижении договоренностей с нашей страной, помимо системы ПРО США в Европе, также расширение НАТО и грузинскую проблему. Но что касается конкретно переговоров по СНВ, то здесь есть и другие, не менее сложные проблемы. Прежде всего, это сокращаемые компоненты. Как, например, быть с крылатыми ракетами морского базирования большой дальности в ядерном оснащении – если они выпадут из договора, то о каком балансе может идти речь, тем более при глубоких, в разы, сокращениях других элементов – МБР, БРПЛ, стратегической авиации? Как быть с тактическим ядерным оружием США, размещенным в Европе, которое для России в силу ее географического положения представляет очень серьезную угрозу, тем более в условиях, когда НАТО уже стоит у самых наших границ и намерена полностью «окольцевать» европейскую часть России? И как быть с так называемым возвратным потенциалом, который насчитывает у США тысячи единиц и является одним из путей обхода действующего пока Договора СНВ-1? В конце концов, стратегическое равновесие не означает цифровое равенство ограничиваемых договором ядерных боезарядов или их носителей. Так что в предстоящих, надеюсь, переговорах с американцами по СНВ главным нашим принципом должно стать сохранение сдерживающих агрессию способностей нашего ядерного потенциала в любых условиях.

Нельзя допустить, чтобы эти переговоры использовались для того, чтобы ослабить российский ядерный потенциал и увеличить уже имеющееся у США

преимущество в стратегических вооружениях, тем самым навязывая России новую гонку вооружений. Не исключено также, что США попытаются сделать предметом торга элементы своей ПРО в Европе (незначительную и не столь уж опасную для нас часть их стратегического оборонительного потенциала) и получить за замораживание (скорее всего, временное) планов ее развертывания существенные уступки с нашей стороны.

Но российские вооружения, и, прежде всего, ракетно-ядерное оружие, не единственная озабоченность Запада. Раздражителем для него является также энергетическая независимость России – другая важная составляющая обеспечения суверенитета.

Так, небезызвестный г-н Сорос, пугая Европу «укреплением недружественной России», ее «геополитической агрессией», предлагает целую «стратегию защиты» от геополитической угрозы со стороны России[1]. Европа должна действовать против России сообща, а центральным звеном этой стратегии должна стать единая энергетическая политика Запада в отношении России, которая позволила бы диктовать ей свои условия, а по сути, поставить под контроль энергетические ресурсы России. Важной частью этой антироссийской «стратегии» должна стать, по Соросу, предстоящая реформа международной финансовой системы. Особое внимание нужно обратить на соседние с Россией страны – Украину, Грузию, другие страны СНГ – источники ресурсов.

В сущности Сорос излагает основы той политики, которую США уже не первый год пытаются проводить на пространстве бывшего СССР, прикрываясь необходимостью обеспечить энергетическую безопасность. Итогом этой деятельности стали «геополитические» трубопроводы Баку – Джейхан, Баку – Эрзерум.

Сегодня усиленно проталкивается очередной «политический» проект – газопровод «Набукко», основным движителем которого выступают США. Правда, заполнять его пока нечем, расчет делается на газ Туркменистана и Казахстана, которые не спешат гарантировать поставки газа для «Набукко». И все же, несмотря на огромные финансовые и политические риски, этот сомнительный проект, не исключено, может быть реализован. Риторика вокруг него значительно оживилась после очередной «газовой войны» России и Украины. И не для этого ли она состоялась? «Решающими для строительства «Набукко» являются не деньги, а политическая воля», – заявил председательствующий в ЕС премьер-министр Чехии Тополанек после визита в Казахстан, Туркменистан и Азербайджан, потребовав как можно быстрейшей реализации проекта. В январе 2009 г. в Будапеште прошла международная конференция по «Набукко», которая пока закончилась ничем. Но положение может измениться, в частности, в результате намечаемых Вашингтоном прямых переговоров с Ираном. Так что нынешний скепсис российских властей в отношении рентабельности и реализуемости проекта может обернуться разочарованием и весьма болезненными финансовыми и политическими потерями для нашей страны.

И еще одно соображение.

Сегодня, если говорить о стратегической стабильности, о складывающемся, в том числе под воздействием кризиса, новом мировом порядке, о выработке стратегической линии на длительную перспективу, нельзя мыслить только

[1] Дж. Сорос. Российская проблема // «Ведомости», 12.02.2009 г.

в одномерном направлении Россия – Запад. Евроатлантический центризм, как представляется, это если и не уходящее с мировой политической сцены понятие, то, во всяком случае, понятие, унаследованное от «холодной войны», своеобразная реинкарнация характерной для тех времен биполярной системы противостояния. Любой прогнозируемый вариант дальнейшего развития международной ситуации, особенно касающийся России, тем более в средне- и долгосрочной перспективе, не может рассматриваться без учета Китая.

Укрепившиеся в последние годы наши партнерские отношения с Китаем, как двусторонние, так и в рамках ШОС, позволяют, по крайней мере, в ближайшей перспективе, не беспокоиться за стабильность на наших азиатских территориях. Но чрезмерно преувеличивать значение наших партнерских отношений с Китаем, воспринимать их как незыблемую составляющую глобальной и региональной стабильности все же не стоит. Уже сегодня Китай намного более прочно связан с Соединенными Штатами, пока главным образом экономическими узами. Многие в США считают китайско-американские отношения одним из краеугольных камней международной системы (и кризис подтвердил, что это мнение обоснованно) и что их необходимо поднять на новый уровень, укреплять политические связи с Китаем. Взаимоотношения США и Китая необходимо трансформировать в «проект общей судьбы», как это было с трансатлантическими отношениями после Второй мировой войны, считает, например, политолог Генри Киссинджер[1]. К этому проекту могут присоединиться и другие страны (среди которых, кстати, автор не видит России). Не случайно свой первый официальный визит новый госсекретарь США Хилари Клинтон начала именно со стран АТР.

Надо серьезно задуматься о месте России в складывающемся сегодня новом миропорядке, главной несущей опорой которого могут стать трансатлантические отношения, и о нашей стратегической линии на долгосрочную перспективу. Не грозит ли России роль «слабого звена», зажатого между западным и восточным трансокеанскими сообществами?

[1] *Г.Киссинджер.* Необходимо создать новый миропорядок // The Independent (Великобритания). ИноСМИ, 22.01.2009 г.

Валерий ПАУЛЬМАН (Эстония)

УРОКИ МИРОВОГО КРИЗИСА

С момента публикации моей статьи *«Гримасы экономического кризиса»* (см. «Вестник аналитики», № 2 за 2008 г., а также *http://lit.lib.ru/p/paulxman_w_f/*) прошло немногим больше, чем полгода. Пора подвести некоторые промежуточные итоги.

Сбылись четыре главных прогноза.

Во-первых, что пик кризиса придется на 2009–2010 гг.

Во-вторых, что кризис из финансового постепенно превратится в общеэкономический, охватывая также и сферу реального производства.

В-третьих, что страны мира не заинтересованы в том, чтобы топить доллар и вообще экономику США, несмотря на острейшую конкуренцию, существующую между ними (вспомним хотя бы скандальное «дело Boeing – Airbus).

В-четвертых, что кризис затронет в той или иной мере все страны, включая Россию, несмотря на оптимистические заявления А.Кудрина о том, что она останется в бушующем мировом океане *незыблемым островом стабильности*.

Теперь уже вряд ли кто сомневается в том, что кризис будет длительным. Так, на заседании консультативного делового совета АТЭС, состоявшемся в Лиме в ноябре 2008 года, было высказано мнение специалистов о том, что кризис может продлиться два года.

«Событие, которое происходит раз в сто лет» – так нынешний финансовый кризис назвал экс-глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспен. *Общий объем списаний и убытков, которые понесли во всем мире финансовые компании, уверенно перевалил за триллион долларов*. По неофициальным же данным, намного больше. Например, только с итальянских бирж в день утекало по миллиарду евро.

Агентство *«Фаст Сет»* подсчитало, что примерно из 50 тысяч акций по всему миру подорожало к декабрю всего три тысячи. Из 100 ведущих компаний свободные деньги остались лишь у 29.

Никто иной, как глава ОЭСР Анхель Гурриа, объявил, что к 2010 году количество безработных, уволенных из-за мирового кризиса, может составить 25 миллионов человек. А ведь хорошо известно (даже не марксистам),

что число безработных – безошибочный индикатор состояния капиталистической экономики.

В любой экономике существуют довольно устойчивые корреляционные связи. Так, начиная с XIX века уровень добычи и продажи нефти и газа тесно связан с динамикой роста производства товаров и услуг. Аналогичная зависимость имеет место и в отношении некоторых других изделий (металлы, цемент, химические товары и т.д.). Если в результате экономического кризиса сокращаются объемы производства, то, естественно, падает и спрос на углеводородное топливо, сырье и материалы, снижаются цены на них, так как в течение определенного периода времени предложение на рынке превышает спрос. Например, цены на сырую нефть за короткий промежуток времени в 2008 году рухнули в четыре раза (почти 150 долларов баррель стоил еще летом, но потом 60, 50, 40...). Слова «спрос», «предложение» и «справедливость» в ОПЕК повторяли как заклинание – снова и снова. Но цены снижались. Впервые за много лет рынки, а точнее спекулянты, игнорировали решения картеля, потерявшего управление. А на 2009 год прогнозируется дальнейшее снижение цен до 25 долларов за баррель, что на 10 долларов ниже т.н. «технического уровня поддержки».

Поскольку в экономике, подверженной стихии рынка, все показатели взаимосвязаны, то возникает нередко явление «домино», т.е. приходит в действие цепочка причинно-следственных связей. К примеру, лихорадочное поведение главной мировой валюты – доллара – тотчас же сказывается на ценах и на многих национальных валютах. Горючего в огонь добавляют и спекулянты (доказано, что 80% высокой цены на нефть – это итог биржевых спекуляций). Несмотря на огромные вливания финансовых ресурсов со стороны государств, банкротство следует за банкротством. В итоге растет безработица (только в ноябре в США было уволено 533 тысячи человек, а за сентябрь-ноябрь – 1256 тысяч). Естественным следствием роста безработицы является уменьшение доходов населения, отрицательно сказывающееся на платежеспособном спросе, что, в свою очередь, еще больше усугубляет ситуацию в экономике, сужая возможности сбыта товаров на внутреннем рынке.

Картину кризисного хаоса «украшают» не только проделки мелких спекулянтов, зарабатывающих себе денежки на хлеб насущный, но и крупные мошенники – настоящие акулы бизнеса, такие, как Б.Мэдофф – экс-глава знаменитой фондовой биржи Nasdag, который умудрился нанести ущерб клиентам своей гигантской финансовой пирамиды, исчисляемый в 50 млрд. долларов (наверное, валютный спекулянт и неутомимый борец против всех разновидностей социализма господин Д.Сорос от зависти потерял сон и покой). Сегодня в сфере финансов преобладают спекулятивные операции, достигающие примерно 95% от общей суммы сделок.

И вообще финансовый кризис значительно «подмочил» репутацию США, его бизнесменов и политиков, тесно связанных с ними общими интересами – заработать елико возможно большие барыши. В мире перестают пользоваться популярностью финансовые активы США: иностранные инвесторы все меньше покупают американских акций, корпоративных бондов и государственных облигаций. Рынкам ни в Европе, ни в США уже не помогают даже сниженные ставки центробанков. Так часто и так низко в рамках одного года ставку никогда не снижали:ЕЦБ до – 2%, ФРС – почти до нуля. Япония, Великобритания пошли на этот шаг, но реаними-

ровать здоровье экономик так и не получилось. Участники рынка просто перестали доверять друг другу. Все оказались совершенно не готовы к тому, с какой скоростью люди стали выводить деньги. Больше всего пострадали инвестиционные банки, моментально лишившиеся средств крупных инвесторов и фондов. В итоге у банков не хватило ликвидности, чтобы остаться на плаву.

Экономист А.Байер высказал такое соображение, что после сдувания ипотечного, кредитного и сырьевого пузырей, раздувшихся после кризиса 2001 года, может произойти крах рынка долговых обязательств США, что может вызвать глобальную инфляцию. Такой вариант вполне возможен, хотя нельзя при этом недоучитывать возможности США. Экономика этой страны, производящая примерно 20% мирового ВВП, но потребляющая в 2 раза больше, чем производит, давно вся в долгах, как в шелках. По оценке М.Хазина, суммарный (консолидированный) долг всех субъектов США (федеральное правительство, правительства штатов и муниципалитетов, корпорации и домохозяйства) составляет сегодня не менее 50 триллионов долларов, что примерно в 5 раз превышает объем ВВП страны. Недалеко от Таймс-сквер в Нью-Йорке показывают: на табло государственный долг США – больше десяти триллионов долларов (подчеркиваю – это только долг федерального правительства). Дефицит бюджета составляет немного немало триллион долларов. Говоря проще, США находятся на содержании у остального мира или, если быть совсем точным в формулировках, государства мира дают возможность добровольно себя грабить, создавая большинству американцев возможность жировать за счет других граждан планеты, а также содержать самую могущественную армию мира.

М.Хазин, анализируя создавшуюся ситуацию, пришел к следующему выводу: «Сегодня действующая мировая финансово-экономическая парадигма находится в состоянии кризиса – она находится на грани краха, предотвратить который невозможно». В качестве выхода из создавшегося положения он предлагает основываться на философии «христианского социализма». Я не думаю, чтобы руководители G-20, когда они соберутся на свой второй саммит весной 2009 года,будут исходить из рекомендаций философской школы С.Булгакова и Центра общественных наук России под руководством Ю.Осипова. Вероятнее всего, они будут под нажимом развивающихся стран искать какой-то вариант компромисса, безусловно, учитывающий интересы США и глобального капитализма.

Что же касается России, то заявления как лидеров страны, так и крупных государственных чиновников, не говоря уже об экспертах и журналистах, становятся день ото дня все более реалистичными. Суровая действительность не дает повода для бравурного оптимизма, как это было несколько месяцев тому назад.

«2009 год будет самым трудным для российской и мировой экономики, – утверждает А.Кудрин. – Это будет самый худший год для экономики в послевоенное время». Словом, поворот за полгода на 180 градусов: от безмятежного оптимизма до панического пессимизма. Вряд ли это личная точка зрения министра финансов. Похоже, что у правительства РФ в начале 2008 года не было хорошо проработанного плана на случай кризисной ситуации на мировых рынках капитала и сырьевых ресурсов, от которых зависит наполнение бюджета страны.

Итак, что же нового можно разглядеть в пламени и дыму шестнадцатого по счету общемирового «взрыва созидательного разрушения», воспользовавшись образным выражением Й.Шумпетера?

Полагаю, что *первой* отличительной особенностью развивающегося кризиса является подтверждение прописной истины марксизма об *объективной закономерности процесса обобществления капиталистической экономики, однако теперь уже не только в рамках отдельных национальных экономик, но и в глобальном масштабе*.

Это выражается в том, что практически во всех странах, охваченных в той или иной мере мировым экономическим кризисом, проводится *политика активного вмешательства государств в сектор частного бизнеса*. Члены Европейского Союза выделили на стимулирование экономики 200 млрд. евро. 5 октября президент США подписал т.н. план Полсона, предусматривающий выделение 700 млрд. долларов государственной корпорации, которая должна будет выкупать проблемные активы у банков. 25 ноября 2008 года в США было объявлено о намерении ФРС выделить дополнительно 800 млрд. долларов в банковскую систему для «стимулирования розничного кредитования потребителей».

Короче говоря, США, Великобритания и другие ведущие страны ОЭСР, невзирая на причитания поборников неограниченной свободы предпринимательства, начали проводить политику более жесткого государственного контроля за рынками, осуществлять национализацию банков и корпораций, находящихся на грани банкротств. Правительства при этом вынуждены были руководствоваться не только идеей сохранения костяка капиталистической системы, но и интересами тех слоев населения, которые оказались в трудном положении, т.е. интересами не только Его Величества Капитала, но и общества в целом. Как метко заметил премьер-министр Великобритании Гордон Браун, «побеждает тот, кто первым меняет правила игры». Лидеры государств прекрасно понимали, когда шли на беспрецедентные меры вливания огромных средств в спасение тонущих банков и осуществления контроля за их деятельностью, что экономическая система их стран, да и всего глобального капитализма, стояла на краю пропасти. Недаром из уст лидеров стран зазвучали фразы о солидарности, о недопустимости протекционистских мер, о дальнейшей либерализации мировой торговли и движения потоков капитала.

Еще один вывод, который логично вытекает из предыдущего, состоит в том, что *потерпела полное фиаско идеология рыночного фундаментализма*. Даже А.Гринспен, определявший долгое время ее финансовую политику, да и потоки капитала всей планеты, на слушании в конгрессе вынужден был признаться в недееспособности идеологии саморегулирования рынка.

Жестокая действительность кошмарных месяцев кризиса убедительно доказала полную иллюзорность концепции «рейганизма» и «тэтчеризма», их основополагающей идеи о том, что компании финансового и реального секторов экономики могут успешно регулировать сами себя. Думаю, что теперь профессора, преподающие дисциплину под названием «Экономикс», не будут доказывать студентам университетов версию о преимуществах саморегулирующегося рынка и о несостоятельности теории планирования, сознательного регулирования экономических процессов. Все-таки, оказывается, Великого кризиса 1930-х годов оказалось недостаточно, чтобы бизнес-сообщество и политики ведущих капиталистических стран наконец-то при-

шли к осознанию элементарной и, тем не менее, фундаментальной истины, которая является одним из краеугольных камней, образующих основу социалистической теории.

В-третьих, нельзя не отметить *устойчивую тенденцию возвышения в мировой экономике влияния Китая и одновременно упадка США*. Китай демонстрирует в условиях кризиса и трудностей с экспортом своих товаров высокие темпы роста народного хозяйства. Руководство Китая своевременно разработало меры по противодействию негативному влиянию кризиса на экономику своей страны. В частности, председатель КНР Ху Цзиньтао обратил внимание всех органов управления на необходимость реализации разработанной программы интенсификации внутреннего потребления, активизации монетарной политики, дальнейшего реформирования модели экономического развития.

Китай в принципе может перевести свои долларовые активы в другие, более ценные, чем нанесет серьезный удар по финансовой системе США. Такой шаг, безусловно, изменил бы расстановку сил еще больше в пользу Китая. Однако, повторяю, позиции США пока довольно сильные, и они, несмотря на все трудности, остаются по-прежнему мировым лидером глобального капитализма. В этом я вполне солидарен с Ф.Фукуямой, который в интервью российскому журналу *The New Times* 18 ноября 2008 года сказал, что текущий кризис «...это не конец капитализма. Я думаю, это конец «рейганизма»...Я думаю, что вероятность того, что США потеряют позицию мирового экономического лидера, очень мала».

Конечно, от Ф.Фукуямы трудно было бы ожидать иного заявления, ибо для него капитализм – это вершина человеческой цивилизации, но в данном случае с его прогнозом можно согласиться, ибо он соответствует реальностям сегодняшнего дня.

«Судный день» для мирового капитализма еще не наступил.

И все-таки, в-четвертых, все больше поступает информации, свидетельствующей о том, что *в мире возрастающую поддержку в массах получают левые идеи*. Такие неизбежные спутники экономического кризиса, как растущая безработица, снижение заработков и прибылей, банкротства банков, фондов и фирм, выселение из жилищ несостоятельных должников, взявших неподъемные кредиты, искусственно созданная нехватка продовольствия, рост преступности и другие «прелести» больного общества, *заставляют людей задуматься о жизнеспособности и правомерности существования экономической системы,* лишающей людей чувства уверенности в будущем, как их самих, так и их детей и внуков, обрекающих миллиарды людей на нищету и голодное существование (этот факт лицемерно отмечен даже в *«Декларации саммита «Группы двадцати» по финансовым рынкам в мировой экономике»,* принятой главами государств 15 ноября 2008 года).

Люди с пониманием относятся к национализации прогоревших банков и корпораций, мерам по защите их депозитов, предоставлению хоть какой-то оплачиваемой работы на общественных объектах, как это делали в 30-е годы прошлого века Д.Рузвельт и А.Гитлер, спасая капитализм от социального взрыва. Это, безусловно, никакой не социализм, но уже и не откровенно грабительский капитализм, которому совершенно безразличны интересы трудового люда.

Время для каких-то кардинальных сдвигов еще, к сожалению, не созрело. В мире пока господствуют государства ОЭСР, или так называемого золотого миллиарда, отстаивающие всеми силами интересы капиталистической системы хозяйствования. И хотя объективные предпосылки для смены формаций во многих странах уже вполне созрели, уровень индивидуального и коллективного сознания, а также нравственности, политической организации масс недостаточен и как неизбежное следствие всего этого – большинство людей пока, к сожалению, не готовы к решительным действиям.

Но текущий кризис, вне всякого сомнения, многим откроет глаза на безобразия, которые творятся на нашей планете, и в этом его положительная роль.

Все-таки недаром говорят – нет худа без добра! Такова уж диалектика исторического процесса.

Александр ЦИПКО

О ПРИРОДЕ И ДУХОВНЫХ ОСНОВАНИЯХ КАПИТАЛИЗМА

Разразившийся глобальный кризис обнаружил совершенно неожиданно глубинную, человеческую (не побоюсь сказать – духовную) сущность современного экономического миропорядка. Все в современной финансовой системе, оказывается, держится на доверии, на убеждении, что тебя не обманут, что все институты, с которыми ты вступаешь в денежные отношения, будут верны этим обязательствам.

Уже Макс Вебер знал, что капитализм вырастает не просто из чувства собственности, из культа денег и страсти к наживе, из способности людей к накоплению, к сбережению, но, прежде всего, из особого мироощущения, из сакрализации всех тех человеческих качеств, на которых держится кредит и вообще вся система финансовых отношений, – профессиональном долге, бережливости, верности своему слову, сознательности, дисциплинированности, честности работника. Единственное, что не видел исследователь духа капитализма Макс Вебер и что бросается в глаза в условиях современного глобального, прежде всего, финансового кризиса, так это фундаментальное значение доверия населения, всех агентов экономической деятельности к своему государству как гаранту прочности их национальной валюты и сохранения всей сложной системы взаимных обязанностей в обществе.

Не согласен с нашими «левыми», которые полагают, что нынешний глобальный финансовый кризис знаменует приближение конца капитализма. Ничего подобного. Как выяснилось, сегодня государство становится одним из главных инструментов рыночной экономики, оно превращается из ночного сторожа в директора по технике безопасности, который имеет право в любую минуту вмешаться в технологический процесс, если возникает угроза для жизни его участников.

Нынешний кризис реабилитировал и государство, и его право во имя национальных интересов вмешиваться в экономику.

Курс Рузвельта становится сегодня курсом глобальной экономики. Все те меры, которые в условиях великой депрессии начала 30-х прошлого века воспринимались как чрезвычайные меры – идея баланса интересов бизнеса и общества, прямое вмешательство государства в экономику, ограничение волчьих аппетитов крупного бизнеса, – становятся нормой существования и развития современной рыночной экономики. Как выяснилось, современная

банковская система вообще не может существовать без финансовой и, что интересно, моральной поддержки государства. Не будь сейчас в России ручного управления экономикой, наша банковская система точно бы обанкротилась. Но если финансы, деньги – это кровь современной экономики, то получается, что доверие населения к государственным институтам, лежащая в его основе стабильность, эффективность политической системы, является сердцем современного капитализма, современного рыночного хозяйства.

Понятно, к чему я клоню и почему я уделяю такое большое внимание проблеме доверия населения к своему государству во время кризиса. Не надо быть специалистом по России, чтобы знать, что ее слабым местом, по крайней мере, в последние сто лет, является дефицит доверия населения к государству.

Сам тот факт, что наш фондовый рынок оказался куда более уязвим, чем европейский, что наша национальная валюта девальвировала в результате кризиса за несколько месяцев уже на одну четверть, говорит о том, что свою главную задачу, задачу восстановления доверия населения к государству, которое разрушилось вместе с распадом СССР, мы все же не решили.

С уроками великой депрессии начала 1930-х, с той истиной, что здоровая экономика держится на вере людей в будущее своей страны и на вере в дееспособность и эффективность своей власти, никто у нас в начале 1990-х не считался. И перестройщики, и реформаторы не понимали не только того, что без надлежащих условий для здоровой конкуренции частная собственность не работает, но и того, что собственник, не верящий в будущее своего государства, в жизнеспособность сложившейся политической системы, никогда не будет делать свое дело всерьез и надолго. Что наша так называемая оффшорная аристократия, которая, как Роман Абрамович, живет в России вахтенным методом, является порождением дефицита доверия к государству. О каком нормальном капитализме может идти речь в стране, где те 5% населения, которые владеют 90% национального богатства, не доверяют ей ни свои капиталы, ни своих детей, ни своей семьи.

Но тогда никто еще не мог предвидеть, что грядет разрушение СССР, всех прежних государственных структур, что руководство новой, уже демократической России проведет свою собственную конфискацию вкладов населения России. Кстати, сам факт, что реформаторская команда Ельцина не пошла даже на формальную индексацию вкладов населения, говорит о полном ее неведении о природе и духовных, человеческих основаниях капитализма, то есть о той экономике, которую они якобы хотели построить.

Отсюда, кстати, и наш криминальный капитализм, где каждый, вступающий в финансовые отношения с партнером, видит в нем возможного «кидалу».

Никто из сторонников реставрации в России капитализма и рыночной экономики, в том числе и автор этих заметок, не понимал, что в условиях такой глобальной трансформации, какой является переход от коммунизма к демократии, то есть в условиях смуты, резкого возрастания неопределенностей, ломки прежних взглядов и представлений о жизни, в принципе невозможно создать полноценную рыночную экономику.

Теперь, кстати, понятно, почему китайская рыночная экономика, вырастающая в рамках единовластия КПК, оказалась прочнее, чем наша рыночная экономика, формирующаяся в условиях демократии, свободы слова. И дело не только в том, что китаец по своей психологии более предрасположен к предпринимательской деятельности, чем русский. Сохранившаяся в Китае

жесткая политическая конструкция обеспечивала правопорядок, противодействие неизбежному в условиях перехода к рынку росту преступлений на экономической почве. А у нас, как мы помним, в начале 1990-х морально и идеологически поощрялось любое обогащение, даже откровенная коррупция и незаконное присвоение национального достояния, лишь бы оно увеличивало количество собственников. Чисто идеологический подход к превращению плановой экономики в рыночную привел к реабилитации воровства и коррупции как ускорителей этого, как тогда казалось, исторически прогрессивного процесса. Как я помню, в начале 1990-х некоторые члены Президентского совета при Ельцине всерьез утверждали, что без воровства в России не построишь быстро капитализм.

Кстати, фундаментальная недооценка духовных, моральных основ капитализма нашими реформаторами происходила из их исходной марксистской закваски. Они считали, что все же главной движущей силой формирования капитализма является жажда обогащения, что основная их задача состоит в том, чтобы запустить в дело механизм частной собственности. Кстати, справедливости ради надо сказать, что и «вашингтонский обком партии», все многочисленные советники Гайдара не видели угрозы возрождающемуся русскому капитализму, связанные с беспределом преступности и со смутой начала 1990-х.

Это несомненный факт, что усилия Путина и его команды по укреплению властной вертикали, основ политической стабильности укрепили наш капитализм, многое дали для восстановления у много раз обманутого населения России доверия к власти. В духовном, человеческом отношении наша рыночная экономика сейчас куда прочнее, чем она была в 1990-е. В данном случае особенности российской политической культуры – и наш российский патернализм, и наш российский моноцентризм (то есть запрос на послереволюционную стабилизацию в русском смысле этого слова) – сработали во благо рынка.

Но в то же время, на мой взгляд, нельзя переоценивать и морально-психологические результаты восьми (теперь уже – девяти) лет путинской эпохи. Вообще, надо понимать, что доверие населения к власти, к своему государству нельзя установить раз и навсегда, что оно должно воспроизводиться ее деятельностью ежедневно и ежечасно. Не следует забывать об уроках неподготовленной монетизации льгот. Позитивные перемены, произошедшие в эпоху Путина, видны тем, кто помнит о хаосе и разрухе первой половины 1990-х, но они не видны вступившим в сознательную жизнь уже в новом тысячелетии. Вообще, люди быстро привыкают к хорошему. И даже среднее и старшее поколение. А потому ссылки на то, что в прошлом российскому человеку жилось еще хуже, не работают. Тем более, когда наше безумное телевидение, все наши телесериалы живописуют быт и жизнь тех не очень многих тысяч населения, которые купаются в роскоши и у которых есть все.

Надо учитывать еще и то, что слабость России всегда была не только в традиционном недоверии к власти, но и в привычках действовать на авось, не думая о том, что во имя мечты о лучшем будущем можно разрушить те блага жизни, которые уже есть сегодня. Эти две слабости русской души как раз и были благодатной почвой для различного рода политических авантюристов. Нельзя не принимать во внимание и то существенное обстоятельство, что рост благосостояния населения в последние годы происходил все же в основном за счет увеличения цен на нефть, а не за счет роста реального производства. Роль России в производстве наукоемких изделий в мире ничтожно

мала. Слава богу, что мы вовремя опомнились и не дали разрушиться до конца нашему ВПК, полученному в наследство от СССР.

И теперь перед властью стоит сверхсложная задача – доказать России, что она может действовать эффективно и без нефтедолларовой халявы и в условиях дефицита бюджета и сжимания валютных резервов.

Настало время соотносить каждое слово руководителей страны, каждое их решение с резко возросшим общественным запросом на доверие к власти. Распад доверия населения к тому, что когда-то Глеб Павловский назвал «путинским большинством», сегодня столь же опасен, как и распад производства, рост числа безработных и неизбежный в этих условиях рост преступности. Близок к исчерпанию и такой морально-психологический резерв власти, как патриотические чувства россиян. Трудно говорить о патриотизме, о приоритете национальных интересов с людьми, которые потеряли работу, которые живут впроголодь, тем более в стране, где так много людей обладают сказочными богатствами.

Очевидно, что идеология государства в условиях кризиса должна коренным образом отличаться от идеологии и идеологической работы государства в обычных условиях. Пиар мог подменять реальную политику только в условиях бесконечных долларовых вливаний в экономику извне. Теперь должна быть политика правды, ежедневного диалога с населением о переживаемых трудностях, их возможных последствиях и путях их преодоления. Теперь руководители страны все чаще и чаще должны появляться в районах, страдающих от кризиса, быть ближе к простому человеку. Наконец-то (лучше позже, чем никогда) на нашем телеэкране должен появиться простой русский человек с его незамысловатой жизнью и простыми житейскими заботами.

И не надо думать, что эффективное, неизбежное в этих условиях ручное управление экономикой может заменить эффективную идеологию. Напротив, один неверный шаг в пропаганде, как-либо оскорбляющая достоинство людей ложь может привести к обесцениванию десятков успешных экономических решений.

Доверие населения к власти можно сохранить только в том случае, если общество увидит, что беды и трудности кризиса распределяются в равной мере на все слои населения, что богатые тоже что-то теряют, чем-то поступаются. Чтобы сохранить доверие населения к власти, необходимо делать то, чему она раньше по разным причинам меньше уделяла внимания, – активизировать борьбу с наркоманией, с детской беспризорностью, с преступностью и, наконец, с коррупцией.

Конечно, нынешний кризис при выверенной работе административного аппарата, наших СМИ может способствовать и оздоровлению морально-психологической ситуации в России. Нельзя не видеть, что халява эпохи высоких цен на нефть развратила не только предпринимательское сословие, чиновничество, но и население России в целом. В России в последние годы произошло полное обесценивание физического труда и, прежде всего, труда в реальном секторе экономики. Идея успеха у нас целиком оторвалась от профессионального мастерства, от процесса самосовершенствования работника. Но отрезвление и оздоровление общества будет возможно только тогда, когда и власть начнет более критично относиться к своей былой управленческой деятельности, более смело и открыто судить о своих былых просчетах и ошибках.

Власть, которая убеждена в своей изначальной непогрешимости, не в состоянии призвать население к трезвости и самокритике.

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир ДЕРГАЧЕВ (Украина)

РОКОВЫЕ РУБЕЖИ ЕВРОПЫ

«Абсолютно правильного миропорядка не существует.
Справедливость остается задачей, не имеющей завершения».
Карл Ясперс

После Второй мировой войны Европа была поделена на два военно-политических блока – Организацию Североатлантического договора (НАТО) и Варшавского договора (ОВД)[1]. Договоры закрепили геополитический раскол Европы. После распада ОВД и СССР началась геополитическая трансформация на европейском континенте, которая еще не завершилась. Парижская хартия об образовании новой свободной и безблоковой Европы (ноябрь 1990 г.), бездумно подписанная первым и последним советским президентом, явилась крупным геополитическим поражением Кремля.

Отправимся к энергонасыщенным (геополитическим, экономическим, духовным, информационным и другим) рубежам многомерного пространства Европы, которые в результате поспешного расширения ЕС на восток при ограниченных финансовых возможностях могут стать взрывоопасными. Что подтверждают митинги протеста и погромы в Венгрии, Латвии, Болгарии и других новых членах ЕС. И роковые рубежи Европы, часто отождествляемые с Балканами, при определенном стечении обстоятельств могут охватить обширный регион между Западной Европой и Россией от Балтики до Черноморья.

Геополитическая трансформация Европы. После самоубийства могучего и несокрушимого Союза бывшие страны «социалистического лагеря» устремились на Запад. «Приступ глупого оптимизма» овладел национальными элитами и широкими трудящимися массами в ожидании скорейшего пришествия вместо светлого коммунистического еще

[1] Советское руководство (Сталин) обратилось к руководству НАТО с предложением о включении СССР в создаваемый «миролюбивый» блок, и только после отказа была создана военно-политическая Организация Варшавского договора (ОВД).

более просветленного капиталистического будущего. С падением Берлинской стены «социалистический лагерь» полностью отказался от своих социальных достижений, пытаясь заимствовать западную модель развития.

О пагубности этого пути и почти автоматической смены коммунизма магической силой рыночной системы предупреждали ведущие западные и российские мыслители. Но, несмотря на это, многим казалось, что «плавильный котел» западноевропейской цивилизации смещается от коммуникационной оси Рейн – Дунай на Восток, где наблюдается встречный дрейф государств бывшей народной демократии. И осталось мгновение до того момента, когда эти части Европы сольются в экстазе «дружбы народов» и взаимопомощи. Но, как становится очевидным, этого не произошло. В западной цивилизации прагматизм всегда доминировал над славянской сентиментальностью.

После предательства мирового социалистического лагеря очередным этапом геополитического отступления явился уход России с Балкан. Внешняя политика России на Балканах понесла крупные потери и нанесла серьезный ущерб международному положению России. Значительные европейские территории оказались под воздействием тектонических геополитических сдвигов. Когда такие понятия, как Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа, меняют содержание и геополитическую принадлежность. Появились новые геополитические концепции. Например, польская концепция Центрально-Восточной Европы исходила из доминирующей роли Польши как региональной державы. В отличие от подлинно Центральной Европы, где традиционно ведущим государством является Германия, российская концепция Восточно-Центральной Европы делала акцент на сохранение ведущих позиций России в регионе. Прагматичные американцы разделили континент на Старую и Новую Европу.

Проамериканская ориентация новых членов ЕС после вступления в НАТО усилила конфликтность в ЕС и привела к образованию «двух Европ». В американской интерпретации «Старая Европа» отождествляется с чем-то архаичным и устаревшим. В отличие от «Новой Европы» – «правильно» ориентированной, занимающей часто проамериканские позиции, например в отношении поддержки войны в Ираке. Таким образом, произошла подмена реальной, подлинной и иждивенческой Европы. При этом новых членов ЕС не смущает, что так называемая «Старая Европа» во главе с Германией и Францией является основным донором консолидированного бюджета ЕС.

Обеспечив относительно высокое качество жизни, западноевропейская цивилизация впервые в истории человечества осуществила, казалось бы, успешную «холодную» экспансию. Интенсификация рынка потребовала либерализации экономики и расширения его «жизненного пространства». Возникло одно из основных противоречий современ-

ного мира. Стремление многих стран и народов обеспечить достойное человека качество жизни часто подменяется несбыточным желанием импортировать западную модель. Несмотря на мирный характер западной экспансии, сущность ее не изменилась за последние 500 лет – сделать другие страны подобными себе в социально-экономическом отношении, идеологии и культуре. Это означает мирное включение других стран и народов в сферу западного влияния и эксплуатации.

Современный европейский миропорядок определяется преимущественно геостратегическим партнерством Евросоюза и США, Евросоюза и России. Эти взаимосвязанные геополитические полюса характеризуются асимметричностью. Россия остается второй ядерной державой мира, тогда как ЕС находится под ядерным зонтиком США, на которые приходится 90% военного потенциала НАТО. В экономическом отношении ЕС значительно опережает Россию, но зависим от поставок энергетического сырья.

Все попытки создать вооруженные силы Объединенной Европы не выходят из области деклараций. Вместе с тем, как отмечает крупнейший западный социолог Иммануил Валлерстайн, предпосылки такого союза беспокоят Белый дом больше, чем Китай и Иран[1]. Однако создание европейских вооруженных сил означает увеличение военных расходов и снижение уровня и качества жизни. На что европейцы, отвыкшие от дискомфорта, пойти не могут, и политические партии и лидеры, выступающие за создание военной мощи, будут сметены с политического Олимпа. События на Кавказе показали, что Запад и НАТО не будут воевать за националистические режимы бедных коррумпированных государств. «Файнейшл таймс» пишет: «Членство в НАТО будет означать, что жители Америки и Западной Европы обещают сражаться, защищая Грузию и Украину, если их атакует Россия. Но подобные обещания вызывают сомнения». После грузинской авантюры на Западе все больше сторонников «реальной политики», выступающих за уважение российских прав на доступ к Черному морю. Поэтому, как пишет другая британская газета «Таймс», «Украина, возможно, должна передать Крым России, «прежде чем встанет вопрос о ее членстве в НАТО»[2].

«Головокружение от успехов». Европейская интеграция по своей глубине и масштабам расширения должна была стать эффективным ответом на вызов глобализации и превратить Европейский Союз в сильного игрока на мировых рынках. Расширение на Восток увеличило потребительский рынок Сообщества и улучшило демографическую ситуацию. В результате основные четыре свободы Евросоюза – свобода перемещения товаров, услуг, людей (рабочей силы) и капиталов – наи-

[1] В фокусе эксперт: Давид Ситон. – Эксперт, 24 апреля 2008 г.
[2] www.inosmi.ru

более рельефно проявились в использовании дешевой рабочей силы из новых членов ЕС. Но из-за мирового финансового кризиса и сокращения рабочих мест в Западной Европе трудовые мигранты из новых членов ЕС оказались в западне. Они лишаются работы за границей, и ее нет на родине.

Хозяйство новых членов ЕС оказалось неконкурентоспособным. Это привело к экономическим трудностям и росту безработицы. Пребывание стран народной демократии в советском геополитическом пространстве сыграло с ними злую шутку. Советский Союз оказывал «братьям» по соцлагерю безвозмездную и бескорыстную помощь, не всегда думая о собственной экономической выгоде и списывая долги ради «дружбы народов». Поэтому новые члены ЕС, привыкшие к иждивенчеству в советском геополитическом пространстве, надеялись на соответствующую политику Брюсселя. Но этого не произошло.

Поспешная европейская интеграция привела к определенной социальной напряженности. Почти треть населения новых членов ЕС превратилась в «новых бедных», в том числе за счет размывания сложившегося в прошлом среднего класса. Реформы не сохранили предшествующие социальные завоевания, а неолиберальный романтизм с его представлением о всесилии рынка оказался ложным. В ЕС эти страны заняли место маргиналов, выступающих в качестве дешевого сборочного цеха.

В результате поспешного расширения на Восток возможности Европейского Союза по модернизации экономики новых членов оказались ограниченными, и это обстоятельство обострит в ближайшем будущем геополитические проблемы. Во-первых, стало еще более очевидным, что Европейский Союз в военно-политическом отношении – импотент, не может брать ответственность за безопасность европейских стран.

Во-вторых, возрастает энергетическая зависимость ЕС. В настоящее время Европейский Союз зависит примерно на 40% от поставок российского газа и на 30% от российской нефти. Как становится очевидным, энергетических «пряников» на всех не хватает. Если в 1990-е годы большинство коммуникационных европейских проектов в Черноморье исходило из безусловной ориентации энергетических ресурсов Каспийского региона на Запад, то эта политика уходит в прошлое. В настоящее время страны Центральной Азии учитывают интересы России и потребности Китая и Индии.

В-третьих, одним из важных сдерживающих факторов, влияющих на политику ЕС, является исламизация Европы, численность иммигрантов-мусульман составляет примерно 25 млн. человек. Прослеживается тенденция перехода католиков и других христиан в исламскую веру.

В прошлом создание ЕС удерживало Европу от конфликтов. Но наступило «головокружение от успехов». Так охарактеризовал состоя-

ние Европейского Союза академик Николай Шмелев на одной из международных конференций. Нелепейшая война в Югославии вновь превратила Балканы в пороховой погреб (Косово, Македония, далее Трансильвания). Произошло чрезмерно быстрое расширение ЕС. Не секрет, что впервые за свою историю Европейского Союза принятие новых членов из ЦВЕ было политическим решением. Ни одна из стран не выполнила все требования по макроэкономическим показателям.

Старая Европа на фоне утраты международных позиций вряд ли согласится быть экономическим донором новых членов, ориентированных в военно-политическом плане на Соединенные Штаты. Проамериканская политика новых членов и их иждивенчество вызывают раздражение в Берлине и Париже. Странам с переходной экономикой рекомендуется проявлять большую ответственность по преодолению финансового кризиса, а не просить из консолидированного бюджета ЕС дополнительных вливаний.

Подводные рифы геополитической трансформации. Запад не смог своевременно предложить мирный сценарий геополитической трансформации Балкан, и возник взрывоопасный вариант размежевания по национальному признаку. Вместо приоритетности создания торговых и других экономических коммуникаций было введено эмбарго против Югославии, что привело к усилению криминализации на Балканах, где значительная часть населения лишилась законных средств существования. В результате геополитической трансформации на Балканах сложилось три группы стран:

- форпосты европейской интеграции (Словения, Хорватия и Румыния);
- аутсайдеры, виноватая Сербия и с неопределенным будущим Македония;
- криминально-коррумпированные (проамериканские) Албания и Косово.

Многократные попытки создания на рубежах цивилизаций национальных государств (с выделением титульного этноса) принесли балканским народам неисчислимые беды. На Балканах наблюдается провал западной политики этнонационализма. Ограниченные, как оказалось, возможности консолидированного бюджета ЕС и проблемы трансформации Балкан практически останавливают процесс продвижения на Восток.

Наряду с Балканами, геополитические «мины» оказались заложены на всем трансформирующемся пространстве от Балтики до Черного моря. Националистические партии в Польше, на Украине, Румынии и в других странах призывают признать пакт Молотова–Риббентропа 1935 года преступным и требуют пересмотра положений Ялтинской конференции 1945 года, на которой были установлены принципы нового мирового порядка. При этом игнорируется факт, что некоторые новые демо-

кратии должны будут вернуть земли их законным владельцам или доказать, что договор восстановил историческую справедливость.

Польский вопрос был одним из самых острых на переговорах лидеров антигитлеровской коалиции. На Ялтинской конференции три державы под нажимом Сталина договорились об аннексии прусских земель в пользу Польши, которая получила значительное приращение территории на севере и на западе. Была осуществлена поголовная депортация 15 млн. коренного немецкого населения. Благодаря твердой позиции Сталина была принята схема симметричного геополитического смещения Польши на Запад. Львов и Галиция сохранялись в составе Советского Союза, а часть немецких земель Померании и Восточной Пруссии (Кенигсберг), Западной Пруссии (вольный и ганзейский Данциг) включались в состав Польши. Таким образом, современным границам Польша обязана Сталину, увеличившему площадь страны на одну треть.

Немцы не забыли о прирастании польских земель за счет Пруссии. В Германии созданы организации, объединяющие перемещенных лиц и их потомков («Союз изгнанных» и др.), выступающие за цивилизованное возвращение исторической малой родины. Бывшие судетские немцы ставят вопрос о возможности реституции собственности, национализированной чехами после Второй мировой войны. Другие немцы, изгнанные из народной Польши, выдвигают требования в отношении Померании и Гданьска (Данцига).

Многие в Восточной Европе считали **Венгрию** примером успешной и бесконфликтной интеграции в ЕС. Поэтому беспорядки в венгерской столице осенью 2006 года были восприняты как гром среди ясного неба. Однако кризис созревал постепенно. Макроэкономические показатели Венгрии не отвечали требованиям Брюсселя. В течение десятилетия перед вступлением в ЕС проводились непопулярные экономические реформы, затрагивающие уровень жизни населения. Многолетняя адаптация к требованиям ЕС сопровождалась снижением жизненного уровня, расхождением надежд и реальностей. Завышенные надежды, что с вступлением в ЕС жизнь станет лучше, не оправдались. «Светлое капиталистическое будущее» не наступило. В результате мирового финансового кризиса Венгрия оказалась на грани банкротства.

Не оправдались надежды в отношении национального вопроса. В сопредельных странах проживает более 5 млн. венгров, включая Трансильванию, Воеводину, Словакию и украинское Закарпатье. За исключением Словакии, в других сопредельных странах имеются проблемы по соблюдению прав национальных меньшинств. Во внешней политике Венгрия играет стабилизирующую роль в срединной Европе и дистанцируется от вхождения в альянсы, направленные против России[1].

[1] *Шишелина Л.* Венгрия: весна надежд и сомнений // Современная Европа, 2006, № 2.

На протяжении XX века **Румыния** постоянно испытывала угрозу со стороны Российской/Советской империи в связи с Восточным вопросом и проблемой Черноморских проливов, в контексте которой историческая область Добруджа рассматривалась как стратегический коридор России к Стамбулу, с возможной ее передачей Болгарии. Поэтому возрастает стремление Румынии при благоприятных обстоятельствах претендовать на роль региональной державы. Создание Великой Румынии на основе воссоединения с Молдавией всегда будет находить сторонников среди политической элиты страны. В будущем может обостриться проблема Северной Буковины (Черновицкой области Украины), включение которой в состав Советского Союза не было предусмотрено секретными статьями пакта Молотова–Риббентропа. Многочисленные сторонники «Великой Румынии» выступают за территориальные претензии на Северную Буковину, где 20% трудоспособного населения вынуждено работать за границей. Румынская власть уже выдала паспорта жителям Черновицкой области, чьи предки до 28 июня 1940 года были румынскими гражданами.

Обострился украинско-румынский конфликт вокруг острова Змеиный. Румыния предъявила права на остров площадью 1,6 кв. км и 12-мильную экономическую зону, ссылаясь на Парижский мирный договор 1947 года между государствами-победителями во Второй мировой войне и союзной Германии Румынией. На основании советско-румынских договоров о мире и дружбе 1948 и 1961 гг. остров принадлежал СССР. В 1997 году в Киеве был парафирован украинско-румынский политический (рамочный) договор, в котором спорные вопросы были вынесены за скобки. Однако дальнейшие переговоры ни к чему не привели, и Румыния подала материалы в Международный суд в Гааге по проблемам юрисдикции украинского острова Змеиный и континентального шельфа.

Страны Балтии. Как стало очевидным, сам факт членства в ЕС и НАТО не спасает от кризиса. Страны Балтии взяли слишком много кредитов за рубежом, и им не хватает денег по обслуживанию долга. Эстонии и Латвии прогнозируют в ближайшие два года отрицательный рост ВВП. Экономическому кризису в этих странах способствовала и антироссийская внешняя политика, в результате которой сузился рынок транспортных услуг за счет утраты транзита российских грузов[1].

Геополитический проект биполярной Большой Европы. Российская власть впервые твердо озвучила провал однополярного мирового порядка во главе с Соединенными Штатами, претендующего на смену биполярной модели мироустройства. Достигнута «красная черта» в лицемерии и двойных стандартов Запада, американского высокомерия по отношению ко второй ядерной державе, у которой, по их мнению, не должно быть геостратегических интересов. За «красной чер-

[1] *Модрис Аузиньш*. Конец игры // Совершенно секретно, 2008, № 7.

той» начинается противостояние НАТО и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). До мирового финансового кризиса, порожденного неолиберальной политикой Америки, был вероятен сценарий более тесного союза с Западной Европой в борьбе за ресурсы Евразии. Но этот шанс упущен, а Европейский Союз стал главным соперником в глобальной конкуренции.

Наиболее приемлемая геополитическая европейская архитектура должна строиться на основе проекта Большой биполярной Европы, где ведущая роль принадлежит истинной «старой» Европе, обладающей экономической мощью, и крупной ядерной и энергетической державы мира – Российской Федерации. Именно эти две силы могут стать гарантами безопасности на континенте. Биполярный мир более устойчив, чем однополярный, не только в масштабах всей планеты, но и на региональном уровне. Будущее Европы – в двухполюсной конфигурации Европейского континента, межцивилизационном диалоге западноевропейских и восточноевропейских традиций.

Фундаментом Большой биполярной Европы должен стать союз России и подлинной континентальной Европы, дополняющих друг друга. На этих принципах целесообразно строить деятельность Совета Европы. Восточноевропейские страны, как члены Совета Европы, должны отстаивать право на собственную цивилизационную идентичность.

Важной основой общеевропейской безопасности служит геополитическая ось Берлин–Париж–Москва–Рим. В экономическом пространстве континента целесообразно создание геоэкономической оси Европейский Союз – Восточноевропейское сообщество со своим Страсбургом. Создание «Восточноевропейского союза» в настоящее время находит сторонников и в Европарламенте. Новая Восточная Европа должна включить, кроме России, Белоруссии и Украины, Молдову и, возможно, страны Южного Кавказа. В Черноморском регионе, который втягивается в международный глобальный конфликт, необходимо усилить взаимодействие России и Турции в решении проблем Южного Кавказа. Эти страны, в отличие от США, имеют глубокий исторический опыт решения региональных проблем.

Главный роковой рубеж в Европе прошел между желанием жить не по средствам новых членов ЕС в надежде на «правильного» старшего брата и природой западной экспансии, в которой важная роль принадлежит экономическому киллерству. Международные финансовые институты, где руководящая роль принадлежит американцам и европейцам, охотно предоставляли кредиты, за которые в результате банкротства приходится рассчитываться натурой – материальными и другими ресурсами.

Россия первой из бывшего социалистического лагеря протрезвела от бездумного стремления к богатому «пузу» Запада. Осталось только с умом распорядиться собственным богатством и зажечь созидательную человеческую энергию.

Тиберио ГРАЦИАНИ (Италия)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И ЕВРАЗИЯ: ЦЕНТРЫ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Авантюрная политика США в Грузии и глубокий финансовый и экономический кризис, поразивший весь западный мир, окончательно выявили неспособность Соединенных Штатов управлять ходом современной истории.

Модели формирования современного миропорядка на базе противопоставления: восток – запад, север – юг, центр – окраины, кажется, уже больше не работают для геополитических сценариев будущего.

Многополярный подход к союзам и конфликтам между действующими на мировой арене силами позволяет нам географически выделить в качестве главных центров нового мироустройства Латинскую Америку и Евразию.

Неспособность США к господству

Недавняя грузинская кампания окончательно похоронила так называемую однополярность, основанную на единоличном лидерстве США, и, что особенно важно, показала эффективность новой геополитической системы, строящейся отныне вокруг различных полюсов на отдельных континентах, иными словами, многополярного мира.

Следует, однако, сразу же заметить, что закат однополярного мира под эгидой Соединенных Штатов вовсе не означает конец гегемонии Вашингтона, чье присутствие, в том числе и военное, по-прежнему сохраняется на обширной части территории нашей планеты. С этой на сегодняшний день убавившейся гегемонией новым геополитическим силам еще несколько лет предстоит находиться в конфронтации. Такая гегемония, подчеркнем особо, по сравнению с прошлым, возможно, еще более опасна для международной стабильности, именно в силу своей шаткости и уязвимости. Поэтому осуществлять ее Вашингтону и Пентагону приходится, с трудом удерживая равновесие, как наглядно показал грузинский конфликт.

Глубокий структурный кризис экономики Штатов[1] только ускорил процесс перераспределения сил во всей «западной системе», начавшийся еще в середине 1990-х годов, что подметили, однако, только в первые годы нового столетия такие авторы, как Чалмер Джонсон и Эммануэль Тодд, каждый анализируя по-своему те последствия, с которыми должна будет скоро столкнуться единственная в мире сверхдержава[2], США, и предрекая распад системы американского господства[3].

Джонсон, глубокий знаток Азии и Японии, в частности, в 1999–2000 гг. высказывал мнение о том, что США окажутся не в состоянии сохранять прежние отношения с Азией, если «*их правительство будет продолжать настаивать в своих притязаниях на мировое господство*»[4]. В числе уже заметных перемен, которые в ближайшее время будут определять новый геополитический контекст, он обращал внимание на усилившееся стремление Китая обогнать экономики других восточно-азиатских стран путем интенсивного роста[5]. Он же, ссылаясь на безжалостный анализ Давида Каллео[6], проиллюстрировавшего еще в далеком 1987 году распад международной системы, делал вывод о том, что США в конце столетия превратились в «хищного гегемона», «обделенного чувством равновесия».

Французский ученый Тодд также считал, что США в результате войн на Ближнем Востоке и в Югославии превратились в настоящее время в фактор, вносящий беспорядок на международной арене, при этом, по его мнению, взаимозависимость мировых экономик явно невыгодно сказалась на американской экономике, что однозначно продемонстрировал ее дефицит в последнем десятилетии.

---

[1] Сегодняшний экономический и финансовый кризис, по мнению некоторых специалистов, в числе которых Жак Сапир, восходит к кризисному трехлетию 1997–1999 годов. Jacques Sapir, *Le nouveau XXI siècle. Du siècle «américaine» au retour des nations,* Seuil, Paris 2008, p. 11. Напомним, что США с 1992 по 1997 год, в своем убеждении, что они теперь единственная супердержава в мире, развернули в поддержку стратегии мирового господства «идеологическую кампанию, нацеленную на открытие экономик мира для свободной торговли и движения капиталов, свободного в глобальных масштабах» (Chalmer Johnson, *Gli ultimi giorni dell'impero americano,* Garzanti, Milano 2001, p. 290).

2. Chalmer Johnson, *Gli ultimi giorni dell'impero americano*, Garzanti, Milano 2001, ediz. orig. *Blowback, The Costs and Consequences of American Empire,* Little Brown and Company, London 2000.

3. Emmanuel Todd, *Après l'empire. Essai sur la décomposition du syst?me am?ricain,* Gallimard, Paris 2002. Ed. italiana, *Dopo l'impero,* Tropea, Milano. 2003.

4. Chalmer Johnson, op. cit., p. 59.

5. Chalmer Johnson, op. cit., p. 58.

6. «Мировая система распадается не только потому, что агрессивные державы, наделенные слабым чувством равновесия, пытаются руководить граничащими с ними странами, но также и потому, что, переживая упадок своего могущества, вместо того чтобы приспосабливаться, они стараются укрепить свое пошатнувшееся господство, трансформируя его в хищную гегемонию». David. P. Calleo, *Beyond American Hegemony: The future of the Western Alliance,* New York 1987, p. 142, цитируется по Chalmer Johnson, op. cit., p. 312.

Несколько лет спустя, в январе 2005 года, острый и блестящий обозреватель издания *New America Foundation* Микаэл Линд в большой статье, опубликованной в газете «Financial Times»[1], указывал, что некоторые евроазиатские страны, главным образом, Россия и Китай, и страны Южной Америки «потихоньку» предпринимали меры, последствием которых явится «убывание» американской мощи.

И совсем уже недавно (2007) Лука Лауриола[2] в основном повторил те же оценки, которые мы приводим здесь со слов Клаудио Мутти: *«Лауриола намерен изложить несколько тезисов, которые схематично сводятся к следующему: 1) США уже не являются сильнейшей мировой державой; 2) технологическая мощь России на сегодняшний день выше, чем у Штатов; 3) в стратегическом согласии между Россией, Китаем и Индией угадывается конфигурация нового, альтернативного Америке, геополитического пространства; 4) США пребывают в глубочайшем финансовом и экономическом кризисе, преддверии самого настоящего краха; 5) в такой ситуации заокеанская держава «растерялась и сошла с ума», хотя Москва, Пекин и Нью-Дели стараются вести себя с ней так, чтобы не спровоцировать реакцию, угрожающую мировой катастрофой; 6) администрация Буша продолжает невозмутимо двигаться в сторону пропасти, каждый раз выдумывая новые лживые оправдания мировой роли США; 7) значительная часть населения Соединенных Штатов живет в условиях, близких к условиям развивающихся стран; 8) сегодняшний имидж этой страны не является исключительным для ее истории, но в точности воспроизводит ее всегдашний облик (начиная с геноцида краснокожих и кончая разбоем во Вьетнаме); 8) в США ведущую политическую роль играет мессианское лобби, подобное тому, что некогда господствовало в советской номенклатуре»*[3].

Но как такая супердержава за короткое десятилетие могла подойти к состоянию, близкому к краху? Почему такой всемирный игрок, как США, оказался не способным ни руководить, ни навязать свой прославленный демократический и либеральный «новый порядок»?

Ответы на эти вопросы не следует искать только в простых выкладках экономистов, дорогих их сердцам, или/и в политических противоречиях, наблюдающихся в лоне западной системы. На наш взгляд, их следует искать именно в анализе геополитических доктрин этой страны. США, эта мировая талассократическая держава, со времен своей экспансии на территорию латиноамериканского континента, всегда

[1] Michael Lind, *How the U.S. Became the World's Dispensable Nation* in «Financial Times», 26 gennaio 2005.

[2] Luca Lauriola, *Scacco matto all'America e a Israele. Fine dell'ultimo Impero,* Palomar, Bari 2007.

[3] Claudio Mutti, Recensione di L. Lauriola, *Scacco matto all'America e a Israele,* www.eurasia-org, 27 gennaio 2008.

придерживались политической практики, которую мы уже определили в другом случае как хаос[1], что означает «геополитику постоянных пертурбаций», устраиваемых на территориях тех стран, где есть возможность подчинить их своему влиянию и навязать собственное господство. Отсюда – неспособность установить настоящий и внятный международный порядок, которого следовало бы ждать от тех, кто претендует на мировое лидерство.

Два итальянских специалиста по геополитике, Агостино Дельи Эспиноза и Карло Мария Санторо, в разное и довольно далекое друг от друга время, соответственно в 1930-е и в 1990-е годы, констатировали характерную для Соединенных Штатов важную черту: **неспособность к руководству, к управлению.** В далеком 1932 году Агостино Дельи Эспиноза писал: *«Америка не хочет править, а хочет просто властвовать самым обыкновенным способом, а именно, путем засилья своих долларов». И продолжал дальше, утверждая, что править «не означает только навязывать свои законы и волю, а означает диктовать закон, который так бы отвечал духу народа, что между правящим и управляемыми возникло бы духовное организованное единство»*[2].

Спустя более чем 60 лет Карло Мариа Санторо вторил ему: *«Морские державы [...] не могут даже концептуально представить себе завоевание и правление иначе, как путем деления крупных континентальных империй по иерархическому принципу»*[3].

Специфическое свойство такого талассократического государства, как США, отмеченное Санторо, заключается в неумении править, в том смысле, о котором мастерски высказался выше Дельи Эспиноза, объяснив лучше, чем любой другой аналитик, упадок североамериканской державы.

К чему, разумеется, следует добавить также и негативные обстоятельства, связанные с экспансией американского империализма: военное развертывание, государственные расходы, недостаток дипломатического такта. Сегодняшнюю неспособность США возглавить исторический процесс недавно констатировал также и французский экономист Жак Сапир. Более того, по мнению ректора Высшей школы общественных наук в Париже (EHESS – Ecole des hautes études en sciences sociales), уже кризис 1997–1999 годов показал, *«что Соединенные Штаты оказались неспособны обуздать процесс международной финансовой либерализации, который они сами вызвали и навязали многим странам»*[4].

Очевидно, что для Сапира глобализация является одним из аспектов американского экспансионизма и во многом результатом проводи-

[1] Tiberio Graziani, *Geopolitica e diritto internazionale nell'epoca dell'occidentalizzazione del pianeta,* в «Eurasia. Rivista di studi geopolitici», 4/2007, p. 7.

[2] Agostino Degli Espinosa, *Imperialismo USA,* Augustea, Roma-Milano 1932-X, p.521.

[3] Carlo Maria Santoro, *Studi di Geopolitica,* G.Giappichelli, Milano 1997, p. 84.

[4] Jacques Sapir, *op. cit.,* pp. 11–12.

мой Штатами *«волюнтаристской политики финансовой и коммерческой свободы»*[1]. В то время как американские либеральные рецепты, навязываемые Международным валютным фондом методом диктата, терпели неудачу в Индонезии и жестко отвергались в Куала Лампуре, стабильность на Дальнем Востоке, по мнению ученого, в значительной мере была обеспечена благодаря ответственной экономической политике, проводимой Пекином.

Интересно отметить, что процесс ослабления экономического и политического могущества США в 2007–2008 годах ускорился именно тогда, когда у власти там находилась группировка, питавшаяся идеологическими разработками консерваторских «мозговых центров». Как известно, неоконсерваторы в последнее время, по крайней мере, начиная с 1998 года, начала «революции в военных делах», изо всех сил толкали Вашингтон к проведению агрессивной и экспансионистской внешней политики. Эта политика осуществлялась в строгом соответствии с известными старозаветными принципами (мессианский импульс как составляющая часть американского патриотизма и как постоянный национальный признак), а также с особым консервативным акцентом в трактовке знаменитой троцкистской теории «перманентной революции». Это учение, явившись в некотором роде теоретическим субстратом стратегии «перманентной войны», которая была разработана вице-президентом Диком Чейни и с усердием претворялась в жизнь администрацией Буша в течение двух последних сроков президентского правления (2000–2008), вновь вдохновляет типичную для Вашингтона «геополитику хаоса».

Латинская Америка и Евразия

Если США, оказавшись перед необходимостью поддержания геостратегического порядка (контроля за Россией и Китаем в Евразии, а также за Бразилией, Аргентиной и странами Карибского бассейна в собственном полушарии), в условиях глубокого финансово-экономического кризиса кажутся растерянными и балансируют между еще более агрессивной, силовой по сравнению с прошлым внешней политикой и реалистической переоценкой собственной роли в мире, то крупнейшие евроазиатские державы во главе с Россией и Китаем, а также южноамериканские страны, такие, как Аргентина и Бразилия, похоже, все сильнее осознают собственные экономические, политические и геостратегические потенциальные возможности. Это заставляет аналитиков и людей, принимающих политические решения, подходить с новыми мерками к пониманию настоящего момента.

Похоже, схемы толкования исторического прошлого, исходящие из противопоставления востока и запада, севера и юга, центра и окраин,

[1] Jacques Sapir, *op. cit.*, pp. 63–64.

уже больше не работают. Чтобы распознать возможные геополитические сценарии будущего, было бы правильнее применять континентальные и многополярные модели к союзам и расколам, происходящим между сегодняшними игроками на мировой арене, следовало бы сосредоточить внимание на межконтинентальных осях, связывающих сегодня два полушария.

Страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) образовали новую геоэкономическую ось между Евразией и Южной Америкой, которая стала уже вполне определенной реальностью, способной привлечь в ближайшем будущем остальные евроазиатские и южноамериканские страны. Если за короткий и средний период такая ось окончательно сформируется, то «западническим» мечтам Англии о евроатлантическом сообществе от Турции до Калифорнии[1] или расчетам США на установление мирового порядка, основанного на триаде сил – Северная Америка, Европа и Япония, так и не суждено будет сбыться.

В ходе недавней встречи министров иностранных дел стран БРИК (май 2008) в Екатеринбурге было подтверждено намерение развивающихся стран продолжать укрепление экономических и политических связей, что было воспринято США как настоящий вызов. Следует также напомнить о заседании «большой пятерки» (Бразилия, Индия, Китай, Мексика и ЮАР), состоявшемся в Саппоро а июле 2006 года, совпавшем по времени со встречей G8 в Хоккайдо.

Именно с момента вступления В.Путина в должность главы правительства Российской Федерации (август 1999-го) между Россией и южноамериканскими странами возникли и начали интенсивно развиваться экономические связи, обретя в последние годы политически значимые масштабы.

В то же время растет интерес Китая к Южной Америке, начало чему положил в апреле 2001 года визит председателя Китая Дзян Дземиня в различные страны южноамериканского континента. Китай в своих поисках сырья и энергетических ресурсов, необходимых для собственного промышленного роста, рассматривает Бразилию, Венесуэлу и Чили как своих привилегированных стратегических партнеров (на сегодняшний день между Пекином, основными южноамериканскими странами и Мексикой существует 400–500 торговых соглашений), сделаны также значительные капиталовложения в развитие крупных инфраструктур.

Таким образом, интересы России и Китая в Южной Америке растут с каждым днем. Российский колосс «Газпром» (вместе с итальянским ЭНИ)

[1] Серджо Романо по поводу английской антиевропейской политики так отвечал двум читателям еженедельника «Corriere della sera»: «Целью англичан является создание крупнейшего атлантического сообщества, от Турции до Калифорнии, стержнем и связующим звеном которого, разумеется, явился бы Лондон». Sergio Romano, *Perché è difficile fare l' Europa con la Gran Bretagna,* Corriere della sera, 12 giugno 2005, p. 39.

заключает с Венесуэлой (сентябрь 2008) контракты на разведку газа на участках *Blanquilla Est* (Бланкия Эст) и *Tortuga* (Тортуга), в Карибском море, приблизительно в 120 км к северу от города Пуэрто ла Круз (северная Венесуэла), кроме того, Москва утверждает план создания нефтяного консорциума в Южной Америке. В то время как «Лукойл» подписывает соглашение-меморандум с венесуэльской нефтедобывающей компанией *Petroleos de Venezuela S.A.* (PdVSA), Уго Чавес едет в Пекин (сентябрь 2008) для подписания 20 коммерческих соглашений с Ху Цзиньтао о поставках сельскохозяйственной, нефтехимической продукции и технологий, а также обязуется поставить 500 тысяч баррелей нефти в день до 2010 года и 1 млн. баррелей до 2012 года.

Кроме этого, Пекин и Каракас, в продолжение соглашений, заключенных в мае 2008 года, в сентябре того же года договариваются о строительстве совместного нефтеперерабатывающего завода в Венесуэле и о совместном строительстве 4 гигантских танкеров для увеличения поставок нефти в Китай.

Страны Карибского бассейна и Южной Америки уже больше не выглядят «домашним подворьем» Вашингтона. Озабоченность его только возрастает, когда Никарагуа признает республики Южную Осетию и Абхазию, когда Венесуэла принимает у себя на территории российские стратегические бомбардировщики дальнего радиуса действия, а главное, когда процесс интеграции стран Южной Америки ускоряется в результате тесного сближения между Буэнос-Айресом и Бразилией. Взаимоотношения между двумя крупнейшими державами латиноамериканского континента нашли недавнее конкретное воплощение в создании системы платежей в местной валюте (SML) для облегчения взаимообмена товарами. Введение SML вместо доллара США является первым настоящим шагом к интеграции валют всех стран – участниц Южноамериканского общего рынка *(Mercosur)*, образованием в зачаточном виде «регионального полюса», который, по всей видимости, сможет развиться за короткий период благодаря уже упрочившимся отношениям с Россией и Китаем в экономической и торговой сфере.

Нервозность Вашингтона возрастает и тогда, когда Россия и Китай расширяют свое влияние в Африке, а также поддерживают отношения сотрудничества с Ираном и Сирией.

Однако, помимо заключения пусть даже очень важных и необходимых экономических, торговых и политических соглашений, направленных на адекватное развитие новой многополярной системы, два ее главных центра, Евразия – в северо-восточной и Латинская Америка – в юго-западной части планеты, обязательно должны будут взять под контроль свои прибрежные зоны и гасить у себя внутренние конфликты, зачастую искусственно разжигаемые самим Вашингтоном и Лондоном, а это является их настоящей ахиллесовой пятой.

Действительно, чтобы противостоять США – иными словами, чтобы находить разумные и взвешенные решения, которые без новых потрясений уменьшили бы риск возникновения на планете беспорядков, – Китай и Россия должны учитывать, что сегодня экс-супердержава хотя и представляет из себя «растерявшуюся» нацию, но все еще является геополитической единицей континентального масштаба, хозяином собственных прибрежных территорий. Располагая пока еще сильным морским флотом[1], она способна, как игрок, присутствовать повсюду, где бы на планете ни разыгрывалась «шахматная» партия. Недавно, как мы помним, Вашингтон возродил Четвертый флот (в состав которого на сегодняшний день входят 11 судов, одна ядерная подлодка и один авианосец), воинственно демонстрируя усердие своим партнерам в Центральной и Южной Америке. Все еще представляя угрозу, Соединенные Штаты вынуждают Евразию, и, главным образом, ее ядро, Россию, а также и Китай, усиливать политику интеграции и сотрудничества в отношении полуостровной и островной части континента, то есть Европы и Японии.

Именно в таком контексте следует рассматривать новый курс президента Медведева, направленный на усиление мощи российских ВВС, в особенности на модернизацию Военно-морского флота[2]. Даже если мы живем в эру так называемой «геополитики пространства», геостратегии ракетного нападения и противоракетных щитов, корабельный флот уже сегодня является важной сферой, где участникам глобальных игр предстоит еще, по крайней мере, в течение ближайшего десятилетия, испытывать собственные военные стратегии как в водах «внутренних» морей (Средиземного, Черного и Карибского), так и на океанах.

Чтобы лучше понимать будущие поступки заокеанской державы, Пекину и Москве было бы полезно иметь в виду то, о чем писал Генри Киссинджер: *«С геополитической точки зрения, Америка является островом по отношению к евразийскому континенту. Преобладание одной-единственной державы в какой -либо основной части Евразии – в Европе или в Азии – представляет определенную опасность для Соединенных Штатов, угрозу войны, холодной или не очень. Данная опасность должна быть выявлена, даже если бы эта держава и не проявляла бы агрессивных намерений, поскольку, в случае появления таковых впоследствии, возможность Америки эффективно противостоять им весьма уменьшилась бы, в то время как ее неспособность влиять на события, напротив бы, возросла»*[3].

[1] Алессандро Латтационе отмечает, что «у флота США десять лет назад имелось на вооружении 14 авианосцев и соответствующие боевые подразделения. Сегодня на бумаге их 10 , но только 5/6 из них оперативны». Alessandro Lattanzio, *La guerra è finita?*, доклад, представленный в *FestivalStoria*, Torino, 16 ottobre 2008.

[2] Alessandro Lattanzio, *Il rilancio navale della Russia,* www.eurasia-rivista.org, 1 ottobre 2008.

[3] Henry Kissinger, *L'arte della diplomazia,* Sperling & Kupfer Editori, Milano 2006, pp. 634–635.

Сказанное в отношении Евразии совершенно зеркально можно отнести и к Латинской Америке. Латинская Америка, а это на сегодняшний день Бразилия, Аргентина и Венесуэла, по очевидным геостратегическим соображениям вынуждена сдерживать напряженность, вызывающую нестабильность на территории одной части «андской дуги»[1], особенно боливийской, это участок, соединяющий западный и восточный берега южноамериканского континента. Бразилия, Буэнос-Айрес, Сантьяго и Каракас, если они действительно хотят высвободиться из-под американской опеки, обязательно должны укреплять свои политические и военные связи, а также уделять особое внимание усилению мощи своего флота, как гражданского, так и военного. Сегодня условия, благодаря их «дальнему другу» – евроазиатским державам, кажется, складываются в их пользу. Стоит заметить, что эти условия благоприятны также и для Европы, и для Японии.

Остается только надеяться, что ради сохранения равновесия на планете и США благоразумно осознают сокращение своей роли и, значит, не будут стремиться к безрассудному реваншу.

[1] Как известно, аналитики делят страны Южной Америки на две так называемые дуги: «андская дуга» включает Венесуэлу, Колумбию, Эквадор, Перу, Боливию, Парагвай, а в «атлантическую дугу» входят Бразилия, Уругвай, Аргентина и Чили.

Сергей ЛУНЕВ

РЕГИОН БОЛЬШАЯ ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ПОЛИТИКА ИНДИИ[1]

Многие южноазиатские страны крайне заинтересованы в развитии экономических связей с Индией. Азиатский гигант является стратегическим внешнеторговым партнером Бутана (в 2005 г. на Индию пришлось 69,3% экспорта Бутана и 75,3% импорта, а в 2006 г. – соответственно 67% и 60,7%[2]) и Непала (соответствующие цифры – 53,7% и 47,7%; 56,9% и 70,3%[3]).

Бутан зависим от Индии не только в области внешнеэкономических связей, но и в сфере внешней политики и безопасности. Индийско-бутанский договор 1949 г. создает правовую основу поддержания «особых отношений» между двумя странами. Он предусматривает независимость Бутана, что повысило его статус по сравнению с периодом колониального господства Великобритании на субконтиненте, но дает Индии право консультировать Бутан по внешнеполитическим вопросам и оказывать помощь в области обороны. Договор предусматривает арбитраж в случае возникновения спорных вопросов, в котором участвуют представители двух стран и член Верховного суда Индии. Он заключен навечно, если только срок его действия не будет ограничен или изменен в соответствии с требованиями времени по взаимному согласию. Поэтому Бутан не прилагает особых усилий по изменению ситуации.

Иначе дело обстоит с Непалом. В 1950–1960-е годы на Индию приходилось до 99% внешнеторгового оборота Непала. Опасность торговой ориентации лишь на Индию показала индийско-пакистанская война 1971 г., когда индийское правительство из-за нехватки железно-

[1] Окончание. Начало см. Вестник аналитики, №4, 2008 г.

[2] Официальный сайт ЦРУ – The World Factbook – https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bt.html

[3] Официальный сайт ЦРУ – The World Factbook – https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/np.html

дорожных вагонов прекратило поставки Непалу ряда продуктов. В результате – резкий рост цен в стране и острая нехватка товаров первой необходимости. Затяжная война между Индией и Пакистаном могла бы привести к полной дезорганизации хозяйства Непала.

Непальскому правительству пришлось пойти на расширение торговых контактов с другими странами. В 1970-е годы доля Индии в общем торговом обороте стала неуклонно сокращаться. Так, во второй половине 1970-х годов она составляла 75–80%, в первой половине 1980-х годов – 50%[1], во второй половине – менее 40%[2].

В конце 1980-х годов недовольство в Индии развитием непало-китайских отношений, и особенно продажей Китаем оружия Непалу, преследования индийских граждан в гималайской стране привели к тому, что Дели отказался продлить срок действия довольно льготного для Непала договора о торговле и транзите. Непал потерял свой особый статус: его импорт и экспорт стали облагаться обычными пошлинами, и он лишился возможности приобретать товары, которых не хватало в самой Индии. Из 15 проходов на границе 13 были закрыты (по международным законам достаточно оставлять один проход для страны, не имеющей выхода к морю), что вызвало огромные трудности с транспортировкой (на границе выстроились очереди из грузовиков с товарами) из-за низкого уровня развития инфраструктуры Непала[3].

Для Непала транзитная торговля через Индию по существу является единственным способом увеличить торговый оборот с другими странами. Положение Непала как государства, не имеющего выхода к морю, уникально: страна имеет теоретически только два транзитных пути к морю, причем путь через Китай сложен: расстояние от Катманду до китайских портов – 5000 км, а инфраструктура в Тибете практически не развита[4].

Непальское правительство выступило с заявлением, что действия Индии – это экономическая блокада, и обратилась за помощью к Китаю, США, Пакистану, ООН и Движению неприсоединения, но все государства и международные организации отказались расценивать действия Индии в качестве экономической блокады и посоветовали Непалу не интернационализировать конфликт[5].

Санкции Индии вызвали сильнейший экономический кризис в Непале, что косвенно привело к резкой активизации политической борьбы в Непале, закончившейся сменой политического режима (страна перешла к конституционной монархии). В XXI веке из-за политиче-

[1] «Nepal Press Digest» (Kathmandu). 4.03.1986.

[2] «The Times of India». 28.04.1989.

[3] Sengupta U. Nepal: Himalayan Crisis. – «India Today». 1989, vol. 14, N 9, p. 88–89.

[4] Kaushik P.D., Ali A. Land-Locked States: A Case Study of Nepal. – «Journal of Development and Administrative Studies» (Kathmandu). Vols. 6, 7, 8, 1984–1986, p. 3–4.

[5] Chaturvedi S.K. Indo-Nepal Relations: Tension Area. – «Foreign Affairs Report». 1989, vol. 38, N 5, p. 78.

ской нестабильности в гималайской стране доминирование Индии в экономической сфере вновь стало преобладающим.

Таким образом, зависимость Непала и Бутана от Индии в торговой сфере позволяет южноазиатскому гиганту осуществлять воздействие на стратегию своих соседей экономическими методами.

Торговые связи между Индией и Шри Ланкой динамично развиваются, особенно после начала функционирования в 2000 г. зоны свободной торговли.

За пять лет объем торговли возрос в 4 раза. В 2005 г. на долю Индии пришлось 8,9% экспорта Шри Ланки и 20,7% импорта, а общий объем торгового оборота достиг отметки в 2 млрд. долларов. В 2006 г. Индия сохранила статус главного поставщика в островное государство (22%) и одного из основных покупателей (10,1%)[1]. В 2006/07 финансовом году торговый оборот между двумя странами превысил 2,7 млрд. долларов[2].

Социальные структуры, модели и уровни экономического развития, политические системы Индии и Шри Ланки достаточно схожи. Это предопределило стабильный характер взаимосвязей Индии и Шри Ланки (за исключением периода 1980-х годов, когда в Шри Ланке проходила прямая вооруженная конфронтация на этно-конфессиональной основе и значительная часть политической элиты и населения Индии поддерживали тамилов-индуистов).

Индия остается одним из наиболее значимых экспортеров в Бангладеш.

Если в 1988 г. Индия занимала 8-е место в списке импортеров в Бангладеш (3,0%), то уже в 1996 г. – первое (16,0%). В 2005 г. на долю Индии приходилось 14,1% импорта Бангладеш (1-е место, если раздельно учитывать торговлю КНР и Сянгана). В 2006 г. Индия, правда, уступила Китаю (соответственно 13,2% и 17,7%)[3].

Более трех четвертей экспорта Бангладеш идет в ЕС и США, но страна стремится к диверсификации и к резкому увеличению своего экспорта в азиатские страны, особенно в Индию. Бангладешские власти постоянно упрекают своего соседа, что именно его позиция (высокие протекционистские тарифы) не позволяет реализовать данную цель. Признавая определенную справедливость подобных заявлений, следует отметить, что функционирование зоны свободной торговли в Южной Азии, как отмечалось, будет способствовать росту экспорта Бангладеш в Индию.

Традиционно основным экономическим партнером Мальдивской Республики была Шри Ланка: на нее в отдельные годы приходилось до

[1] Официальный сайт ЦРУ – The World Factbook – https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ce.html

[2] Официальный сайт Генеральной дирекции внешней торговли Индии Министерства торговли и промышленности Индии – http://dgft.delhi.nic.in/ (Export Import Data Bank)

[3] Официальный сайт ЦРУ – The World Factbook – https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bg.html

90% торгового оборота Мальдив. Вплоть до конца 1980-х годов интерес Индии к ней был относителен. Отсутствие военно-политического сотрудничества Мальдив с великими державами и ее соседями, большое расстояние до материковой части Индии предопределяли традиционный подход азиатского гиганта в русле отношений с небольшими островными государствами Индийского и Тихого океанов: постепенное их развитие в экономической и культурной сферах. По мере организационного оформления Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) происходило упрочение экономических и политических связей двух стран.

Дополнительный импульс им придали события 1988 г., когда около ста наемников (в основном из числа тамильских боевиков из Шри-Ланки), имевших связи с мальдивской оппозицией (которая и организовала переворот), захватили президентский дворец. На призыв президента М.А.Гайюма о помощи моментально откликнулась Индия: 1600 десантников были высажены в Мале (первая часть прибыла уже через 15 часов после начала переворота). Путчисты были разгромлены, а сбежавших по морю наемников захватили индийские ВМС (в ходе проведения операции индийские военнослужащие не потеряли ни одного человека). В 2006 г. Индия была уже одним из основных экспортеров в Мальдивскую Республику (на ее долю приходились 11,2% импорта островного государства)[1].

Менее активно развивается экономико-техническое сотрудничество в рамках СААРК. Большое значение оно имеет лишь для гималайских королевств. Индия финансирует значительную часть бюджетных расходов Бутана (в 1960-х годах – полностью, в 1970-х – на 90%) и является основным донором Бутана (на безвозмездной основе). Именно Индия начала строительство в Бутане заводов и гидроэлектростанций.

Индия также всегда была основным «донором» Непала. Размеры безвозмездной помощи Индии растут в абсолютных цифрах и несколько сокращаются. Несмотря на огромные размеры индийской экономической помощи, непальские власти не всегда бывают удовлетворены ею. По некоторым сведениям, 70–75% ее возвращаются в Индию в форме платежей по закупкам оборудования и выплаты заработной платы индийским специалистам. Недостаточное обследование необходимых внутренних резервов Непала приводит к тому, что фактический объем использования индийской помощи намного ниже объема планировавшейся.

Во время пребывания в Индии у власти в 1996–1998 гг. левоцентристского Объединенного фронта, когда была сформулирована «доктрина Гуджрала», в соответствии с которой Индия признавала свою особую ответственность за Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал и

[1] Официальный сайт ЦРУ – The World Factbook – https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/mv.html

Шри Ланку и была готова идти на односторонние уступки, Непалу удалось добиться одобрения проекта субрегионального сотрудничества между Индией, Непалом, Бангладеш и Бутаном в субрегионе Ганга–Брахмапутра–Мегха. В 2004 г. Непал был официально принят в БИМСТЕК (Организация сотрудничества стран Бенгальского залива), куда входят также Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Таиланд, Мьянма и Бутан. Гидроэнергетика является одним из приоритетных направлений деятельности организации, что также давало Непалу надежды на многостороннее сотрудничество. Однако все основные проекты продолжают осуществляться на двусторонней основе.

В настоящий момент Индия намеревается договориться с Непалом о строительстве трех крупных гидроэнергетических станций с общей мощностью в 20 тысяч мегаватт.

Экономическая политика Бангладеш концентрируется на получении безвозмездной экономической помощи и возможности осуществлять нелимитированный и беспошлинный экспорт. Непредсказуемость поведения бангладешских правительств, экономическая и политическая нестабильность и приоритет политических мотиваций препятствуют росту зарубежных инвестиций, в том числе и индийских, в экономику страны. Долгое время Бангладеш отказывалась от реализации значимых для Индии проектов – поставок природного газа и создания дорожной инфраструктуры.

Бангладешские власти блокируют первый проект, несмотря на давление крупных американских и британских корпораций, вложивших крупные суммы в газовый сектор Бангладеш. Помимо политических соображений, здесь существуют и экономические. Даже при сохранении нынешних объемов потребления газа в стране доказанные запасы будут полностью исчерпаны за четверть века. Отказ от предоставления Индии возможности использовать территорию Бангладеш для организации транзитного грузового сообщения между северо-восточными и центральными штатами азиатского гиганта (северо-восток связан с остальной Индией стокилометровым участком в предгорьях Гималаев, а штат Трипура вообще с трех сторон окружен территорией Бангладеш) связан, в первую очередь, с политическими соображениями. Возможно, жесткая позиция Индии по поводу условий экспорта из Бангладеш связана именно с политикой Дакки в отношении реализации данных проектов.

После начала политики экономической либерализации в Шри-Ланке стали возрастать индийские капиталовложения в экономику островного государства. Заметно оживилась деятельность Индии в Шри-Ланке и в области финансов. Индия вышла на 3-е место среди основных инвесторов островного государства.

Индия в общем не очень высоко оценивает деятельность САРК, и многие индийские политики, эксперты и журналисты часто задаются

вопросом о целесообразности ее дальнейшего функционирования. Вместе с тем для политической элиты в целом СААРК является крайне важной организацией, поскольку отсутствие региональной организации будет ставить под сомнение легитимность статуса региональной державы для Индии.

В этом плане подходы азиатского гиганта очень напоминают ситуацию с отношением России к СНГ, что вовсе не удивительно. Внешнеполитические процессы в Южной Азии имеют совершенно явное сходство с постсоветскими реалиями, проистекающее из: а) наличия государства, явно превосходящего другие по основным экономическим, политическим, интеллектуальным и военно-стратегическим показателям; б) общности истории стран этого региона; в) определенной культурно-цивилизационной схожести; г) стремления малых стран укреплять свои геополитические позиции за счет внерегиональных держав; д) нарушения экономических взаимосвязей внутри некогда единого хозяйственного комплекса.

Индия и Восточная Азия

С начала постбиполярного периода была провозглашена программа «Смотреть на восток», которая подразумевала активизацию державы в Восточной Азии. Здесь приоритетное значение для Индии играют отношения с Китайской Народной Республикой. В экономической сфере началось активное развитие связей двух азиатских гигантов.

С 1990 по 1995 г. объем двусторонней торговли вырос более чем в 30 раз (правда, изначальный объем товарооборота был весьма мал), а в 1999/2000 финансовом году он составил около 2 млрд. долларов, в 2003/04 финансовом году – 7 млрд. долларов, в 2006/07-м – 25,7 млрд. долларов (рост на 46% за год)[1]. Китай занимает 3-е место в списке импортеров индийской продукции (8,4%) и 1-е место – в списке экспортеров в Индию (10,5%)[2].

С конца 1990-х годов индийские предприниматели начали бить тревогу в связи с ростом поставок более дешевой китайской продукции (в Китае значительно выше производительность труда и намного лучше развита инфраструктура) на индийский рынок. Многие ведущие индийские экономисты открыто выражали опасения, что со вступлением КНР в ВТО ситуация для Индии еще более ухудшится. При этом два азиатских гиганта начали конкурировать друг с другом и на мировой арене по целому ряду товарной номенклатуры. Однако в сере-

[1] Официальный сайт Генеральной дирекции внешней торговли Индии Министерства торговли и промышленности Индии – http://dgft.delhi.nic.in/ (Export Import Data Bank).

[2] Официальный сайт ЦРУ – The World Factbook – https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html

дине десятилетия индийские бизнесмены и экономисты стали гораздо спокойнее реагировать на развитие экономических взаимосвязей. Индийские компании по программному обеспечению начали даже использовать Китай как трамплин для проникновения на восточноазиатские рынки.

Программа «Смотреть на восток» подразумевала активизацию державы и в Юго-Восточной Азии. В 1993 г. был официально учрежден секторальный диалог АСЕАН с Индией, а в 1995 г. республике был предоставлен статус полномасштабного партнера. В ноябре 2002 г. состоялся первый саммит АСЕАН + Индия. Индия была одной из 16 стран, участвовавших в первом восточноазиатском саммите, проведенном в Малайзии, в декабре 2005 г. Стал функционировать форум «Меконг – Ганг», объединивший Индию и пять стран АСЕАН – Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд и Вьетнам. В 1997 г. была образована уже упоминавшаяся организация БИМСТЕК в целях осуществления совместных экономических проектов. Правда, ее деятельность пока не принесла ожидаемых результатов. В 2007 г. Индия даже отменила встречу глав правительств, которая должна была состояться в Дели после того, как Бангладеш проинформировала о невозможности участия. При этом предполагалось, что на заседании возможно принятие решения о создании специальной зоны свободной торговли.

КНР перестала расценивать развитие политического и экономического сотрудничества Индии со странами Юго-Восточной Азии как негативную тенденцию. В октябре 2003 г. на острове Бали параллельно проходили саммиты Индия–АСЕАН и Индия+3, в ходе которых Индия и КНР одновременно присоединились к Балийскому договору о дружбе и сотрудничестве.

Отношения Индии со странами Юго-Восточной Азии напоминают взаимосвязи Китая с государствами Южной Азии: для более мелких стран региона соседний гигант является как перспективным экономическим партнером, так и угрозой безопасности (прежде всего, в плане попадания в зависимость). В результате страны Юго-Восточной Азии крайне благожелательно относятся к укреплению взаимосвязей с Индией, проводя ту же политику балансирования, опираясь на другие региональные (Индия, Япония) и внерегиональные державы (в первую очередь, США). Индия постоянно дает заверения Китаю, что ее взаимосвязи со странами АСЕАН не направлены на сдерживание КНР.

Индийское правительство согласилось с функционированием нового форума БКИМ (Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма), но не в плане образования очередной субрегиональной организации, а для осуществления конкретных совместных проектов. В начале 2005 г. Индия пообещала предоставить КНР статус наблюдателя на следующей конференции СААРК, и в ноябре 2005 г. на саммите СААРК в Бангладеш это решение было принято. Правда, наблюдатели отмечали

колебания Индии, пытавшейся отложить предоставление статуса наблюдателя Китаю, тогда как другие страны (в первую очередь, Пакистан, Бангладеш и Непал) настойчиво требовали вхождения КНР в южноазиатскую организацию. Более того, Индия добилась предоставления такого же статуса и Японии.

Четверть внешней торговли Индии стало приходиться на Восточную Азию: на АСЕАН – почти 10% от всей торговли Индии, на страны Северо-Восточной Азии – более 14% (на Китай – более 8%, на Японию и Южную Корею – 2,5%). В последнее время происходит особенно быстрый рост экспорта в страны Юго-Восточной Азии (более 30% в год)[1] и существенное увеличение импорта из Северо-Восточной Азии (в 2007/08 финансовом году – почти на 40%)[2].

Растут инвестиции стран Восточной Азии в Индию. Наиболее крупной сделкой Индии в сфере получения иностранных капиталовложений было как раз соглашение с восточноазиатской страной: южнокорейская фирма «Pohang Iron & Steel» объявила в 2005 г. о намерении вложить 12 млрд. долларов в развитие добычи железной руды в штате Орисса и строительстве здесь металлургического предприятия (мощностью в 12 млн. тонн). Политика Индии в отношении иностранных инвестиций часто вызывает недовольство восточноазиатских компаний. Так, в 2006 г. фирмы «Телеком» (Малайзия) и «Технологии» (Сингапур) отказались от объявленной ранее сделки о покупке индийской телекоммуникационной фирмы «Idea Cellular» (из-за законодательных рисков), а руководство сингапурского аэропорта Чанги (Чжанъи) отменило решение о капиталовложениях в аэропорты Дели и Мумбаи (из-за ограничений на иностранных инвесторов). В феврале 2008 г. о своих сомнениях в возможностях реализации проекта в Орисе заявило и руководство фирмы «Pohang Iron & Steel»[3].

В свою очередь, Индия также начала инвестирование в страны Восточной Азии. Особо привлекательной для республики является сфера энергетики. Так, после успешного начала строительства относительно небольшой гидроэлектростанции в Мьянме (25 мегаватт) в 2006 г. было объявлено о новом гидроэлектрическом проекте Таманти (с мощностью в 1200 мегаватт).

В целом Восточная Азия становится все более важным политическим и экономическим партнером для Индии. При этом экономические связи республики с государствами региона активно развиваются, но по-прежнему находятся на весьма низком уровне. Так, экономические отношения Индии с Японией носят в большей степени политиче-

[1] Правда, в 2007/08 финансовом году рост составил только 15%.

[2] Официальный сайт Генеральной дирекции внешней торговли Индии Министерства торговли и промышленности Индии – http://dgft.delhi.nic.in/ (Export Import Data Bank).

[3] «The Financial Express» (Delhi), 4.02.2008.

ский характер, чем имеют какую-либо реальную экономическую подоплеку. Во многом это связано с отмечавшейся ориентацией Индии на внутренний рынок, что предопределяет известную экономическую обособленность страны. У азиатского гиганта не сложилась комплиментарная взаимозависимость с соседними государствами. Практическое отсутствие экономической взаимодополняемости и сближения экономических интересов препятствует активному участию Индии в общеазиатской интеграции. Более того, республика стремится к ограничению внешних связей тех стран, на которые у нее есть существенные рычаги давления.

В этих условиях в обозримом будущем Индия, продолжая развивать экономические взаимосвязи, особое значение будет придавать культурно-цивилизационным, военно-политическим и, прежде всего, политическим отношениям. Перспективы азиатского гиганта достаточно хорошие, учитывая, что все больше стран региона также начинают позитивно воспринимать Индию.

В целом в становлении Большой Восточной Азии ключевую роль призван сыграть Китай. При этом политика США и Японии будет иметь принципиальное значение для трансформации макрорегиона. Позиции России на современном этапе являются не очень крепкими (во многом из-за отсутствия осознания приоритетности развития связей с Азией), хотя ее потенциал весьма высок, а Дальневосточный и Восточносибирский экономические регионы уже интегрированы в Азию, экономические связи с которой у них более прочные, чем с европейской частью России. Что касается Индии, то она в перспективе может стать вторым по значению актором в Большой Восточной Азии.

Эберхард ШНАЙДЕР (Германия)

РЕГИОНЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Расширение Евросоюза, имевшее место в течение последних четырех лет, придало импульс уже существовавшим ранее тенденциям: к регионализации, к укреплению принципа субсидиарности и к активизации особой политики соседства. Усиление этих тенденций следует воспринимать как реакцию на формирование все более громоздкого и все менее прозрачного объединения.

Региональная политика

Конституция

Из-за сопротивления некоторых стран «Договор, учреждающий конституцию для Европы», претерпел некоторые изменения и теперь называется «Лиссабонским договором», поскольку Великобритания выступила против слова «конституция». Лиссабонский договор содержит ряд положений, усиливающих региональный элемент в Европейском Союзе. В частности, расширено право вето национальных парламентов в отношении готовящихся правовых актов Европейского Союза. В течение восьми недель национальные парламенты могут подать протест против намеченных к принятию правовых актов ЕС, если они сочтут, что эти акты являются нарушением компетенции национального государства. Если большинство национальных парламентов стран ЕС отвергнут проект директивы ЕС, то ЕК должна вернуться к своему предложению. Если она намерена оставить его без изменений, она должна представить мотивированное заключение. Это заключение и контраргументы национальных парламентов должны быть учтены при обсуждении проекта директивы на Совете министров и в Европейском парламенте.

Еврорегионы

Помимо вышесказанного, реакцией на расширение стало образование еврорегионов. Речь идет о европейских приграничных районах, которые были сформированы по всей Европе на границах страны – члена ЕС с одной или несколькими соседними странами или с теми странами, которые не входят в Европейский Союз. Их уже создано 129. Большинство регионов сформировала Германия (17), за ней следуют Австрия (16) и Польша (15).

Первый регион (EUROREGIO) был сформирован на границе Германии с Нидерландами еще в 1958 году, вот уже 50 лет немецкие и нидерландские муниципальные образования совместно работают в этом регионе, успешно развивая трансграничное сотрудничество. Многие еврорегионы являются членами Рабочего сообщества европейских приграничных регионов (видимо, автор ошибается, речь явно идет об Ассоциации европейских приграничных регионов. – *П.П.*). В состав трех еврорегионов входят приграничные регионы трех государств, еще трех – территории четырех государств, пять регионов объединили пять стран, а один – сразу шесть (еврорегион «Балтика», в том числе Россию). Российская Федерация принимает участие в шести регионах. Помимо России из стран, не являющихся членами ЕС, еврорегионы образовали районы Албании, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии, Молдовы, Норвегии, Швейцарии, Сербии и Украины.

В рамках программы Евросоюза Interreg IIIA «Трансграничное сотрудничество» внимание сосредоточено на следующих темах:

– содействие развитию городских, сельских и прибрежных территорий;

– содействие предпринимательству;

– содействие малым и средним предприятиям, в том числе в области туризма;

– содействие местным инициативам в отношении увеличения занятости;

– поддержка интеграции на рынке труда и социальной адаптации;

– совместное использование человеческих ресурсов и учреждений, занимающихся научными исследованиями, технологическими разработками, образованием, культурой, коммуникациями, здравоохранением и общественной безопасностью;

– содействие развитию защиты окружающей среды и внедрению обновляемых энергоносителей, повышению энергоэффективности;

– достижение прогресса в работе транспорта, информационных и коммуникационных сетей и служб, организаций водо- и энергоснабжения;

– углубление сотрудничества в области юстиции и управления;

– повышение качества человеческих ресурсов и институционального потенциала в целях развития трансграничного сотрудничества.

«Европейская группа по территориальному сотрудничеству» является тем правовым инструментом, с помощью которого юридические лица различных стран – членов ЕС могут создавать кооперационные объединения, обладающие собственной правосубъектностью. Союз позволяет осуществлять и регулировать трансграничные, транснациональные и/или межрегиональные меры независимо от того, реализуются ли они при финансовом участии ЕС или без него.

Финансовая помощь

У Европейского Союза имеются два финансовых инструмента, используемых для развития регионов стран-членов. Оба применяются в рамках реализации Лиссабонской стратегии, которая была утверждена на саммите глав государств и правительств европейских стран в марте 2000 г. в столице Португалии. В стратегии выдвигается задача по превращению Евросоюза за десятилетний период, т.е. до 2010 г., в самый конкурентоспособный и самый динамично развивающийся на базе экономики знаний регион мира. Опираясь на эту стратегию, ЕС намерен «в рамках выполнения глобальной задачи по обеспечению устойчивого развития стать для всего мира эталоном экономического, социального и экологического прогресса».

Конвергенция

Достижению этой цели служит «Европейский фонд регионального развития», обязанный способствовать ускоренному экономическому развитию отстающих регионов. В период с 2007 по 2013 г. «Европейский фонд регионального развития» будет заниматься *конвергенцией*. Этот процесс должны пройти регионы тех стран, чей ВВП на душу населения ниже 75% от среднего показателя по ЕС. К ним относятся как новые страны ЕС, так и территория бывшей ГДР, Греция, Португалия, центральные и южные районы Испании, а также юг Италии. В плане – модернизация экономической структуры и создание рабочих мест.

Для всех остальных регионов, которые не нуждаются в помощи в рамках конвергенции, действует программа *«Региональная конкурентоспособность и занятость»*. При этом приоритет отдается научным исследованиям, развитию, финансовому инжинирингу, а также мерам по защите окружающей среды и предотвращению рисков. Решению проблем трансграничного экономического и социального развития, а также транснационального и межрегионального взаимодействия еврорегионов в качестве третьей задачи посвящено *«Европейское территориальное сотрудничество»*.

Сплочение

Фонд сплочения является еще одним структурным инструментом, который с 1994 г. помогает странам-членам уменьшать экономические и социальные диспропорции, а также стабилизировать экономику. Фонд оплачивает до 85% расходов, необходимых для реализации крупных проектов в области экологической и транспортной инфраструктуры. Тем самым он способствует укреплению сплоченности и солидарности в рамках Европейского Союза. В помощи на цели развития нуждаются наименее благополучные в материальном плане страны, чей ВВП на душу населения ниже 90% от среднестатистического уровня по ЕС. С 1 мая 2004 г. в число этих стран входят Греция, Португалия, Испания, Кипр, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Румыния и Болгария.

Укрепление принципа субсидиарности

Субсидиарность – это общественно-политический принцип, предусматривающий делегирование полномочий на максимально низкий административный и политический уровень. Противоположным является принцип централизации и концентрации, в соответствии с которым решения принимаются на максимально высоком уровне.

Согласно принципу субсидиарности распределение компетенций и, следовательно, формы сотрудничества между странами-членами и ЕС варьируются в зависимости от сферы деятельности. Они самостоятельно определяют, в каких областях и в какой степени они намерены взаимодействовать.

– В некоторых сферах (как, например, аграрная политика, внешняя торговля, таможенная политика) органы ЕС имеют исключительные или широкие полномочия. Они принимают законы, которые имеют силу во всех странах ЕС. Страны-члены ЕС не могут предпринимать какие-либо односторонние действия в этих сферах.

– В других областях политики (например, экология, защита потребителей, политика развития) компетенции распределяются частично между Союзом, частично между странами-членами. Органы ЕС принимают решения только в той мере, в какой это позволяет принцип субсидиарности. Страны-члены могут по-прежнему издавать многие законы независимо от Евросоюза и самостоятельно выстраивать свою политику.

– По некоторым направлениям политики (например, в экономической политике и политике занятости) страны-члены действуют, как правило, в одиночку, ограничиваясь лишь взаимным согласованием действий, иначе говоря, координацией своей политики. По некоторым из этих вопросов ЕС может принимать обязательные к исполнению директивы или дополнительные меры.

– Правительства стран-членов взаимодействуют друг с другом по внешнеполитическим вопросам, а также по ряду сфер внутренней и правовой политики, в отношении которых они не хотят поступаться суверенитетом. Европарламент и Еврокомиссия играют в этих областях менее заметную роль. Подобного рода взаимодействие правительств называется межправительственным сотрудничеством.

Вследствие растянувшейся на десятилетия частичной передачи компетенций отдельных стран-членов органам ЕС у Еврокомиссии вырос гигантский бюрократический аппарат численностью более 23000 сотрудников, который занимается регламентацией жизни всего сообщества. В качестве известного примера можно привести постановление Европейских сообществ (как тогда еще назывался Евросоюз) о бананах от 1994 г., согласно которому банан должен быть длиной не менее 14 см, а толщиной не менее 27 мм. Длину следует измерять по внешней стороне изгиба банана от черенка до верхушки плода, толщину – по диаметру в середине банана.

В сентябре 2007 г. в Брюсселе была сформирована группа в составе 15 экспертов во главе с бывшим премьер-министром Баварии Эдмундом Штойбером. Члены группы представляют широкий срез общества: экономические союзы малых и крупных предприятий, профсоюзы, негосударственные организации, а также вузы и политическую сферу. Ее задача – помочь продраться через джунгли постановлений Евросоюза и сократить бюрократию, благодаря чему принцип субсидиарности приобретет больший вес. В результате административные расходы в учреждениях ЕС до 2012 г. должны сократиться на 25%, что позволит сэкономить 150 млрд. евро.

Политика регионального соседства

Одним из следствий расширения Европейского Союза стала политика регионального соседства. Она должна расставить региональные акценты в рамках европейской политики соседства, которая носит слишком общий и слишком всеобъемлющий характер. Участниками этой программы являются также государства, не входящие в ЕС.

Северное измерение

В 1997 г., спустя два года после своего вступления в Евросоюз, Финляндия выдвинула в ЕС концепцию программы «Северное измерение». В 1999 г. в Кельне на Европейском совете было принято Руководство по реализации «Северного измерения». Участниками программы стали все балтийские страны, а также Норвегия и Исландия. Статус наблюдателей получили США и Канада. «Северное измерение» является составной частью внешней политики сообщества и должно содействовать интенсификации сотрудничества между странами региона.

В рамках «Северного измерения» были образованы различные региональные советы (Совет государств Балтийского моря, Совет Баренцево-евроарктического региона, Совет министров северных стран и Арктический совет). Здесь реализуются преимущественно такие проекты, как меры по обеспечению безопасности АЭС на Кольском полуострове, а также крупные проекты по созданию экологической инфраструктуры на Северо-Востоке России.

Черноморская инициатива

В 1997 г. Европейский Союз выступил с «Черноморской инициативой» с целью развития сотрудничества черноморских стран. Участниками программы стали Греция, Болгария, Румыния, Украина, Молдавия, Россия, Грузия, Азербайджан, Армения и Турция. Наиболее важными направлениями деятельности и областями сотрудничества являются укрепление демократии, обеспечение прав человека и ответственной работы руководящих органов, управление потоками миграции и улучшение ситуации в области безопасности, урегулирование «замороженных конфликтов», улучшение экологии, содействие росту энергетики, транспорта, рыболовства, торговли, разработка морской стратегии, проведение научных исследований, совершенствование образования, продвижение науки и технологий, обеспечение занятости, решение социальных вопросов, а также развитие региона.

Средиземноморский союз

В июле 2008 г. в Париже был основан «Средиземноморский союз». Он охватывает все страны-члены Европейского Союза. Первоначально, по мысли французского президента Николя Саркози, который в этот период времени одновременно исполнял обязанности председателя Совета Европейского Союза, в объединение средиземноморских государств должны были войти со стороны ЕС только государства с выходом на Средиземное море, в частности, Франция, Испания, Италия, Мальта, Греция, Словения и Кипр. Всех остальных предполагалось наделить статусом наблюдателя. Эта идея провалилась из-за сопротивления канцлера ФРГ Ангелы Меркель, а также северных стран ЕС. Кроме того, в союз вступили все средиземноморские страны, а также граничащие с ними Мавритания и Иордания. В общей сложности организация объединила 43 государства с населением общей численностью почти 800 млн. человек.

В заключительном заявлении саммита от 13 июля 2008 г. были названы следующие проекты:

- мероприятия по очистке вод Средиземного моря;
- прокладка транснациональных морских маршрутов и автострад;

– создание системы защиты на случай стихийных бедствий;

– один проект в области энергетики, один – в области образования, один – в отношении среднего класса.

Страны-участницы организации объявили о своей приверженности необходимости «укрепления демократии и политического плюрализма» и выступили против как любой формы терроризма, так и попыток установить взаимосвязь между любой религией или культурой и терроризмом. По поводу ближневосточного конфликта стороны согласились с формулировкой о стремлении поддержать мирный процесс между Израилем и палестинцами, не называя при этом конкретных целей или вариантов урегулирования. В качестве политической цели было упомянуто создание Ближнего Востока, свободного от оружия массового поражения.

Запланировано проведение раз в два года саммита государств союза во главе с подлежащим ротации председателем (по образцу ЕС) для обсуждения таких тем, как энергетика, безопасность, борьба с терроризмом, иммиграция и торговля. Средиземноморский союз и ЕС должны при этом вступить в сотрудничество и иметь ряд общих органов. Председательствовать в первые два года было поручено Египту и Франции. Для борьбы с коррупцией, терроризмом, организованной преступностью и торговлей людьми предусматривается принятие совместных мер.

«Инициатива в отношении Востока»

В ответ на создание Средиземноморского союза Швеция и Польша предложили углубить сотрудничество с восточными соседями Европейского Союза. В июне 2008 г. их инициатива получила поддержку Европейского совета. Он поручил Еврокомиссии до весны 2009 г. наполнить содержанием это предложение двух стран.

Инициатива в отношении Востока адресована Армении, Азербайджану, Грузии, Молдавии и Украине. На предварительном этапе отношения с Беларусью будут выстраиваться на уровне экспертов. В программном плане были названы следующие области для сотрудничества: политика и безопасность, границы и трансграничная деятельность, экономика и финансы, экология, общество.

Реализация «Инициативы в отношении Востока» будет осуществляться на двух уровнях: во-первых, предстоит интенсифицировать двусторонние отношения Европейского Союза с восточноевропейскими соседями. Во-вторых, планируется развивать формы многостороннего сотрудничества.

Сотрудничество на двусторонней основе включает в себя вопросы регулирования миграции, а также проблему облегчения поездок. В этой связи в качестве первого шага планируется упростить процедуру

выдачи виз. Конечной целью является отмена визового режима. Кроме того, между ЕС и упомянутыми государствами предполагается создать зону свободной торговли. В зависимости от темпов продвижения реформ всем соседям ЕС будет предлагаться новый тип договора, выходящий за рамки действующих в настоящее время соглашений о партнерстве и сотрудничестве. Страны-партнеры будут получать финансовую помощь в зависимости от выполнения поставленных задач и способности к освоению средств.

Заключение

Европейский Союз является беспрецедентным в истории объединением с населением численностью 500 млн. человек, созданным по принципу «единство в многообразии». Несмотря на всю сложность и длительность процедур согласования позиций 27 государствам, среди которых нет таких, которые бы благодаря своим размерам и влиянию занимали доминирующие позиции, все же удается находить совместные решения, нередко на условиях консенсуса. Во внимание принимаются различные интересы отдельных стран. Они, однако, знают, что одно государство не может длительный срок противостоять всем остальным и тем самым наносить ущерб дееспособности Союза. Различные формы регионального сотрудничества показывают, что Европейский Союз не является унитарным сообществом.

Эльдар КАСАЕВ

«КУРДСКИЙ ВЫЗОВ»: ОТВЕТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В связи с августовскими 2008 г. событиями на Южном Кавказе и их политико-правовыми последствиями во многих уголках планеты крайне остро встали два вопроса: территории и государственности. Пожалуй, самым крупным и «проблемным» в этом отношении регионом является этнический Курдистан. Каковы же сегодняшние тенденции и процессы, связанные с ситуацией в курдском регионе? По силам ли международному праву «разрубить гордиев узел», в который сплелись Турция, Ирак, Иран и Сирия?

Турецкий сценарий

Наиболее острой курдская проблема уже долгие годы остается в Турции. Информация о положении курдов в этой стране дает лишь представление об их ведущей политической организации, Рабочей партии Курдистана (РПК), как о сообществе отпетых террористов, фанатиков без цели и идей[1].

Кроме того, словосочетание «курдский терроризм» стало в один ряд с термином «международный терроризм». Однако это не обосновано как с международно-правовой, так и с фактической точек зрения. Почему?

Во-первых, несмотря на огромное количество различной литературы по проблемам терроризма в общем и международного в частности, соответствующие понятия тем не менее не имеют точных и общепринятых определений. Однако в российском законодательстве такое определение есть: «Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями,

[1] См., напр.: *Радио Свобода*. Рубрика «Террор», 17 апреля 2001 г.

связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»[1].

Во-вторых, несомненный интерес для исследования данной проблемы представляют формулировки, относящие международный терроризм к категории особо опасных государственных и международных преступлений и, что очень важно, определяющие его субъект, объект и предмет: суверенитет государства, международные отношения и международный правопорядок, политические и государственные деятели, граждане и даже дети[2].

Примечательно, что в отношении мирного турецкого населения никаких действий террористического характера РПК не предпринимала. Достаточно вспомнить, что причастность этой партии к террору не смогли доказать даже государственные турецкие обвинители на процессе по делу Абдуллы Оджалана (лидера РПК) в 1999 г.[3] Тем не менее РПК присутствует в списках террористических организаций США, ЕС, Великобритании.

Справедливости ради следует отметить такие новые феномены, как усиление роли крайних религиозных течений и идеологий в политической жизни Турции. Подъем исламского радикализма серьезно задевает интересы как местных режимов, так и западных государств. Находящееся на данном историческом этапе в согласии с западными державами мировое сообщество также испытывает немалую тревогу из-за вероятности дестабилизации положения во всем регионе.

Стоит напомнить, что фундамент для изменения характера межэтнических отношений был заложен еще при «неисламском» руководстве страны. В августе 2002 г. турецкий меджлис формально подтвердил пакет реформ, направленных на снятие напряженности в межэтнических отношениях в стране с целью ускорения возможного вступления в ЕС. Однако снятие в рамках проведенных реформ ряда запретов не сопровождалось решением многих проблем юго-востока страны. Так, в стране состоялось заседание государственного Совета Безопасности Турции, на котором было отмечено, что, ввиду практической нейтрализации боевиков из РПК, государство должно сосредоточить свое внимание на социальных и экономических вопросах в регионе (этот проект планируется завершить к 2010 г.)[4].

---

[1] Федеральный закон РФ от 6.03.2006 г. №35 «О противодействии терроризму».

[2] См.: *Пастухова Н.Б.* Международный терроризм бросает вызов государственному суверенитету // МЖМП. 2007. № 3. С. 87–94.

[3] См.: *Гусейнов В.А., Денисов А.П., Савкин Н.П., Демиденко С.В.* Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 298.

[4] *Вертяев К.В.* Вопросы демократизации и курдский вопрос в Турции в начале XXI века // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. Сб. ст. 2006. С. 156.

В целом можно сказать, что перспектива политического решения сложнейшего «курдского вопроса» в стране весьма туманна, как и возможность вступления Турции в ЕС, с чем, собственно, это решение и связывается. Между тем в обществе постепенно формируется взгляд на возможность решения этого сложного вопроса в рамках международного права и в условиях свободного гражданского общества.

Пожалуй, главной причиной, по которой решить «курдский вопрос» в Турции оказалось не под силу ни прежней, ни нынешней власти, стал тот факт, что страна была практически отстранена от процесса политического урегулирования обстановки на севере Ирака, где курдская автономия уже по многим показателям имеет в скором времени шанс стать независимым государством.

Иракский сценарий

Расширение самостоятельности Иракского Курдистана приводит к эскалации напряженности не только в самом Ираке, но и во всем регионе. Так, усиление политического влияния иракских курдов вызвало серьезную озабоченность Турции, поскольку вслед за иракскими соплеменниками активизировались РПК.

Учитывая весьма суровые уроки прошлого, иракские курды стали придерживаться весьма взвешенной политики. Так, лидер Демократической партии Курдистана Масуд Барзани считает, что время микрогосударств ушло в прошлое и сейчас курдам необходимо оставаться интегрированной частью Ирака. Сегодня, по его мнению, вопрос о выходе курдских территорий из состава Ирака совершенно неактуален, так как существуют другие рычаги воздействия на правительство, позволяющие курдам сохранить свои права в полном объеме. Каковы же эти рычаги? Далее выскажу некоторые свои соображения.

Во-первых, самым главным и весомым аргументом в пользу должного отношения к иракским курдам со стороны федеральной власти является нефть. Не секрет, что Иракский Курдистан обладает большими запасами «черного золота». В соответствии с Конституцией Ирака нефть и газ признаются собственностью всего иракского народа, а управление добычей нефти из существующих на данный момент месторождений будет осуществляться федеральным правительством совместно с добывающими регионами и провинциями. Доходы будут справедливо распределяться между частями страны в соответствии с демографическим распределением населения.

Во-вторых, согласно ст. 113 Конституции Ирака Курдистан получил статус федерального района и очень широкие полномочия даже для субъекта федеративного государства: право на собственное законодательство (при условии непротиворечия федеральной Конституции), собственную систему законодательной, исполнительной и судебной

власти; собственные силы безопасности, собственные представительства при иракских посольствах за рубежом. К исключительной сфере полномочий федерации относятся только такие основные вопросы, как внешние сношения, оборона, финансовая и фискальная политика, торговля между регионами Ирака и управление водными ресурсами, поступающими из-за пределов страны. Все остальное относится к сфере совместной компетенции или к исключительной компетенции регионов. При этом даже в вопросах, относящихся к совместной компетенции, законы регионов имеют приоритет перед федеральными.

В-третьих, Иракский Курдистан, носящий, еще раз подчеркиваю, конституционно закрепленный статус федерального района, принял в 2006 г. региональный закон «Об иностранных инвестициях», ст. 19 которого гласит, что иностранный инвестор не имеет прав собственности на земельные участки, в недрах которых находятся залежи газа, нефти и других минеральных ресурсов.

Важно заметить, что в действующем законодательстве Ирака отсутствует четкое определение порядка разработки вновь открытых месторождений. Он, по всей видимости, должен быть определен законом об углеводородах[1]. Однако уже сейчас в Курдистане создано Министерство природных ресурсов и заключаются контракты с многочисленными зарубежными фирмами о разведке и добыче нефти. К примеру, был подписан договор на получение австрийской нефтегазовой группой OMV AG в ноябре 2007 г. контракта на разведку и разработку нефти в участках Мала Омар и Шориш. OMV AG планирует пробурить разведывательные скважины в 2009 г.[2]

Таким образом, Иракский Курдистан действительно обладает весьма широкими конституционными и фактическими полномочиями, что позволяет его населению чувствовать себя по-настоящему гражданским обществом, имеющим права и свободы, за которые их предки долго боролись «огнем и мечом».

Однако создание de-facto и de-jure автономного курдского государственного образования в Ираке, как и следовало ожидать, повлияло на позицию иранских неоконсерваторов и сирийских властей по решению курдской проблемы.

Ирано-сирийский сценарий

Иранские власти опасаются, что идейно-политическое влияние и военное присутствие США и Израиля в Ираке позволит им использовать территорию Иракского Курдистана для нанесения удара по

[1] См. об этом: *Касаев Э.О.* Законодательное регулирование недропользования в Ираке // Ближний Восток и современность. 2007. вып. 33. С. 158–169.

[2] По данным информационного агентства Reuters. 2008, 28 May.

Ирану. На просьбы руководства Ирана не предоставлять курдскому движению моральную или иную поддержку президент Ирака заверил иранскую сторону в соблюдении и уважении принципов невмешательства во внутренние дела других государств[1], а также в намерении придерживаться взвешенной позиции относительно активности курдского населения соседних стран. Здесь стоит снова обратиться к международному праву.

Одним из основных принципов современного международного права также является принцип равноправия и самоопределения народов, имеющий императивный характер. Говоря об императивности этого принципа, юристы имеют в виду, что государства не вправе отступать от этого принципа даже по взаимному согласию. В истории международных отношений принцип самоопределения возник в качестве политического принципа, а его генезис связан с американской и французской революциями конца XVIII века. По крайней мере, первоначально этот принцип был тесно связан с концепцией государства-нации и его смысл состоял в том, что каждая нация должна обрести свою государственность. Вот, например, как описывает становление принципа национального самоопределения французский юрист-международник Нгуен Куок Динь: «Согласно этому принципу для того, чтобы суверенитет был действенным, каждый народ имеет право образовать независимое государство. Должно быть столько государств, сколько и народов. Границы государства должны совпадать с границами народов»[2].

Такова в самом общем виде позиция всех курдских властей применительно к требованиям о признании их мест компактного проживания в полной мере единым самостоятельным суверенным государством. Однако данный подход вовсе не обоснован с точки зрения международного права. Так, Международным Судом ООН был выработан совершенно противоположный подход к этой проблеме. *Во-первых,* некое население территории само по себе не образует народ. *Во-вторых,* народ не определяется по расовым, этническим или религиозным критериям. *В-третьих,* «народ» означает все (!) население государства. *В-четвертых,* право народов на самоопределение не обязывает государства пересматривать свои границы. В-пятых, меньшинства не имеют права на отделение (сецессию), независимость или присоединение к соседним государствам[3].

[1] О концепции вмешательства одной мусульманской страны в дела другой см.: *Малеев Ю.Н.* Организации Объединенных Наций – 60 лет. Сколько еще? // Международное право – International Law. 2005. № 3. С. 86.

[2] Цит. по: *Динь Н., Дайе П., Пеле А.* Международное публичное право: в 2-х т. Т. 1: Кн. 1: Формирование международного права. Кн. 2: Международное сообщество. К.: Сфера, 2000. С. 27.

[3] *Агаев Р.Г.* На чьей стороне историческое право? // Вестник аналитики. 2008. № 2. С. 40–41.

Эту позицию Международный Суд ООН подтверждал не раз при рассмотрении обращений тех, кто добивался самоопределения, в том числе основываясь на так называемом историческом праве.

Таким образом, сталкиваются две точки зрения: одна – выносящая права этносов, проживающих на той или иной территории, за рамки государственности, другая – объявляющая приоритетными права государства как целого. ООН декларирует свою приверженность принципу, согласно которому суверенитет и государственная целостность существующих государств, как и принцип самоопределения народов, имеют большую ценность и значение и не должны работать друг против друга[1]. Казалось бы, трудно этому возразить, но политическая реальность оспаривает это положение, и не без успеха.

Так, сирийские власти активно эксплуатируют «курдский вопрос» в соседней Турции (в частности, в течение долгого времени они предоставляли политическое убежище А.Оджалану) для продвижения своих сугубо региональных интересов, но при этом не пытались прилагать усилия для соблюдения прав этого национального меньшинства у себя на своей территории. Такая политика привела к тому, что среди сирийских курдов начали активно, как снежный ком, нарастать протесты и сепаратистские настроения.

На чем же основаны территориальные претензии курдского населения?

Курды включают в состав проектируемого ими национального государства обширные территории, основываясь на данных, связанных с завоеваниями арабского супергосударства во времена полководца Салахаддина, а не на нормах и принципах международного права, которое предполагает, что суверенитет государства над своей территорией является основополагающим принципом международных отношений в сегодняшнем мире. Именно из этого непреложного факта исходит исследователь Р.Г.Агаев, отмечая, что «перевод межнациональных споров и конфликтов в русло существующего международного права лишит идеологов сепаратизма аргументов, связанных с приоритетом исторического права»[2].

Профессор О.И.Тиунов попытался сформулировать принцип, согласно которому один и тот же народ не может самоопределиться дважды: «необходимо различать самоопределение народов (наций), не имеющих какой-либо государственности, от самоопределения народов (наций), уже достигших государственности. Если в первом случае национальный суверенитет народа еще не обеспечен государственным суверенитетом, то во втором случае народ уже реализовал право на самоопределение и его национальный суверенитет находит защиту со

[1] *Агаев Р.Г.* На чьей стороне историческое право? // Вестник аналитики. 2008. № 2. С. 41.

[2] Там же. С. 43.

стороны государства – самостоятельного субъекта международного права. Самоопределение народа внутри многонационального государства вовсе не предполагает обязательности отделения и создания собственного самостоятельного государства. В первую очередь такое самоопределение связано с повышением уровня самостоятельности, но без угрозы правам человека и территориальной целостности государства»[1].

По преданию, после того как Александр Македонский рассек одним ударом прославленный узел, жрецы истолковали это так: «Он завоюет мир! Но мечом, а не дипломатией».

К этому остается добавить, что если сегодня при определении границ того или иного государственно-подобного образования пользоваться «мечом», а не «дипломатией», то, в дополнение к уже существующим, мы получим такое огромное количество острых претензий и споров, что «яблоку мира» негде будет упасть.

[1] Международное право. Уч. для вузов. М.: НОРМА, 2005. С. 85–86.

Ян АНТОНИ (Соединенное Королевство)

НАТО – 60. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В начале апреля 2009 года главы государств и правительств стран НАТО проведут встречу по случаю 60-й годовщины существования альянса. Ожидается, что на встрече будет начат процесс выработки новой стратегической концепции НАТО, т.е. приведения в соответствие с современными условиями документа от 1999 года. Встреча на высшем уровне в рамках НАТО станет первой возможностью для президента Барака Обамы продемонстрировать, как он собирается выполнять свое обещание качественно изменить внешнюю политику США.

Во время «холодной войны» стратегическая концепция НАТО представляла собой ограниченный по своей тематике документ, сфокусированный на военных аспектах планирования, организации и развертывания войск. План времен «холодной войны» отвечал необходимости проведения быстрых военных операций в ответ на агрессию, поскольку предполагаемые сценарии развития конфликтов не оставляли времени для оценки вариантов и пересмотра стратегий. После 1990 года документ превратился в (как его тогда называли) декларацию об основных задачах альянса.

Приблизительно раз в 10 лет НАТО вносила изменения в стратегическую концепцию, отчасти для того, чтобы разъяснить общественности общее направление деятельности альянса. В концепции 1991 года пояснялось, что принципы обороны и разрядки напряженности (как основы подхода НАТО к странам Восточной Европы в период после конца 1960-х годов) дополняются элементами диалога и сотрудничества. В документе 1999 года были введены понятия кризисного управления и ответных действий в условиях кризиса, включая сотрудничество в ходе операций по поддержанию мира со странами, не являющимися членами НАТО, а также говорилось о помощи со стороны НАТО разрушенной войной западной части Балканского полуострова.

В 1999 году лидеры стран альянса зафиксировали, что НАТО сыграла ключевую роль в усилиях по установлению новых форм сотрудниче-

ства и взаимопонимания во всем Европейско-Атлантическом регионе и взяла на себя обязательство предпринять кардинально новые действия в интересах большей стабильности. С этими основополагающими выводами согласились почти все аналитики стран НАТО.

В настоящее время, отмечая 60-летний юбилей, НАТО едва ли может убедительно привести такие же аргументы. Основные текущие примеры трансатлантического сотрудничества скорее дают повод для её критики.

Что касается политической ситуации, то во время «холодной войны» было просто определить и согласовать между союзниками задачи НАТО. Однако после 1991 года альянс пытался скорее реагировать на быстро меняющуюся международную ситуацию, чем определять свою единую задачу, – наподобие той, что имеет место в Афганистане.

Международные силы содействия безопасности в Афганистане (ISAF) были образованы в январе 2002 года в качестве коалиционного формирования, развернутого под эгидой Совета Безопасности ООН. Взяв в августе 2003 года на себя ответственность по руководству ISAF, НАТО прежде всего хотела доказать США, что она по-прежнему является полезным инструментом трансатлантического сотрудничества. Между тем в 1999 году американские военные обнаружили в Косово, что при осуществлении боевых операций в составе натовских формирований им навязывают неприемлемые условия, ограничивающие их в плане применения силы. Несмотря на то, что США участвуют в ISAF, они совместно с несколькими партнерами (а именно, Австралией и Великобританией) также имеют отдельное военное командование в Афганистане для осуществления собственной операции «Несокрушимая свобода».

Лидеры НАТО постепенно расширили мандат и ответственность ISAF за рамки ограниченных задач, которые были согласованы вначале. В настоящее время НАТО берет обязательства, выходящие далеко за пределы возможностей собственно блока, – это фактически признала новая американская администрация, приступив к изучению возможностей нового регионального партнёрства, в том числе с Ираном, и в то же самое время понижая ожидания в отношении того, что может быть достигнуто в Афганистане.

С военной точки зрения, НАТО в Афганистане фактически демонстрировала способность вести военные действия в любой точке мира. Однако эти военные операции также показали, насколько сильно НАТО изменилась за последние 15 лет, поскольку военное планирование теперь ведется с учетом того факта, что союзники имеют дело не только с единственной, однонаправленной угрозой своей территориальной целостности и суверенитету.

Операции в Афганистане не продемонстрировали военную эффективность НАТО. Напротив, опыт показал, насколько трудно для НАТО приспособиться к новым задачам из-за бюджетных ограничений, а

также политических и юридических проблем в результате использования вооруженных сил не для самообороны, а для других целей. В целом, большинство военных подразделений стран НАТО по-прежнему обучается и оснащается техникой, необходимой для обороны своей страны, а не для операций за границей.

Объединенная система управления НАТО – уникальный вклад в структуру безопасности – также была подорвана. До 1991 года войска были жестко интегрированы в единый согласованный план, который военным предстояло выполнять без политического вмешательства в случае начала боевые действий, поскольку не было бы времени для дебатов и обсуждений. В настоящее время у правительств есть возможности для выбора плана действий на всех стадиях: до, в течение и после выполнения задачи. Принимающие участие в операциях в Афганистане страны, безусловно, используют эти возможности.

В результате, руководители группировки НАТО в Афганистане должны принимать во внимание тот факт, что под их командованием есть, во-первых, подразделения, которые готовы к боевым действиям высокой степени риска, во-вторых, подразделения, готовые к боевым действиям, но только в ограниченных масштабах, и, в-третьих, подразделения, которые имеют политические инструкции не принимать участия в каких-либо крупных военных операциях.

Изменение в характере боеспособности нашло своё отражение в военных учениях НАТО. В 1950-х годах прошлого столетия НАТО обычно проводила примерно 100 крупных учений в год, в которых подразделения национальных армий находились под централизованным командованием для отработки ответных совместных действий в случае нападения. В 1990-х годах количество ежегодных крупных военных учений резко сократилось – до 1–2 в год, а участие в них союзников стало ограниченным. НАТО теперь проводит больше учений для развития военного сотрудничества со странами, которые не являются членами НАТО (включая Россию), нежели учений в рамках самого альянса.

Несколько крупных учений с участием только войск стран НАТО должны обеспечить развитие Сил Реагирования НАТО (СРН) – 25-тысячной группировки сухопутных, военно-воздушных, морских и специальных войск, которая может быть быстро развернута в любой точке земного шара для проведения любых видов операций, включая эвакуацию гражданских лиц из зон конфликтов, ликвидацию последствий природных катастроф и контртеррористическую борьбу.

СРН были созданы в конце 2002 г. по предложению США и, безусловно, представляют собой весьма мощную силу, которая со временем должна обеспечить трансформацию военных возможностей всех стран-членов НАТО. Не все подразделения армий стран НАТО, однако, могут войти в состав СРН. Чтобы стать частью СРН, то или иное воинское

подразделение должно сначала продемонстрировать, что оно отвечает определенным стандартам подготовки и уровню оснащенности. Только подразделения, которые пройдут этот «входной» тест, могут быть включены в разработку новых оперативных концепций и технологий.

Развитие СРН призвано устранить существующий огромный разрыв между военными возможностями США и многих их союзников по НАТО. СРН не имеют целью восстановление объединенного командования над всеми войсками стран НАТО, но должны способствовать тому, чтобы хотя бы некоторые подразделения войск европейских стран в будущем могли действовать наравне с американскими войсками.

Дополнительная сложность состоит в том, что процесс расширения НАТО путем включения в организацию новых стран сделал задачу обеспечения политического и военного единства и эффективности еще более сложной. В 2008 г. началась острая дискуссия между теми странами, которые в первую очередь озабочены повышением эффективности экспедиционных операций НАТО (прежде всего в Афганистане), и теми государствами, которые считают, что возможности НАТО по обеспечению территориальной обороны в Европе слишком резко сократились и что именно этот аспект оперативного планирования НАТО должен быть усилен.

С учетом недавней инаугурации нового президента США в столицах многих стран появилась естественная тенденция к тому, чтобы подождать новых предложений Вашингтона по таким вопросам, как расширение НАТО и ПРО, прежде чем занимать определенную позицию по сотрудничеству в реализации тех или иных инициатив. Этот подход «подождать и посмотреть» вполне понятен и, возможно, неизбежен, вопрос, однако, состоит в том, приведет ли он к наилучшим результатам.

Последние заявления заставляют предположить, что президент Обама хотел бы, чтобы НАТО легче вписывалась в рамки партнерства. В этом случае НАТО должна стремиться более эффективно взаимодействовать с любым партнером (включая государства, международные организации и негосударственные структуры), который может способствовать успеху миротворческих операций в рамках всеобъемлющего подхода, объединяющего военные инструменты с политическими и экономическими ресурсами. Единственное, что может воспрепятствовать реализации этой тенденции, – это усиление опасений, что один или несколько союзников по НАТО могут столкнуться со значительным ростом угрозы их территориальной целостности, политической независимости и безопасности.

В этой связи высшим приоритетом сегодня является честная и открытая дискуссия для выработки общей оценки законных интересов безопасности всех действующих акторов в Европейско-Атлантическом регионе, что станет началом разработки адекватной реалиям XXI века системы безопасности и для Европы.

Эндрю МОНАГАН (Великобритания)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОГРАНИЧЕННАЯ ДОПОЛНЯЮЩАЯ РОЛЬ НАТО

У предполагаемой роли НАТО в энергетической безопасности две главные взаимосвязанные основы. Первая больше нацелена на военную безопасность и отражает двойственную потребность блока осуществлять планирование практической и обеспечивающе-тыловой (логистической) защиты энергоснабжения (особенно транспортировки нефти) для поддержания более широкой стабильности и безопасности входящих в него государств и своих собственных оперативных возможностей. Все это связано со значительными военными угрозами предприятиям энергетики, трубопроводам и магистралям.

В целом мнения сходятся на том, что угроза крупномасштабного, межгосударственного конфликта уменьшается. Тем не менее энергетическая безопасность считается проблемой, вполне способной вызвать такой конфликт: она настолько прочно связана с национальной безопасностью, что угроза первой зачастую расценивается как угроза для второй, а значит, и способна привести к войне за захват или защиту данных ресурсов.

Вторая из этих основ больше сосредоточена на политических угрозах энергетической безопасности, ей в НАТО уделяется больше внимания после спора из-за газа между Украиной и «Газпромом» в начале января 2006 г. Это событие, действительно, придало как большую значимость рассмотрению проблемы «энергетической безопасности» внутри блока, так и несколько иной фокус и понимание энергетической безопасности – как зависимости одного из членов блока, являющегося потребителем газа, от потенциально ненадежного государства-поставщика[1]. Споры привели к тому, что в феврале 2006 г. администрация

[1] В этом, по-видимому, нашла отзвук обеспокоенность США большими объемами импорта Европой энергоносителей из СССР и тем, что СССР может использовать свое политическое влияние на членов НАТО в случае разногласий. Однако довод о надежности России и угрозе, которая могла бы исходить от нее интересам членов НАТО, хотя и, при поверхностном взгляде, схож, но все же иной.

Буша при поддержке, если верить одному американскому обозревателю, Соединенного Королевства и Германии напрямую навязала НАТО обсуждение проблемы энергетической безопасности[1].

Тот факт, что наличествуют две схожие, но, по сути, различные основы, а следовательно, и две параллельные и различные, хотя к тому же и взаимосвязанные системы доводов за и против участия НАТО, еще более затруднили достижение консенсуса в блоке по вопросу о роли, какую ему следовало на себя взять.

В последующие месяцы последовало еще несколько выступлений, проведено еще несколько семинаров, поступил целый ряд предложений из различных источников как внутри блока, так и извне, в которых анализировался вопрос, *следовало* или нет этому военному блоку заниматься энергетической безопасностью и каковы при этом могли быть избранные им роли. В ответ последовали не менее сильные доводы противников какой-либо возможной причастности НАТО[2].

Споры вылились в серию действий, предпринятых вокруг саммита НАТО в Риге в ноябре 2006 г., что стало важным моментом в обсуждениях по двум причинам. Во-первых, итоговая декларация Рижского саммита включала в себя коротенькое положение, которым открыто провозглашалось (в первый раз), что энергетическая безопасность входит в круг забот НАТО, и предписывалось блоку изучить особенности своей роли в этом.

Таким образом, декларация изменила существо обсуждений: речь больше не шла о том, играть ли блоку *какую-либо* роль, теперь утверждалось прямо – играть. И вопрос ставился уже о *существе* этой роли.

От Риги до Бухареста: ограниченный, целенаправленный мандат

Целенаправленная и ограниченная программа, определенная в Рижской декларации, стала фоном для официальных обсуждений в 2007 г. и в начале 2008 г. (в довольно разительном контрасте с неформальными и общественными обсуждениями).

Генеральный секретарь подтвердил, что блок расценивает энергетическую безопасность как «коллективный» вызов, на который необходимо дать «коллективный» ответ, такой ответ, в котором отразится «многогранный подход» и «немалая координация между правительствами государств и международными организациями»[3]. Далее, уча-

[1] *Gallis, P.* «NATO and Energy Security» (*Галлис П.* «НАТО и энергетическая безопасность»), *CRS Report for Congress,* 2006. p.1.

[2] Для анализа этих разногласий см.: *Monaghan, A.* «Energy Security – What Role for NATO?» (*Монаган Э.* «Энергетическая безопасность: какова роль для НАТО?»), *NATO Defence College Research Paper,* No. 29, 2006.

[3] Выступление на 44-й Мюнхенской конференции по безопасности.

стие НАТО в таком коллективном ответе будет направлено на то, чтобы «внести дополнительный вклад»: блок мог бы рассмотреть некую роль, предусматривающую защиту линий судоходства, в особенности применительно к танкерам, перевозящим сжиженный природный газ, в открытом море, и защиту *необходимой энергетической инфраструктуры,* когда наличествует *конкретная угроза высокого уровня.* «Опять-таки, – подтвердил генсек, – только там, где НАТО способно внести *дополнительный вклад*»[1].

Дальнейшее уточнение (отражающее более здравые обсуждения и более четкий упор на предложениях) было дано в начале 2008 г.: роль НАТО должна быть дополняющей по отношению к роли других организаций, таких как Европейский Союз (ЕС). Более того, в ходе обсуждений следовало выявить для НАТО возможные нишевые роли, позволившие бы блоку *не вторгаться* в области, где уже активно действуют другие организации или где их положение предпочтительнее для посредничества или вмешательства[2].

На Бухарестском саммите в апреле 2008 г. нашел подтверждение тот же подход: блок обеспечит, чтобы усилия НАТО «служили дополнительным вкладом и полностью координировались и увязывались с усилиями международного сообщества, располагающего рядом организаций, которые специализируются на энергетической безопасности». «Взаимодействие», «поддержка» – термины ключевые. Притом, что все еще сохраняется туманная фразеология: блок примет участие в создании «проектируемой стабильности» и развитии международного и регионального сотрудничества, – нацеленность на гражданскую оборону, чрезвычайное управление и энергетическую инфраструктуру остается четкой[3].

Это позволяет нам рассмотреть «нишевые» роли, которые смогло бы избрать НАТО.

Какова дополняющая роль для НАТО?

НАТО может взять на себя роль, вносящую «дополнительный вклад» в скоординированные международные усилия по укреплению энергетической безопасности в двух обширных областях: взаимообмен информацией, планирование и ответные действия. Поскольку блоку предстоит работать с разного рода другими организациями, правительствами и субъектами действий, скорее всего, различаться они будут настолько, что придется прибегать к практике принятия решения для каждого конкретного случая.

[1] Приведено в «EU Energy», *Platts,* no.166, 2007. p. 27. Курсив добавлен.

[2] См.: «Review of the Seminar 'The Security of Energy Supplies: the Role of NATO and Other International Organisations'»(«Обзор семинара «Безопасность энергоснабжения: роль НАТО и других международных организаций»), Brussels, 2008. www.hcss.nl p.5.

[3] Декларация Бухарестского саммита, пресс-релиз НАТО (2008/049) от 3 апреля 2008 г. См.: www.nato.int

Впрочем, в обеих областях четко различим спектр нишевых ролей для НАТО. Некоторые из них можно отнести к пассивным, скажем, сокращение блоком своего собственного потребления топлива, другие – к более активным, например, предоставление средств; одни – к ответным, скажем, предоставление средств гражданской обороны и чрезвычайного управления, другие – к упреждающим, таким, как планирование и осуществление подготовки.

Прежде всего, взаимообмен информацией является одним из ключевых догматов энергетической безопасности. НАТО может участвовать в нем, действуя как важный мост между сообществами, занятыми энергетикой и безопасностью[1]. Четко следуя характеру обсуждений, представленному в Рижской декларации и подкрепленному в Бухарестской декларации, НАТО может внести дополнительный вклад в информационный взаимообмен, действуя в качестве форума по обмену разведывательными данными. Некоторые предлагают пойти еще дальше, создав механизм постоянного мониторинга и оценки, взаимодействующий с Международной энергетической ассоциацией (МЭА) и другими организациями, включая компании[2].

Отношения НАТО с Россией в Совете НАТО–Россия (СНР) и другими государствами на территории бывшего Советского Союза (БСС) в рамках Партнерства ради мира (ПрМ) и Плана действий индивидуального партнерства (ПДИП) обеспечивают больше налаженных связей с более широким спектром государств в этом регионе, нежели имеют ЕС и МЭА. НАТО могло бы содействовать развитию отношений ЕС с государствами Северной Африки через Средиземноморский диалог (СД) блока, а также с ближневосточными государствами через механизм Стамбульской инициативы по сотрудничеству (СИС). Хотя некоторые из этих отношений все еще находятся на стадии установления, сведение их вместе обеспечивает важные связи с государствами, по-разному трактующими энергетическую безопасность, и тем самым наращивает обмен информацией.

Во-вторых, НАТО могло бы содействовать энергетической безопасности, используя свои согласованные военные средства и опыт – область, где у блока особенно высокий профессиональный уровень и где он может оказывать содействие, не «вторгаясь» в сферы активной деятельности других организаций. За рамками этого НАТО может внести дополнительный вклад, предоставляя средства в ответ

[1] См.: *Cornell, P.* «Backgrounder: The Energy Environment and Impacts on European Security», in Idem, (ed.) *Energy Security and Security Policy.* NATO and the Role of International Security Actors in Achieving Energy Security (*Корнелл П.* «Пояснительная записка: Энергетическая среда и воздействие на европейскую безопасность» в: Он же (ред.) «Энергетическая безопасность и политика в сфере безопасности. НАТО и роль международных субъектов безопасности в достижении энергетической безопасности»). Oberammergau: NATO School, 2007. p.6.

[2] Ши.

на аварийные ситуации в сфере энергетики. Конфликт государств и угрозы террористов обычно замечаются прессой, если они связаны с энергетической безопасностью, однако главную трудность составляет не столько безопасность, сколько сохранность инфраструктуры: чаще всего «угроза» исходит от аварий. В то время как ЕС координирует и надзирает за мерами сохранности, НАТО могло бы, где это уместно, предоставлять средства для гражданской обороны и чрезвычайного управления для ликвидации последствий стихийного бедствия или аварии.

Энергетическая безопасность многогранна и определенно включает в себя обращение к конкретным военным угрозам. В их числе могут быть захват или разрушение активов или сооружений энергетики, а также нападения на главные артерии снабжения, которые способны привести к их уничтожению или блокированию. Таким образом, в крайних случаях блок мог бы предоставить оборонительные возможности, в том числе краткосрочное сопровождение, патрулирование и защиту необходимой инфраструктуры, *в том случае, если наличествует конкретная высокого уровня угроза*[1]. Такая деятельность уже предусматривается в МС 401, где обозначена роль НАТО в защите нефтегазовых сооружений в Северном море в случае вооруженного нападения. Более того, как отметил Генеральный секретарь, возможно использование военно-морских средств НАТО для защиты морских перевозок нефти и газа, например охрана танкеров со сжиженным газом. Другие указывают на защиту транспортировки морем нефти и газа из стран Африканского Рога и Западной Африки и, особенно, из Гвинейского залива от пиратства и нападений террористов[2]. Пример подобных возможностей отражения угроз дала операция «Верный ягуар», проведенная в июне 2006 г. у берегов Республики Кабо-Верде (Острова Зеленого Мыса).

Сложности роли НАТО в энергетической безопасности

Энергетическая безопасность оказалась тесно связана с другими вопросами сложной для НАТО повестки дня, например, с обсуждением дальнейшего расширения блока и пересмотра статьи V в плане включения в нее понятия энергетической безопасности. Важно, что в этих вопросах заметен разрыв между намерениями блока и неформальными обсуждениями лоббирующих блок. В своем неформальном докладе во время саммита в Риге сенатор Лугар предложил, чтобы новая эффективная энергетическая стратегия включала в себя новые отношения с государствами Кавказа и Центральной Азии и, в особенности,

[1] Де Хооп Схеффер, высказывание приведено в «EU Energy», *Platts,* No.166, 2007. p.27. Курсив добавлен.

[2] Хаас, p.42.

в отношениях блока с Казахстаном и Азербайджаном, «на стол должно лечь возможное в конечном итоге членство в НАТО»[1].

Хотя сотрудничество с другими международными организациями отнесено в Риге к важным намерениям, оно тоже попадает в разряд проблематичных. Тогда как участие НАТО вовлекает в обсуждение больше других стран, расширяя тем самым его рамки, что, возможно, не лишено выгод, вопрос об особых путях к членству в блоке создает препятствия. Об этом может свидетельствовать различие в трактовках угроз энергетической безопасности на национальном и международном уровнях. Учитывая различия географического положения, сырьевой базы, возможностей инфраструктуры и, таким образом, в энергетических стратегиях каждой из стран, большинство состоящих в ЕС и НАТО по-разному оценивают положение с энергетикой. Таким образом, внутри каждой организации существует проблема определения с возможно большей степенью ясности и согласованности того, какова сущность этой угрозы и кому она адресуется. Параллельные сложности в достижении консенсуса в каждой из организаций подрывают возможность определения согласованной программы действий.

Некоторые члены блока, возможно, увязывают энергетическую безопасность с внешней политикой и общей безопасностью, тогда как ряд входящих в ЕС государств, являющихся также и членами НАТО, по-прежнему относят ее к экономике, а потому считают, что для регулирования ей нужны рыночные механизмы, а не взятые из сфер внешней политики и безопасности. Такого рода взгляд находит также широкую поддержку Европейской Комиссии. Таким образом, различие взглядов на проблемы нарастает. Наглядно обобщить это можно так: США склонны рассматривать энергетическую безопасность как защиту снабжения, тогда как ЕС определяет ее в понятиях управления спросом.

Значение терминологических различий подчеркивалось и еще больше осложнялось различным восприятием, как внутри НАТО, так и ЕС, ряда тех самых вопросов, из-за которых энергетическая безопасность попала в повестку дня НАТО: споры между Украиной и «Газпромом», между «Белнефтехимом» и «Транснефтью» по поводу поставок и транзита газа и нефти соответственно. Это и в самом деле углубляет раскол, хотя и иным образом: сам ЕС разобщен относительно существа политических угроз энергетике и ответных мер в отношении России[2].

---

[1] *Lugar, R.* «Energy and NATO» (*Лугар Р.* «Энергетика и НАТО»). Лугар призвал также к тому, чтобы диверсификация стала важным элементом энергетической безопасности, хотя и это тоже несколько спорное предложение, более подходящее для ЕС, нежели для НАТО. См.: *Monaghan, A.* Russia and the Security of Europe's Energy Supplies: Security in Diversity? (*Монаган А.* «Россия и безопасность энергоснабжения Европы: Безопасность в разнообразии?») CSRC Paper 07/01. Swindon: Defence Academy of the UK, 2007.

[2] Несмотря на усилия добиться большей согласованности в политике ЕС в отношении к России, сохраняются очевидные разногласия между теми, кого в широком плане можно назвать «критиками России» и «друзьями России», относительно понимания

Различия в понимании этих эпизодов еще больше подрывают возможности взаимодополняющих отношений ЕС с НАТО в сфере энергетики. Некоторые стремятся навязать НАТО не столько *дополнение* усилий ЕС, а в большей мере замену их, что отражает отсутствие уверенности в способности ЕС и МЭА справиться с возникающими угрозами энергетической безопасности[1]. Концептуальный разрыв между ЕС и НАТО подчеркивался (и опять-таки, видимо, углубился) разговорами о «сдерживании» и изменением натовской статьи V с добавлением в нее понятия энергетической безопасности. Даже ссылки на обсуждение этого вызывают серьезные возражения в некоторых влиятельных европейских кругах. Так что, несмотря на возможные выгоды взаимодополнения ролей двух организаций, пока малозаметен прогресс в установлении отношений.

Наконец, за рамками собственных внутренних обсуждений и за рамками сложностей в отношениях с ЕС блок подает партнерам и государствам, не входящим в него, ряд сигналов. Хотя на практике блок строит отношения с государствами-партнерами в рамках СНР, ПДИП и, в особенности, СИС, практически продвижение по-прежнему ограничено. Шафиров уже отмечал, что НАТО «не дает положительного ответа» на просьбы Азербайджана[2].

Действительно, учитывая вторую основу обсуждений роли НАТО в энергетической безопасности, одна из трудностей, подстерегающих блок, состоит в том, чтобы не дать Москве понять, будто причастность НАТО является попросту антироссийской[3]. Однако, невзирая на некоторое сотрудничество в энергетике в СНР[4] и то, что некоторые российские аналитики не усмотрели никакой угрозы в том, что было намечено на саммите в Риге[5], Владимир Путин и другие высшие российские официальные лица уже выразили озабоченность тем, что подобная причастность носит характер «недружественный».

Подобные высказывания следует рассматривать в контексте имеющихся у России более широких беспокойств по поводу НАТО: замечание Путина о том, что блок «явно играет мускулами» в ущерб России, расширяясь и наращивая свои ресурсы прямо у российских границ,

---

роли России в решении проблем энергетической безопасности. Сходный процесс в том, что касается России, заметен и в НАТО, где также предпринимаются усилия по большей согласованности взглядов на Россию – с переменным успехом.

[1] См.: *Monaghan,* «Energy Security: What Role for NATO?».

[2] «Вице-премьер: НАТО не дает положительного ответа на обращение Азербайджана об обеспечении безопасности трубопроводов». См.: http://news.trend.az/index.shtml?show=news&newsid=1064148&lang=EN

[3] «Allies Struggle to Define Energy Security» («Борьба союзников за определение энергетической безопасности»), *Defence News,* 5 March 2007.

[4] Имеются совместные исследования по защите трубопроводов, к примеру, российско-американский научный семинар по содержанию и защите инфраструктур в Москве в 2006 г.

[5] *Соколова П.* Бухарест: варианты решения// «Независимая газета», 2 апреля 2008 г.

отражает широко распространенный взгляд[1]. Более того, многие в Москве убеждены, что Россия больше не может полагаться на одни только уверения в добрых намерениях НАТО: Москва уже «обожглась» на этом в 1990-х[2].

Во-вторых, это добавляет трудностей в более широкие отношения НАТО и России. Растущий разрыв взаимного недопонимания между Западом и НАТО[3], в котором энергетика играет значительную роль, становится формализованным: как НАТО начинает рассматривать энергетику как предмет безопасности, так поступает и Москва, где разрабатывается новая военная доктрина, в которой, скорее всего, найдется место понятию для энергетической безопасности.

Такой фон важен, если принять во внимание возросшие усилия России по содействию модернизации архитектуры европейской безопасности, укреплению энергетических связей со своими партнерами как в Центральной Азии, так и в регионах АТЭС, стремлению внести вклад в поиски решений на глобальном уровне, что нашло выражение в деятельности российских военных кораблей у побережья Сомали, где операции имеют большое отношение к энергетической безопасности, особенно после захвата принадлежавшего Саудовской Аравии танкера «Звезда Сириус». Стоит отметить, что в этом плане российский сторожевой корабль «Неустрашимый» координировал свои действия с действиями кораблей ВМФ Франции и Соединенного Королевства, находящихся в тех же водах.

С 8 декабря 2008 г. на смену «Неустрашимому» пришел ракетный эсминец «Адмирал Виноградов», а как НАТО, так и ЕС продолжают вносить вклад в борьбу с пиратами[4].

Именно эта глобальная и тематическая роль энергетической безопасности в качестве равной заинтересованности государств-потребителей, государств-производителей и государств-передатчиков и составляет основу подхода НАТО к энергетической безопасности. И именно в этом свете, вслед за постепенным возобновлением отношений между НАТО и Россией, можно рассчитывать на сотрудничество блока с Россией в вопросе, имеющем обоюдный интерес.

[1] Цит. в: «Putin Reacts to NATO Muscle-Flexing» («Путин отвечает на натовскую игру мускулами»), *International Herald and Tribune*, 20 November 2007. p.6.

[2] См., например: *Кокеев М.* Отношения Россия – НАТО: между прошлым и будущим // «Россия в глобальной политике» No.2, 2007.

[3] См.: *Monaghan, A.* 'An «Enemy at the Gates or «From Victory to Victory»? (*Монаган А.* «Враг у ворот» или «От победы к победе»?) Russian Foreign Policy', 2008.

[4] Российский сторожевой корабль «Неустрашимый» в конце октября вошел в воды побережья Сомали, к операции подключаются и другие корабли.

Елена ОСТРОВСКАЯ

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕТЬ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТ ЭСКАЛАЦИИ ЭТНО-РЕЛИГИОЗНОГО КОНФЛИКТА

В ракурсе развернувшихся в марте–апреле 2008 г. массовых религиозных волнений в Тибетском Автономном районе (ТАР) Китая и мгновенного глобального политического отклика на эти события «тибетская проблема» предстает совершенно в новом формате.

Образуемая буддийскими анклавами по всему миру тибетская диаспора отчетливо проявила себя как один из сегментов гигантской транснациональной сети, в коммуникационном менеджменте политической и геостратегической активности которой задействованы правительства страны исхода и правительства принимающих стран, независимые гражданские организации (НГО) стран исхода и принимающих государств.

С новой актуальностью «тибетская проблема» встает и перед Россией, в буддийских регионах которой (Калмыкии, Бурятии, Туве) обнаруживается ориентация на тибетскую диаспору и консолидированная готовность поддерживать тибетскую эмиграцию в ее глобальной политической игре. В этой связи есть основания полагать, что российское измерение «тибетской проблемы» не исчерпывается только вопросами о свободе совести, правах человека и этноменьшинств.

Транснациональная сеть тибетского буддизма имеет обширные связи по всему миру, дающие незамедлительный отклик в СМИ. Анализ ее коммуникативного потенциала, убедительно продемонстрированного на примере бурных событий вокруг Олимпиады в КНР, позволяет констатировать, что религиозный конфликт в современной глобальной реальности это хорошо отлаженная технология менеджмента проблем отнюдь не религиозного характера.

В глобальном пространстве геополитического противостояния конкретных государств провокация этнорелигиозного конфликта стала одной из вполне легитимных форм принуждения к политическому диалогу. Участниками такого диалога с необходимостью становятся те

государства, на территории которых имеются политически конфликтные этноменьшинства и детерриторизированные этносообщества, отстаивающие свои права на политическое и национальное самоопределение. Путем обсуждения вопросов о соблюдении прав человека и этноменьшинств в отдельно взятой стране, степеней демократизации конкретного государства, гражданских прав и возможностей детерриторизированных сообществ в их борьбе за самоопределение глобальная публичность навязывает релевантные ей политические тематики. В этом контексте новым способом разворачивания геополитического соперничества становится провокация локальных этнорелигиозных конфликтов. А ее инструментом выступают транснациональные коммуникативные сети религиозных идеологий.

Транснациональные коммуникативные сети. Транснациональные коммуникативные сети (далее – ТКС) – это тематически специфицированные многомерные взаимодействия, которые осуществляются правительственными и независимыми гражданскими организациями, неформальными группами и индивидами поверх национальных и государственных границ и формируют единое пространство глобального дискурса. ТКС играют значительную роль в формировании идеологического сектора глобального сообщества. Они тематически структурируют глобальный публичный дискурс, поскольку являются инструментом актуализации локальных проблем и их продвижения на глобальный уровень международного обсуждения. ТКС обеспечивают системный менеджмент конфликта в широком диапазоне мероприятий – преднамеренная провокация конфронтирующих сторон или их заблаговременное умиротворение, внешнее дипломатическое или силовое давление на враждующие стороны, шантаж международного сообщества террористической угрозой, вовлечение в конфликт третьих стран и т.д.

В системном менеджменте религиозных конфликтов самого пристального внимания заслуживают ТКС традиционных религиозных идеологий, поскольку именно религиозный конфликт способен аккумулировать значительный потенциал насилия, реализующегося в локальном вооруженном противостоянии и в глобальных террористических откликах. В ситуации геополитической конкуренции стран восьмерки и региональных сверхдержав (КНР, Индии, Ирана) – процесса, протекающего на фоне неработоспособности Договора о нераспространении ядерного оружия, системный менеджмент религиозных конфликтов приобретает особую актуальность. Глобальная тематизация таких конфликтов, направленно осуществляемая через ТКС традиционных религиозных идеологий, позволяет достигнуть стратегического преимущества одних стран или международных коалиций и обеспечить полный провал других (включая административно-территориальную дезинтеграцию – «балканизацию»).

ТКС традиционных религиозных идеологий подразделяются на два типа: собственно религиозные, сформировавшиеся до 1961 г., и новые этнорелигиозные, искусственно сконструированные позднее.

Этнорелигиозные ТКС. Возникновение второго типа сетей напрямую связано с центральными событиями всемирной политической истории: разрушением биполярного мира, политическим оформлением Евросоюза, выдвижением новых ядерных государств, появлением новых детерриторизированных сообществ, открытием границ, глобальным навязыванием концепта «гражданское общество». Этнорелигиозные ТКС – это сети, целенаправленно сконструированные в перспективе глобального системного менеджмента конфликтов. Динамика их конструирования прослеживается в трех этапах: 1961–1980 гг. – структурирование новых детерриторизированных этносообществ; 1980–1990 гг. – создание транснациональных НГО и РНГО, связанных с детерриторизированными этносообществами; 1990–2000 гг. – концептуализация глобализации и норм глобального публичного дискурса по проблемам детерриторизированных сообществ, стран исхода и принимающих стран. В результате завершения этих трех этапов этнорелигиозные ТКС получили возможность принуждать к диалогу в формате глобального дискурса правительственные организации стран исхода беженцев и принимающих стран.

Именно на третьем этапе этнорелигиозные ТКС впервые открыто обнаруживают себя в качестве активных участников глобального публичного дискурса. Становится очевидным, что этнорелигиозные ТКС не исчерпываются своими сконструированными элементами (диаспоры, НГО и РНГО), поскольку выходят из тени другие их элементы – правительственные организации стран исхода и принимающих стран. Эти, прежде остававшиеся за кулисами, участники оказываются объективно втянутыми в либерально-демократическую рамку обсуждения конфликтной проблемы. Таким образом, основными участниками этнорелигиозных ТКС выступают детерриторизированные этносообщества, правительства стран исхода и правительства принимающих стран, РНГО и НГО принимающих стран и РНГО и НГО стран исхода. Интересы и вектора активности этих акторов и образуют ту систему координат, в которой становится возможным создание конфликта, его имитация или реальное управление и прекращение.

Конструирование ТКС тибетского буддизма. Применительно к тибетскому буддизму и его носителям вне ТАР – анклавам тибетских беженцев по миру, дхарма-центрам конвертитов, транслокальным буддийским НГО и международным НГО борцов за независимость Тибета следует говорить об искусственно сконструированной и успешно функционирующей коммуникативной сети. Основными ее участни-

ками выступают тибетская диаспора, администрация КНР, «Центральная Тибетская администрация» (Тибетское правительство в изгнании, далее – ЦТА), администрации государств, на территории которых проживают тибетские беженцы, независимые гражданские организации (далее – НГО) – международные буддийские НГО, тибетские этнические НГО и международные НГО в поддержку политического самоопределения Тибета.

Конструирование ТКС тибетского буддизма сделалось возможным благодаря возникновению в 1950–1960-х гг. детерриторизированного тибетского сообщества, борющегося за свое политическое и национальное самоопределение. Первым шагом в направлении придания этому сообществу глобальной значимости явилась финансовая помощь западных государств в экономической, политической и культурной реабилитации тибетских беженцев в принявших странах. Реабилитация беженцев, спонсированная Западом, привела к окончательному оформлению тибетской диаспоры – анклавов тибетских беженцев и их потомков в Индии, Непале, Бутане, Ладаке, Сикким, в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Швейцарии, ФРГ, Франции, Великобритании, Норвегии, Дании, Нидерландах, Италии, на Тайване, в Японии, в США. К тибетской диаспоре также относятся и выходцы из Южноазиатских анклавов, которые с 1990-х гг. начали переселяться на территорию РФ – в Бурятию, Калмыкию, Туву, Москву и Санкт-Петербург.

Органичное присутствие политически конфликтной тибетской диаспоры в глобальном публичном дискурсе о правах человека и этноменьшинств является результатом прицельной, длившейся десятилетиями работы других участников сети – администраций (и правительственных организаций) тех государств, усилиями которых и навязывалась глобализация по европейско-американскому варианту. В пользу этого свидетельствует целый ряд фактов: к тибетским беженцам не применялись рутинные международные программы реабилитации, с 1960-х гг. при участии западных фондов (американских и германских по преимуществу) потоки тибетских эмигрантов были структурированы в компактные анклавы, закрепляемые в странах Южной Азии и странах Запада, в 1980-х гг. проводилась глобальная пропаганда тибетского буддизма, воспроизводимого в диаспоре, и искусственное формирование транснациональных независимых НГО в поддержку Тибета.

Управляемость процесса конструирования тибетской диаспоры подтверждается целым рядом фактов. Во-первых, этапы ее вызревания в активную политическую единицу глобального уровня инициировались извне. Так, первыми инициативами западных фондов по структурированию тибетских беженцев в странах Южной Азии стали программы «воссоздания и сохранения этнической идентичности», исключав-

шие возможность культурной и социокультурной ассимиляции. Во-вторых, В 1960–1970-е гг. основные силы и средства теневых спонсоров были брошены на создание политической структуры в диаспоре (ЦТА), строительство буддийских монастырей-дубликатов на территории Индии и воссоздание системы традиционного религиозного образования, в котором смогли бы принимать участие и западные вновь обращенные адепты (конвертиты). В-третьих, в 1990–2000 гг. при поддержке западных спонсоров осуществилась политическая реформа диаспоры по либерально-демократическим принципам. Таким образом, к началу XXI в. тибетская диаспора представляла собой активную глобальную единицу ТКС – политически конфликтное детерриторизированное этносообщество, располагающее собственными законодательными органами власти.

Следующий целенаправленно сконструированный участник ТКС тибетского буддизма – это Центральная Тибетская Администрация (ЦТА). Во главе ЦТА стоит премьер-министр, при ней функционируют 5 этнических НГО в поддержку самоопределения Тибета, печатные органы и официальный Интернет-сайт, издаются на тибетском и европейских языках специальные бюллетени о текущей ситуации в ТАР, нарушениях прав человека и этноменьшинств. На международном уровне рупором тибетской диаспоры и ЦТА является Далай-лама XIV. С 1990-х гг. он позиционирует себя в качестве религиозного главы всех тибетских буддистов, в том числе населяющих ТАР, в качестве идеолога этнорелигиозного и политического самоопределения Тибета, главного международного спикера по «тибетской проблеме». Далай-лама XIV претендует также на роль религиозного патрона российских буддистов – бурят, калмыков, тувинцев, – иерарха, обладающего правом давать религиозные посвящения, благословения, присваивать духовный сан и совершать пастырские визиты.

И, наконец, еще одним сконструированным участником ТКС тибетского буддизма являются разнообразные независимые гражданские организации – тибетские этнические НГО, международные буддийские НГО и международные НГО в поддержку политического самоопределения Тибета. Они также созданы при идейной и финансовой инициативе западных инвесторов глобализации и гражданского общества.

Венцом этого глобального конструирования политической активности участников ТКС тибетского буддизма стало оснащение диаспоры и тибетских НГО средствами мультимедийной связи с глобальной общественностью.

Итак, к 2000 г. ТКС тибетского буддизма была явлена миру и глобальной публичности этнорелигиозной и правозащитной активностью трех своих участников – тибетской диаспоры, ЦТА во главе с Далай-ламой XIV и разномастными международными НГО борцов за полити-

ческую независимость Тибета. На ее создание ушло более четырех десятилетий, благодаря чему ее глобальная религиозно-идеологическая и политическая активность была уже хорошо известна в мире. Оставалось теперь проверить этот вновь созданный инструмент глобального управления на практике. Такой проверкой и стали события марта–апреля 2008 г. в ТАР.

Апробация экстремистского потенциала сети. Анализ конкретных фактов, событий, мероприятий, предшествовавших мартовским волнениям в ТАР, позволяет утверждать, что эти волнения явились хорошо спланированной акцией по проверке экстремистского потенциала и актуальных возможностей сети. Решение об этой глобальной акции было принято в 2001 г., когда Пекин получил право на проведение Олимпийских игр. В пользу этого свидетельствуют следующие факты. Во-первых, начало волнений было приурочено к «предъюбилейной» дате – 49-й годовщине исхода беженцев. Для правильного понимания этого факта необходимо учитывать позицию главных провокаторов и пропонентов этих волнений – тибетской диаспоры, ЦТА и НГО борцов за независимый Тибет. Эта позиция была впервые озвучена в 2002 г., когда ЦТА инициировала «7-летние программы для групп поддержки Тибета в перспективе Пекинской Олимпиады». Данные программы были нацелены на оперативную консолидацию международных буддийских, этнических, западных НГО в рамках проведения «глобальных политических акций за независимость Тибета». Волнения марта-апреля 2008 г. в ТАР произошли за полгода до открытия Олимпиады – срок, потребовавшийся их организаторам для проверки ТКС тибетского буддизма на оперативность, консолидированность взаимодействия, на сканирование глобального отклика международной публичности и мониторинг реакции таких участников сети, как китайская администрация и администрации тех государств, на территории которых уже более 40 лет существуют тибетские анклавы и активно функционируют буддийские НГО и НГО в поддержку Тибета.

Еще один весьма значимый факт в пользу целенаправленной подготовки сети – именно с 2002 г. впервые официально стартовали переговоры ЦТА с китайской администрацией по тибетскому вопросу. В период с 2002 г. по октябрь 2008 г. состоялось 8 раундов таких переговоров. Именно в октябре 2008 г. эти переговоры были квалифицированы ЦТА как «провальные» и абсолютно безрезультативные. Незамедлительным следствием этого заявления явился созыв «чрезвычайного тибетского референдума». Реальными причинами «провала переговоров» и созыва референдума являлись обнаружившийся в ходе событий марта-апреля 2008 г. идеологический раскол внутри сети и уже существовавший план по реструктуризации сети в направлении эскалации этнорелигиозного конфликта.

Реструктуризация сети в направлении эскалации этнорелигиозного конфликта. Итак, мартовские волнения в ТАР стали проверкой сети на активность и потенциал ее политической конфликтности. Однако анализ последующих событий показывает, что эти волнения были еще и первым звеном в цепочке мероприятий по радикальной реструктуризации сети. Следующим звеном явился созыв «специального собрания», или референдума, тибетской диаспоры. В ходе референдума его организаторами был осуществлен целевой мониторинг политических настроений в тибетских анклавах и внедрена новая стратегия, в которой идеологическое главенство Далай-ламы XIV сочетается с борьбой этнических и международных НГО за политическую независимость Тибета.

Состоявшееся в Дхармсале 17–22 ноября 2008 г. первое специальное совещание представителей тибетских анклавов планировалось как мероприятие, идейно связанное с мартовскими волнениями в ТАР. Его официально заявленной целью анонсировался референдум «всего тибетского народа» по проблеме «провала» переговоров с китайской администрацией в рамках концепции Срединного пути.

Анализ принятых на референдуме решений свидетельствует о том, что главным его результатом следует признать легитимацию Далай-ламы в качестве международного лидера движения за свободный Тибет. Это означает, что транснациональная коммуникативная сеть тибетского буддизма в лице трех своих участников – диаспоры, ЦТА и международных НГО – обрела новую идеологическую рамку, в которой глобальная пропаганда тибетского буддизма отныне будет легитимно сочетаться с политическими действиями по разрешению «тибетской проблемы».

Российский разворот «тибетской проблемы» – это перспектива ближайшего будущего. Буддийская солидарность сети устремляет Бурятию, Калмыкию и Туву прочь от национальных проектов российского государства. Политическим и социокультурным следствием их переориентации на транснациональный тибетский буддизм может стать актуализация нового – панмонгольского – будущего буддийских регионов Азии. А тенденция к тому явно наметилась.

Елена КОМЛЕВА

СОЦИОЯДЕРНЫЙ АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП И ГЕОЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА

Предложен социоядерный антропный принцип как критерий гармоничного сосуществования человечества и ядерной энергии при познании ядерного феномена, ориентации развития его социальных приложений, при сопряжении ядерных науки и политики с приемами и концептами философского и религиозного мышления, художественной литературы и искусства, бытийного народного творчества, мифологии. Принцип реализован при обосновании идеи и современного образа SAMPO.

«Человек есть мера всех вещей...»
Протагор

Осмысление феномена ядерной энергии и управление ядерной сферой – непростые задачи. Открытия в ядерной физике, первая реализация их произошли в кратчайшие сроки. Эти исторические мгновения обозначили переход человечества в новую эру, необходимость новых миропонимания, схем принятия решений и их реализации. Какими должны быть новации в сочетании с долгосрочностью ядерной реальности и ее глобальным значением для цивилизации? Ранее мною отдельно рассмотрены примеры религиозной и светской составляющих формирования смыслов применительно к ядерному сущему. Возникла мысль о необходимости интегрального взгляда.

Основа интеграции – «человеческое измерение» ядерной энергии. Под этим понимается социогуманитарное осмысление явления на основе постулата о связи человечества и ядерной энергии, на базе знаний о человеке и обществе, с позиций культуры, истории и религии, в ракурсе гуманности. Используя различные формы – рациональные и иррациональные – восприятия действительности. В рамках современного информационно-коммуникационного пространства. С учетом национальных и интернациональных традиций.

Эти действия будут неэффективными, если не удасться сопоставлять негатив и позитив ядерной сферы с разнообразными взглядами гуманитариев на человека и общество, в частности, компетентных и уважаемых философских школ и религиозных конфессий. Если степень вовлечённости гуманитарного сообщества в процесс принятия решений будет низка. Если мы будем игнорировать при осмыслении культурные традиции в их полноте. И если не будут задействованы механизмы включения ценностных ориентаций в научно-техническое знание.

«Человеческое измерение» предусматривает активность и по отношению к нам. Неоднократно высказывалась мысль о том, что человечество в нынешнем виде вряд ли имеет право владеть ядерной энергией. Оно должно в контексте наличия ядерного феномена переосмысливать себя. А затем и самоусовершенствоваться. Именно в связи с ядерной эрой люди поймут, что индивидуальный и социальный эгоизм, который во многом определял развитие человечества, с определенного этапа является силой, движущей в пропасть. Гуманизация и гуманитаризация, Human Dimension социоядерной сферы создадут интеллектуально-прагматические предпосылки гармонизации отношений между людьми, государствами, обществом и природой.

Такой подход позволит обеспечить условия для постепенного смещения центра тяжести спектра возможных мнений и решений применительно к ядерной энергии в более благоприятную для человечества область.

Гуманизация и гуманитаризация, Human Dimension социоядерной сферы. Эти концепты продуктивно сопрягаются с одним из базовых и непротиворечивых для естественно-научного, философского и религиозного мировоззрений фактом и социокультурной парадигмой – антропным принципом. Он отражает удивительную «подобранность» фундаментальных констант мироздания, в том числе – ядерных, для принципиальной возможности жизни. Даже небольшие их отклонения от существующих значений привели бы к возникновению иной Вселенной, без нас.

В сфере природно-материальной ядерные константы и жизнь согласованы. Но почему не развить дальше эту посылку? Почему не устремить мысль от бытия биологического к социальному? В симбиозе выгоды и ответственности. Почему бы ни сопрягать «обоюдоостро» общечеловеческие ценности – базовые константы общества и аксиологию ядерной энергии по как бы антропному принципу в социоядерном контексте, по своеобразному социоядерному антропному принципу? Как должны сочетаться ядерная энергия, ее «окрестности» и человечество?

Было бы хорошо, если бы, по аналогии с классическим антропным принципом, социальная компонента феномена ядерной энергии была бы соразмерной человеку и лишь благоприятствовала бы жизни. Для

этого она должна формироваться в «поле» лучшего духовно-гуманитарного наследия человечества, быть адекватной ему и позитивно участвовать в генерировании новых пластов культуры. А «ядерный человек» должен быть гуманным и позитивно «культурогенным». Социоядерный антропный принцип, в отличие от прототипа, нам не дан извне как неизбежность. Нужны усилия, чтобы он претворялся в жизнь.

Социоядерный антропный принцип прагматически ориентирован и интегрирует для со-рефлексии и облагораживания ядерного феномена разум, веру и творчество человека. Чтобы человек и ядерный феномен в его социальной части были взаимно адекватны. Чтобы наиболее полно реализовалась функция ядерной энергии по расширенному сдерживанию негативных тенденций в политике (идеи о применении оружия массового поражения) и экономике (дефицит энергии). Чтобы жить в ядерном мире было возможно – долго, безопасно и комфортно. Ждать быстрой практической отдачи от «внедрения» такого социокультурного базиса не следует. Но, судя по нынешним, комплексно неустойчивым, условиям «жития человечества», нужно торопиться с началом процесса. И на уровне общечеловеческой ментальности. И на уровне духовно-гуманитарного сопровождения конкретных ядерных проектов.

Своеобразной и весьма эффективной формой гуманизации социально-ядерной сферы явилось создание Международного научно-технического центра (ISTC) для территории бывшего СССР. Благодаря этому работники ядерного военно-промышленного комплекса были обеспечены средствами к достойному существованию за счет международных проектов и во благо общечеловеческих интересов. Одновременно устранены опасные процессы поиска работы бывшими сотрудниками советского ядерного ВПК в развивающихся странах. Была обеспечена управляемость и безопасность ядерной отрасли на огромной евразийской территории и предотвращена несанкционированная передача ядерных секретов странам и организациям, которые хотели бы вне контроля МАГАТЭ развивать ядерные технологии военной ориентации.

Наилучшим местом и средством развития и реализации идеи гуманизации и гуманитаризации ядерной сферы, имея в виду, прежде всего, науку и политику для генерирования и продвижения знаний, может стать Организация Объединенных Наций. В частности, Университет Объединенных Наций (UNU). Партнером Университета в системе ООН является МАГАТЭ. Состоявшийся в 2005 г. под эгидой UNU форум «Наука и технология в обществе», как историческое объединение наций, констатировал, что для устойчивого будущего необходимо развитие технологий ядерного синтеза.

В планах – крупные и «на века» так называемые геологические международные ядерные хранилища. Изоляция ядерных материалов – приоритет их нераспространения. Именно в хранилищах сосредото-

чено сырье для классического и радиологического ядерного оружия. Стоимость прототипа – подземного хранилища Yucca Mountain – 60 миллиардов долларов. Создание в России на западные инвестиции таких «гигантов» обсуждалось в Москве на конференциях МАГАТЭ «Обращение с облученным ядерным топливом: новые инициативы России – 2002» и «Многосторонние технические и организационные подходы к ядерному топливному циклу для укрепления режима нераспространения – 2005». А также в ходе визитов в Россию генерального директора МАГАТЭ (2005 г.) и президента США (2006 г.). Создание в мире – на симпозиуме Waste Management-2007 в г. Tucson (США). Создание в Европе – на апрельской (2008 г.) Европейской ядерной ассамблее. Известны и другие европейские инициативы совместной подземной изоляции ядерных материалов, без обозначенного пока места (например, ARIUS). Отмечают устремленность ядерных фирм Швеции (SKB) и Финляндии (Posiva) к кооперации и унификации при создании хранилищ отработавшего ядерного топлива, пока национальных.

Естественнонаучные, технические и гуманитарные исследования приводят к гипотезе о проекте SAMPO: Scandinavian (Slavic) Atomic (Anthropic) Mission – the Proliferation's Oikumene. К гипотезе международного подземного ядерного хранилища вблизи Норвегии, Финляндии и Швеции, в Печенгском районе Мурманской области, вблизи Трифонова Печенгского мужского монастыря и храма святых Бориса и Глеба, в ареале угасающего влияния «Норильского никеля» (резко сократившего в 2008 г. отчисления в региональный бюджет) и Кольской сверхглубокой скважины, вне нефтегазовой инфраструктуры региона, в пределах планируемой международной Поморской экономической зоны. И потенциально – «под присмотром» международного заповедника «Пасвик». При использовании морских коммуникаций и портов Калининград, Киркенес или Кеми. Концепция SAMPO адекватна международным инициативам. И предложениям России о системе ядерных центров по всему топливному циклу. И подготовке правовой базы по импорту ядерных материалов, а также политической готовности создавать в стране крупные международные хранилища. Добавим, что и тенденциям, когда энергетика на углеводородах создала свои объединения в сфере топливного цикла – своеобразную «OPEC SYSTEM» применительно и к нефти, и к газу.

Название SAMPO, в духе социядерного антропного принципа оценки ядерных явлений, задает, во-первых, вектор философско-политической рефлексии. Через противоположный термин Proliferation и образ территориальной локализации Oikumene обозначен ключевой термин ядерной современности Nonproliferation. И идея концентрирования основы всех опасностей – ядерных материалов – в пределах надежной, контролируемой и охраняемой международными усилиями «резервации». Много ядерных хранилищ и «хранилищ» – это распространение.

Если их можно на пальцах сосчитать – это ближе к нераспространению. SAMPO означает полноту, законченность и связь с глобальным явлением и фундаментальным (классическим антропным) принципом.

Эта концепция предоставляет площадку для дискуссий и решений. На максимальном удалении, территориально и ментально, от наиболее тревожных ныне идеологий радикального исламизма и монополярности мира. Это – «точка роста» для столь необходимых сегодня объединительных тенденций. Европейская асимметричная «точка роста», когда США в одностороннем порядке отказались ратифицировать соглашение с Россией о долговременном сотрудничестве в ядерной сфере (2008 г.).

Во-вторых, концепция SAMPO несет, дополнительно к философско-политическому смыслу, также позитивный потенциал религиозно-мифологических и духовно-гуманитарных ассоциаций и образов. Сглаживая недостатки рационального подхода. Приведу примеры таких ассоциаций в контексте нашей темы.

По полярным территориям Швеции, Финляндии, Норвегии и западной России рассеян маленький и изначально единый народ – саамы (лопари). Ему обязан своим названием минерал лопарит – лучшая кольская «копилка» редких земель, титана, ниобия, тантала и тория. Это базовые элементы настоящей и будущей энергетики по схеме деления ядер. Наилучший в регионе природный поглотитель нейтронов и изолятор ядерного топлива – минерал эвдиалит (местное название «лопарская кровь»). В ареале древней культуры саамов, уже как бы приобщенных к ядерным избранным, и будет, возможно, создано международное ядерное хранилище. Их традиционное знание, отношение к жизни и природе неплохо было бы при этом позаимствовать.

Древний эпос соседей саамов, карело-финская «Калевала», издавна чтит нечто чудодейственное, жизнеутверждающее, дающее пищу и энергию – Сампо. Оно было задумано, выковано и укоренено в «стране мрака» – Лапландии. Оно создавалось при мобилизации всех земных и небесных сил. Через опасные «инженерные ошибки». Сампо так и не было осмыслено людьми полностью, хотя и превращено ими в символ благополучия. Ведь по мысли создателей «Калевалы», неизвестно и неважно конкретное его исполнение. А «известно», что питали его земля, море и медный утес, что оно красиво. И концовка у мифа о Сампо поучительная: «не тяните одеяло на себя» – разобьёте благополучие и распространите, но осколки. В случае «ядерных осколков» возможно проникновение в тела и души людей такого зла, по сравнению с которым беда от осколков андерсеновского зеркала («Снежная королева») – сущий пустяк. Сампо-Лопаренок З.Топелиуса уже только благодаря имени своему был обречен на счастье и удачу.

Название SAMPO – потенциальный бренд. «Корни» находятся в работах специалистов бывшего Минатома СССР, производственных

геологических организаций Мурманской области, Геологического института Кольского научного центра РАН, Кольской сверхглубокой скважины и являются неожиданным уникальным следствием комплекса геологических и горных работ в связи с Печенгской структурой, а также исследований ее социального обрамления. Думаю, бренд SAMPO не будет лишним на последующие века и для финно-угорских народов в их уникальной миссии скреплять межрегиональные и межгосударственные связи. Образ нового SAMPO – это от поиска тех самых масштабных и комплексных инновационных проектов и технопарков, о необходимости которых так много говорят. И которые будут нуждаться в долговременном научном сопровождении. Кроме того, образ придает обоснованию крупного ядерного объекта некоторую эстетическую составляющую. Символика SAMPO вводит в рассмотрение образ гражданского, современного объекта, который должен удовлетворять международным кондициям и находиться под полным международным контролем. Она может демпфировать имеющуюся однобокую тенденцию доминирования военной и негативной тематики при духовно-гуманитарных оценках ядерного социума.

Идеи посредничества и размещения в существующих зонах отчуждения международных ядерных хранилищ не новы после СССР: Симушир, Семипалатинск, Чернобыльская АЭС. Возможны региональные версии SAMPO(ru,kz,ua): Scandinavian (or Simushir, Semipalatinsk, Slavutich) Atomic (Anthropic) Mission – the Proliferation's Oikumene. Япония в контексте Курил и Семипалатинска, Украина и Казахстан, поэтому могут быть особыми партнерами Европы, но, вероятно, – конкурентами северного альянса SAMPO.

SAMPO будет способствовать укреплению европейской ориентации, прежде всего, российского «мирного атома». И кто знает, не станут ли отношения в Европе к ядерной энергетике более позитивными, если европейцами именно по пути концепции SAMPO, вполне легально и цивилизованно, будет предусмотрено «на стороне» решать основную и наиболее опасную часть проблемы радиоактивных отходов? И для России, Казахстана, Украины это шанс достойно залатать свои застарелые радиационно-экологические прорехи. Будем надеяться, что в условиях глобальной ядерной опасности не возникнут местечковые образы «экологического эгоизма». Возможны варианты и избирательной разгрузки Европы от ядерного балласта при нынешней неспокойной ситуации в мире. Подход SAMPO соответствует мнению об отложенном решении по «судьбе» отработавшего топлива и о гибком топливном цикле. Не исключено, что в России одновременно можно будет развивать два направления: с переработкой и без переработки топлива. Причем, если система SAMPO и будет, возможно, какое-то время альтернативна радиохимическим производствам Челябинска, Томска и Красноярска, то лишь ее казахстанским вариантом.

Аббревиатура SAMPO в немецкой транскрипции и традиции может быть представлена выражением: Sicherheit (Symbolismus), Atom, Menschheit – «Perpetuum Ordnung». Что уже в простом переводе дословно связывает важные понятия: безопасность (символизм), атом, человечество – «вечный порядок». Кроме того, это выражение вызывает ряд ассоциаций и имеет глубокий смысл: двойственный символ атомного человечества – «вечный порядок». Только при правильном ведении «атомных дел» ядерная энергия будет безопасной. С другой стороны, приручennая ядерная энергия позволит человечеству развиваться без кризисов или существенно сгладит влияние кризисов. Образ и аббревиатура SAMPO в контексте дальнейшего расширения и углубления социального наполнения классического антропного принципа имеют неплохие перспективы иносказательного генерирования новых, позитивных и достаточно понятных ассоциаций на более высоких уровнях обобщений. Например, Special Anthropic Mission of the Power Oikumene (специальная антропная миссия энергетической ойкумены) или Special Anthropic Mission – the Principle of Ontos (специальная антропная миссия – принцип сущего). Это подтверждает их укорененность, устойчивость в пространстве символов, образов, смыслов.

Для сравнения с сутью образа «ядерного SAMPO». События сентября 2001 г. в США стали символом того, что даже самая сильная страна мира, даже на своей территории, даже по отношению к самым важным объектам страны и «жемчужинам» западной цивилизации, даже на коротком историческом интервале времени не может в одиночку предотвратить дерзкие атаки и жестокие разрушения. Причем обстоятельства этих событий полностью до сих пор не выяснены. И еще. Предлагавшаяся на Кольском полуострове площадка для регионального могильника радиоактивных отходов «Дальние Зеленцы» неудачно «входит в образ». Дополнительно к прочим ее недостаткам. Это вблизи нее находится полигон, где погиб «Курск».

Благодарю за поддержку исследований Research Council of Norway, Canon Foundation in Europe, Deutscher Akademischer Austauschdienst и профессоров B.Falkenburg, N.Witoszek, A.H.Zakri, D.Macer, M.Taeb, V.Ryabev, V.Masloboev, а также многолетнего и надежного информационного партнера – коллектив «Уральского геологического журнала» во главе с профессором О.К.Ивановым.

Инна ШУМИЛИНА

ОБАМАМАНИЯ И ГОЛЛИВУД.

«Новая медийность» нового президента США

В гонке за президентское кресло кандидат от Демократической партии Барак Обама победил достаточно убедительно. За него проголосовали 53% от общего числа американских избирателей (66,9 млн.), в то время как за его конкурента – республиканца Джона Маккейна – 46% (58,3 млн. избирателей)[1]. Разрыв в голосах между кандидатами был, как видно из цифр, не абсолютным, но все-таки решающим.

Впервые за всю американскую историю хозяином Белого дома становится человек, имеющий малый политический опыт, молодой и афроамериканец. Постфактум американские аналитики и эксперты называют прошедшие выборы в своей стране «уникальными», говорят о том, что «народ захотел перемен», и пытаются исследовать причины победы Барака Обамы.

Выборная кампания уже названа «беспрецедентно долгой», зафиксирован рекорд финансовых затрат на рекламные ходы Обамы, отмечена «небывало высокая явка на выборы». Социологи также подключились к процессу осмысления, но темы их опросных листов крутятся пока в основном вокруг расовых проблем. Вот часто повторяемые выводы социологов: «Каждые два из трех американцев уверены, что избрание Барака Обамы президентом США – важнейшее достижение в расовых отношениях за последние сто лет», «Большинство американцев убеждены, что, наконец, закончилась гонка между черными и белыми», «Американцы возлагают большие надежды на последующие четыре года» и т.п.

В действительности, прошедшая избирательная кампания оказалась как никогда долгой, растянувшись на срок более года (предыдущие длились 6–7 месяцев). Финансовый рекорд – также не преувеличение: в общей сложности на избирательную кампанию федерального

[1] Election Center 2008 // «CNN Politics.com», Nov.17, 2008 – http://edition.cnn.com/ELECTION/2008/results/president/

уровня 2008 года американские партии и политики потратили более 5,3 млрд. долл. Из них 2,4 млрд. долл. было затрачено на президентскую гонку[1]. Капитал фонда кандидата от демократов превысил этот показатель у соперника почти вдвое (639,2 млн. долл. против 335,3 млн. долл.). Только за сентябрь 2008 г. Обама получил пожертвований на невиданную ранее сумму в 116,5 млн.долл.[2]

По оценкам социологической службы Гэллапа, на выборах проголосовали 136,6 млн. человек, что превышает весьма высокую явку предыдущих выборов 2004 года (126 млн.). В общей сложности, на избирательные участки пришли отдать свой голос около 64,4% американцев[3]. Яркая предвыборная кампания демократического кандидата и финансовый кризис, разразившийся за полтора месяца до выборов, привели на избирательные участки всех тех, кто до этого воздерживался от голосования. По мнению видных американских политологов, «произошло формирование новой коалиции американских избирателей, когда латиноамериканцы, афроамериканцы и молодежь выступили на этих выборах единым фронтом»[4]. Проголосовать за Обаму в этой среде означало подтвердить собственную идентичность.

«Change we can believe in» – слоган Обамы. Именно этот лозунг взбаламутил те слои общества, которые и составили критические проценты триумфального отрыва Обамы от Маккейна. Более того, за время предвыборной гонки в Америке (и даже за ее пределами) во многом благодаря этому лозунгу успел сложиться общественный феномен – некий социально-психологический тип «обамаманов». Обамамания охватила тяготеющие к левизне университетские кампусы, кварталы, населенные афроамериканцами и малообеспеченными выходцами со всего остального света, а также Голливудские холмы. Уровень «влюбленности» в сенатора от штата Иллинойс подскочил до невиданных высот и уже до выборов выразился как в банальном повышении бытового спроса на товары с названиями, близкими по звучанию имени кандидата («Alabama», «Maxibama»), так и в ажиотации масс-медиа.

По ходу избирательной кампании штаб Маккейна неоднократно публично обвинял многие американские СМИ в предвзятом отношении к размещению информации о кандидатах (со ссылкой на реальные цифры национальных опросов по темам касательно распределения

[1] U.S. Election Will Cost $5,3 Billion, Center for Responsive Politics Predicts // OpenSecrets.org, 22 Oct. 2008; Mayer L. Obama's Transition Team Includes Contributors, Bundlers and Lobbyists // Centre for Responsive Politics, 25 Nov., 2008.

[2] Barak Obama and Joe Biden: The Change We Need – http://www.barackobama.com/index.php ; U.S. Election Will Cost $5,3 Billion, Center for Responsive Politics Predicts // OpenSecrets.org, 22 Oct. 2008.

[3] Gallup Poll: Election 2008 – http://www.gallup.com/poll/election2008.aspx

[4] Эту мысль, в частности, озвучил политический обозреватель канала CNN Дэвид Герген, являющийся также профессором Гарварда. См. подробнее http://www.davidgergen.com

эфирного времени на телеканалах между кандидатами – Обама «побеждал»: так было, к примеру, в июле 2008 г. – только в теленовостях Бараку Обаме было посвящено 114 минут, тогда как Маккейну – лишь 48 минут). Во многом такой расклад объясняется внушительным рекламным бюджетом Обамы и отсутствием в США традиции и законодательного закрепления положения о «равенстве кандидатов в эфире» (поскольку все телеканалы – частные). Единственный момент, который обязаны учитывать телевизионщики во время предвыборной гонки, – отслеживать и предоставлять равное количество эфира кандидатам во время теледебатов.

Таким образом, вероятно, не будет большим преувеличением предположить, что именно из-за этого преобладающего присутствия демократического кандидата на телеэкране и сложилось «странное увлечение Обамой»[1], этот «энтузиазм», казавшийся многим «ужасающим», но который «как инфекция – трудно оставаться объективным»[2]. Обама действительно захватил воображение людей с самого начала кампании, наращивание же успеха и популярности развивалось параллельно увеличению количества публикаций в СМИ и передач на телевидении.

Как демонстрируют опросы общественного мнения, к середине октября 2008 г. каждый седьмой американец из десяти, отвечая на вопрос о своих выборных предпочтениях, подчеркнул, что «Обама понимает проблемы американцев» (читай: лучше Маккейна. – *И.Ш.*)[3].

Республиканский кандидат пытался адекватно противостоять активности Обамы в СМИ, однако безуспешно. В мае–июне 2008 г. в этой связи сторонники Маккейна в качестве противодействия использовали глобальную сеть, запуская в Интернет видеоролики, критически оценивающие сверхблагожелательное отношение как многих СМИ к Обаме, так и высмеивающих самого Обаму за усердие в общении с прессой. Один из них – «Обама – знаменитость» – впрямую был направлен на то, чтобы подчеркнуть факт того, что демократический кандидат настолько часто мелькает на телеэкранах, что более похож на попидола, чем на серьезного политика. Другой – клеймил отсутствие критического подхода к кандидатуре Обамы в либеральных СМИ.

Самые ощутимые «удары» от прессы Джон Маккейн получил в июле, когда Барак Обама совершал свое первое международное турне по странам Ближнего Востока и Европе. Сначала газета «New York Times» отказалась публиковать материал Маккейна, осуждающий позицию Обамы по Ираку (чья статья была опубликована в этом же издании неделей раньше). Затем неравенство в подходах к кандидатам

[1] По меткому определению «Los Angeles Times», July 24, 2008.

[2] Цит. дословно из американских блоггов // Althouse, July 25, 2008 – http://althouse.blogspot.com/

[3] Gallup Poll, Oct. 14 2008 – http://www.gallup.com/poll/111148/Seven-Say-Obama-Understands-Americans-Problems.aspx

в медиа усугубилось, когда общенациональные телеканалы («CNN», «NBS», «CBS», «ABC») чрезвычайно усердно приступили к освещению визита Обамы, более напоминая широкомасштабную теле-пиар-кампанию одного кандидата – демократического. Таким образом, обыгрывание в СМИ командой Обамы связки «Маккейн – Буш» постоянно приносило сенатору-демократу ощутимый перевес симпатий избирателей. Одним из самых ярких мероприятий на эту тему стала развернутая в сети Интернет в мае-июне массированная кампания против Маккейна под «говорящим» названием «Mcsame», суть которой заключалась в попытке показать, что взгляды Маккейна и Буша практически неразличимы: Маккейн – это «то же самое», что и поднадоевший многим избирателям Джордж Буш-младший.

Продвижение имиджа Обамы осуществлялось планомерно. Наиболее показателен пример в этой связи, связанный с верным стратегическим расчетом команды демократического кандидата – связать имя Обамы со значимым спортивным событием. Эта идея вылилась в запуск на всю страну телерекламы Обамы по каналу «NBC» во время трансляции летних Олимпийских игр в Пекине. Дорогостоящая акция в телепространстве (5 млн. долларов) позволила внедрить в широкую зрительскую аудиторию ассоциацию идентификации – мол, именно этот лидер разделяет те же интересы и ценности, что и вы – любители спорта. Сама по себе эта идея не нова, широко используется в рекламном бизнесе применительно к фокус-группам продвигаемого товара. В мире политики связка «спорт – политик» задействуется с не меньшим эффектом и безотказно «работает» на создание позитивного образа политика.

И, тем не менее, самым «раскручиваемым» тезисом в «имиджевой борьбе» кандидатов стал факт дружеской и идейной связки Маккейна с малопопулярной на настоящий момент фамилией Буш. Более того, на этом тезисе во многом отстраивалась предвыборная игра сенатора Обамы. Заявлявший же себя в самом начале предвыборной гонки сенатор-республиканец Джон Маккейн как продолжатель бушевской линии «в некоторых вопросах», таких, к примеру, как политика будущей администрации на Ближнем Востоке, вынужден был постепенно менять риторику (следует напомнить, что многие вопросы, связанные с регионом Ближнего Востока, основательно затрагивают повседневную жизнь американцев – цены на нефть, террористические угрозы, жертвы в Ираке и Афганистане, межэтнический и межрелигиозный диалог, а потому воспринимаются как аспекты внутренней и внешней политики как действующей, так и будущей администраций). Уже к сентябрю 2008 г. республиканский кандидат стал периодически демонстрировать намерение дистанцироваться от нынешней администрации, внося иные акценты и нюансы в свои рассуждения о будущей политике своей команды на этом направлении.

Самая спорная концепция бушевских времен – «продвижение демократии» на Ближнем Востоке – стала редко упоминаться в выступлениях Маккейна, а предпочтение было отдано концепции так называемого «нового реализма». Несмотря на то, что подразумевались, по сути дела, прежние ориентиры в региональной политике, а именно – проведение постепенной демократизации в регионе при опоре на умеренные режимы, минимизируя риск их свержения с помощью избирательных процедур, изменилась форма ее подачи – убраны «вызывающие» и раздражающие тезисы о необходимости полной реформации Ближнего Востока. Однако подобные «косметические» штрихи, вносимые Маккейном в свои предвыборные спичи, не меняли главных подходов.

Общеизвестно, что в течение долгого времени Маккейн заявлял себя как твердый сторонник идеи продвижения демократии на Ближнем Востоке. Он также демонстрировал последовательный настрой на борьбу с экстремизмом и терроризмом, настаивая, к примеру, на необходимости наращивания сотрудничества с недавно ушедшим в отставку президентом Пакистана Мушаррафом в деле борьбы с «Аль-Каидой», но при этом неизменно отвергал возможность встреч с представителями экстремистских организаций без оговоренных четких предварительных условий (в то время как Обама настаивал на активной, «смягчающей» переговорной политике в соответствии с кредо – «готов к встрече с лидерами любых государств независимо от занимаемых ими позиций»). Относительно сроков вывода американского военного контингента из Ирака Маккейн, подобно Бушу, твердо стоял на аналогичной позиции – американские войска не должны покидать Ирак до тех пор, пока иракские силы безопасности не смогут обеспечить порядок в стране: «Бросив иракский народ на произвол судьбы, мы обречем его на чудовищное кровопролитие, этнические чистки и геноцид», – утверждал Маккейн.

Весомый вклад в президентскую кампанию Обамы в связи с раскручиванием тезиса «Маккейн = Буш» внес, как водится, Голливуд. Как известно, американские кинознаменитости (за редким исключением) – активные сторонники Демократической партии. Помимо сбора средств в пользу своего кандидата и активного участия в публичных мероприятиях по популяризации демократического кандидата, кинопрофи «фабрики грез» заготавливают свою «кинобомбу». Так было на прошлых выборах – 2004, когда документалист Майкл Мур выпустил провокационную антибушевскую ленту «Фаренгейт 9/11», побив все мыслимые (для документальной ленты) кассовые рекорды.

Выборы–2008 ознаменовались выходом сразу двух кинолент – все того же голливудского смутьяна антиреспубликанца Майкла Мура и не менее известного в этой связи дважды «оскароносного» Оливера Стоуна. В самый решающий момент – на завершающем этапе предвыборной гонки – на экраны США одна за другой вышли две разоблачи-

тельные антибушевские картины. Более того, одна из лент – «Восстание бездельников» Майкла Мура для начала (в последних числах сентября) была размещена в Интернете для абсолютно бесплатного скачивания в США и Канаде. Картина основана на материалах, отснятых режиссером в агитационной поездке по стране с туром (более 60 городов) в поддержку демократов в 2004 году. «Бездельники», по замыслу и определению Мура, это безынициативные молодые американцы, просиживающие часами у мониторов своих компьютеров и не принимающие участия в выборах президента.

По существу, Мур забросил в Интернет не кинофильм, а дорогостоящий (3 млн. – на производство) агитационный ролик продолжительностью 97 минут, направленный на то, чтобы растормошить ленивую молодежь и заставить ее идти голосовать против республиканского кандидата: «Никакие опросы не учитывают, что именно вы, американская молодежь, будете владеть этой страной независимо от того, кто победит на выборах. Именно вы возглавите революцию и вынесете Буша из Белого дома!», – возвестил Мур.

Затем – в середине октября (спешно, вопреки предварительно заявленным срокам «после выборов» и даже «после инаугурации») – на большие экраны Америки (более чем в двух тысячах кинотеатрах одновременно[1]) вышел фильм Оливера Стоуна «W.», где главным героем выступил все тот же Джордж Буш-младший, изображенный максимально нелицеприятно: как глуповатый, закоплексованный слабак и пьяница (хоть и в прошлом). Представляя картину, Стоун в одном из интервью пояснил свою позицию: «Вы верите, что Буш – это история, но это глупость. Кто думает, что эра Буша миновала, тот лжет самому себе. Эта эра не закончилась, потому что Буш изменил законодательство, вероятно, на все времена. Потребуется бесконечно много работы, чтобы вернуть все это снова – конституционные проблемы, усиление исполнительской власти, вся контролирующая политика, а также то, что граждане все это приняли»[2] (напомним, что Стоун имеет в виду, в первую очередь, принятый после событий 9/11 2001 года так называемый Закон о патриотизме, согласно которому специальные службы США наделены расширенными полномочиями в отношении лиц, подозреваемых в связях с террористическими или экстремистскими группировками, позволяющими такие запрещенные ранее действия, как прослушивание телефонов, просмотр личной корреспонденции и т.п. Стоун и некоторые другие видные мастера кино Голливуда неоднократно публично выступали против действия этого закона, добиваясь его полной отмены).

[1] Oliver Stone Bushwhacked Down #4 // Deadline Hollywood Daily, Oct. 19th, 2008.

[2] *Mielke A.* Selbst als Satire ist George Bush nicht mahr lustig // «Die Velt», 28 Oktober 2008.

Так же, как и для Мура, снимать киноленты о президентах – идея, не новая для Стоуна. На его счету уже имеются картины о Джоне Кеннеди и о Ричарде Никсоне. Фильм «Джон Ф.Кеннеди. Выстрелы в Далласе», в котором Стоун попытался опровергнуть официальную версию убийства американского президента, принес режиссеру в свое время три номинации на «Оскар», а картина «Никсон» прибавила еще одну – «за лучший сценарий». Тем не менее широко известно, что представленные режиссером гипотезы восприняты как художественные версии событий и, как правило, характеризуются как «исторически спорные».

Готовясь к выпуску нового фильма из серии «президентских», режиссер заявлял, что в фильме будет «много сюрпризов как для приверженцев Буша, так и для его клеветников»[1], но главное, что отмечал режиссер, так это намерение «создать правдивый портрет Буша, фокусируясь, в частности, на его отношениях с отцом, президентом Джорджем Бушем, молодых годах и переходе к христианству»[2].

Одним из сюрпризов, задуманных Стоуном, очевидно, стал жанр картины. Это байопик, но комедийный. «Фильм может получиться смешным, потому что смешной Буш, – пояснил режиссер в одном из интервью[3]. – Он неуклюжий, бестолковый и все время гримасничает».

Другой сюрприз – литературный материал, легший в основу сценария (автор сценария – Стэнли Вейзер). Исходя из пояснений режиссера, сценариста и пресс-релизов, это «журналистские расследования». Надо отметить, что авторы этих «расследований» – известные люди в мире журналистики, открыто заявлявшие свой антибушевский настрой и издавшие ранее свои разоблачительные версии «мифологии» иракской войны. самом несовершенном человеке», – охарактеризовало картину влиятельное киноведческое издание «The Hollywood reporter»[4]. «Изображение президента со всеми неприглядностями» – отозвался телеканал «ABC News»[5].

Окончательный захват информпространства демократическим штабом накануне выборов ознаменовался выходом в эфир сразу на семи национальных каналах («CBS», «NBS», «FoxNews», «MSNBC», «TVOne», «BET», «Univision»), в прайм-тайм, рекламного 30-минутного фильма, агитирующего за Обаму.

«Скроенный» по всем канонам рекламных роликов, фильм не содержал никакой новой для избирателей информации – в нем вновь разъяснялась позиция кандидата по разным вопросам, обозначались

[1] *McCarthy T.W.* // «Variety», Oct. 7, 2008.
[2] Там же.
[3] *Svetkey B.* Oliver Stone Talks «W» // «Entertainment Weekly», May 8, 2008.
[4] *Honeycutt K.* Bottom line: A bold but imperfect film about a most imperfect man // «The Hollywood reporter», Oct. 7, 2008.
[5] *Baram M.* Stone Fills Out Cast for Bush Movie // «ABC News», April 1, 2008.

«болевые точки Америки», намерения Обамы по их разрешению, а также – короткие интервью известных политиков и бизнесменов, поддерживающих кандидата. Вместе с тем масштаб акции, с учетом эфирного времени, охвата аудитории и как следствие – эмоционального воздействия, безусловно, имел все шансы обеспечить преимущество на финишной прямой демократическому кандидату.

Итоги голосования американских избирателей – уже свершившийся факт. Также фактом уже стало и то, что избирательная кампания Демократической партии оказалась более успешной, чем кампания республиканцев. Измерить меру вклада задействованной богатой голливудской элиты невозможно ни в футах, ни в инчах. Бывший пресс-секретарь Белого дома Ари Флейшер не скрывает досаду: «Голливуд притворяется серьезным, но на самом деле это просто антиреспубликанский бастион, который вносит свой вклад в избирательную кампанию Барака Обамы»[1]. Сторонник же Обамы президент американского Независимого альянса кино и телевидения Жан Превитт полагает, что «Обама разделяет ключевые понятия того, что называется *новой медийностью – он не слишком заинтересован в вертикальной интеграции в мир масс-медиа, но ясно, что он поощряет разнообразие и способность выбирать из различных медийных источников*»[2].

Возможно, что способность Обамы вписаться в эту схему «новой медийности» и обеспечила ему триумф. Одно можно сказать определенно: одной из очевидных заслуг пиар-команды Барака Обамы стала успешно реализованная конструкция блока политической рекламы. Развертывание схемы массированного воздействия на избирателей оказалось адекватно рассчитанным от стратегии создания первичного имиджа кандидата, основанного на адекватно выделенных ожиданиях и требованиях избирателей, до «делания образа лидера» – «такого же, как они» (избиратели. – *И.Ш.*), но «политически чистого», не связанного с малопопулярной ныне семьей Бушей. Обама же явился в ореоле истинного представителя простого американского народа, который жаждет перемен.

Вопрос теперь в том, окажутся ли способны новый президент и его команда также успешно иметь дело с непростой реальностью в политике и экономике? Одно дело виртуальность и медийность, и совсем другое – конкретная реальность.

[1] Ex WH Press Secretary Criticues «W» // «CBS News», Oct. 2008.

[2] *Kemp S.* American Film Market Starts Amid Election Results // «The Hollywood Reporter», 6 Nov. 2008.

Василий БЕЛОЗЁРОВ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ РОССИИ

Осмысление августовских событий на Кавказе, просачивание противоречивой информации о так называемом новом облике Российских Вооруженных Сил вновь высветили необходимость четкого концептуального оформления политики безопасности и обороны страны в понятном для граждан виде. Не случайно эта проблема привлекла внимание Общественной палаты, которая призвана довести до властных институтов интересы гражданского общества. В этой связи правомерно поставить вопрос о том, должны ли в принципе граждане участвовать в обсуждении проблем политики безопасности и обороны и какие аспекты этой политики важны для общества.

О праве граждан на участие в формировании оборонной политики

Вскоре после Русско-японской войны выдающийся военный публицист М. Меньшиков был вынужден отвечать на предложение руководства официальной газеты военного ведомства «Русский инвалид» отказаться от обсуждения оборонных проблем и сосредоточиться на патриотическом воспитании и религиозном просвещении граждан. Отреагировал он, назвав свою статью «Инвалидная психология», резко: «Общая пресса есть голос сознательного общества, – это не трезвон, а набат, подобный пожарному. Если вам, людям военной карьеры, этот набат неприятен, то вспомните, что огонь войны не столько вас коснется, сколько нас. Не ваши, а народные средства будет пожирать бесславная война. Дети общества и народа, а не одни лишь ваши пойдут навстречу смерти. Не скромный фиговый лист для прикрытия начальственных грешков и недочетов, в какой роли служит военная газета, – во главе армии воздвигнуто

будет священное знамя нации, и именно его ждет в будущем слава или позор»[1].

Говоря так, Меньшиков исходил из того, что именно народ, а не армия ведет войну и несет всю ее тяжесть. При этом в современных условиях наблюдается резкое изменение соотношения жертв войн и конфликтов между личным составом вооруженных сил и гражданским населением в пользу последнего[2]. Основной жертвой войны в Южной Осетии в августе 2008 г. стали, как известно, мирные жители.

По бесхитростному же определению американского генерала Д.Макартура, «армия существует для того, чтобы убивать людей и уничтожать вещи»[3]. Парадокс состоит в том, чтобы разумно использовать потенциал разрушения, которым обладает военная сила, для решения созидательных задач, связанных с развитием общества и государства. Решить проблему можно организацией военной деятельности в строгом соответствии с политическими установлениями, в которых выражены интересы той или иной социальной группы, общества в целом. В этой связи уместно еще раз напомнить прописные истины. Во-первых, любую войну ведет нация, а не обособленные от нее правительство и армия. Во-вторых, общество создает вооруженные силы для обеспечения своей безопасности и реализации национальных интересов.

Армия создает благоприятные условия для нормального функционирования общества и государства, и продуктом ее деятельности является безопасность граждан. Иными словами, не общество существует для армии и военных, а государство направляет усилия на то, чтобы армия обеспечивала безопасность, создавая условия для благополучия граждан, для развития общества. Поэтому специфическое положение военной политики государства заключается в том, что она существует не сама по себе, а занимает подчиненное положение по отношению к другим сферам политики. Шарль де Голль, будучи настоящим военным профессионалом, размышляя о предназначении армии, отмечал в этой связи следующее: «От начала мира армии уготовано это тяжкое предназначение, это жертвенное призвание, и она видит в нем смысл своего существования и наслаждается им. Это поле, которое она возделывает в одиночку, отдавая урожай другим»[4]. Однако было бы ошиб-

[1] *Меньшиков М.О.* Из писем к ближним. – М.: Воениздат, 1991. – С. 199.

[2] По данным профессора В.В.Серебрянникова, в ходе агрессии США против Вьетнама на одного погибшего военнослужащего приходилось 9 гражданских лиц (*Серебрянников В.В.* Социология войны. – М.: «Ось-89», 1998. – С. 134). С начала войны против Ирака в 2003 г. по состоянию на март 2008 г. потери коалиционных войск составили более 4 тыс. человек. По оценкам Красного Креста, за этот же период погибло более 150 тыс. иракцев. Другие гуманитарные организации называют в несколько раз большую цифру (См.: *Володин В.* Боль и кровь Ирака // Время новостей. 18 марта 2008 г.).

[3] Цит. по: *Крылов К.* К философии армии // Отечественные записки. – 2002. № 8. – С. 321.

[4] *Голль Ш. де* На острие шпаги / Пер. с фр. – М.: Изд-во «Европа», 2006. – С. 118.

кой толковать позицию де Голля таким образом, будто армия есть неодухотворенный и бездумный инструмент, а отношение общества и власти к ней может быть пренебрежительным.

Какие же аспекты обороны страны важны для граждан и в обсуждении чего они, пусть и в опосредованной форме, имеют право участвовать? Думается, речь следует вести о целеполагании, в соответствии с которым организуется оборона, об определении приоритетов и о размерах выделяемых ресурсов. Ведь не секрет, что от решения этих вопросов напрямую зависит не только безопасность, но и, например, материальное благополучие граждан, размеры налогов, социальных выплат, срок службы по призыву и т.д.

О разработке доктринальных документов

Конкретные, выраженные в концентрированном виде, понятные для граждан, ответы на вопрос о том, какие задачи и почему будет решать Российская армия в обозримом будущем, в действующих официальных документах вычленить сложно. Как правило, можно услышать лишь наиболее общие рассуждения, типа: России нужна армия современная, подготовленная, хорошо оснащенная, профессиональная, мобильная, компактная, инновационная и т.д. Но такие характеристики не дают ответа на вопрос, какие конкретно задачи предстоит решать армии в обозримом будущем и привлечения каких ресурсов это потребует.

Ситуация же в сфере доктринальных документов сложилась своеобразная. Так, о начале интенсивной работы над новой Военной доктриной было объявлено на конференции, проводившейся Академией военных наук (АВН) в январе 2007 г. Президент АВН Махмут Гареев предположил, что основы новой доктрины могут быть разработаны к 2008 г. Определение более конкретных сроков президент АВН почему-то поставил в зависимость от итогов парламентских выборов, то есть, по сути, от внутриполитической ситуации.

Впервые вопрос о переработке действующих доктринальных документов в сфере безопасности и обороны встал в 2002 г. После теракта на Дубровке В.Путин поставил задачу внести изменения в Концепцию национальной безопасности, Военную доктрину, План применения Вооруженных Сил. К тому моменту концепция и доктрина – в новой редакции – действовали два с половиной года. Видимо, у главы государства имелись весомые основания, чтобы поставить вопрос о корректировке документов. Приходится констатировать, что указание президента не выполнено, о причинах чего можно только догадываться.

Если все же потребность в наличии новой Военной доктрины действительно существует, то импульс, требование по переработке существующего документа должны исходить в первую очередь от государ-

ственной власти, уполномоченной на это гражданами. Примечательно также, что руководители Министерства обороны России – С.Иванов и А.Сердюков – воздержались от каких-либо суждений относительно новой доктрины.

Когда утверждают, что документы, по которым безопасность и оборона России организуется вот уже более семи лет, действительно устарели, то нужно внятно объяснить, что случилось. А то, может быть, россияне и продолжают беззаботно жить, счастливые в своем неведении. Надо пояснить, чем стране поможет новая доктрина и во что обойдется реализация ее установок. К тому же известно, что доктрина не является самостоятельным и автономным документом, поскольку в ней конкретизируются положения Концепции национальной безопасности, которая еще не переработана. Иначе говоря, происходит то, для чего в русском языке используется выражение «ставить телегу впереди лошади».

Генерал Гареев справедливо утверждает, что «военная доктрина – это, по существу, декларация о политике государства в области обороны, объявляемая своему народу и всему миру», поэтому в ней не должно быть закрытых разделов. Верно и то, что доктрина затрагивает интересы всех государственных структур, всего общества и всех граждан, следовательно, не оправдывает себя практика, когда Военную доктрину пыталась разработать определенная группа лиц в отрыве от общественности и военно-научных кругов[1]. Между тем приходится констатировать, что широкого обсуждения доктрины не состоялось. Де-факто АВН и некоторые военные структуры монополизировали дискуссию вокруг Военной доктрины. По крайней мере, об альтернативном видении проблемы представителями экспертного сообщества, учете различных точек зрения неизвестно. Обсуждение проекта действующей доктрины показывает, что опубликованный текст не отличался от окончательного варианта, то есть все предложения были отклонены или попросту проигнорированы.

Для нынешнего же обсуждения характерно стремление перегрузить доктрину деталями, действительно важными для конкретного вида или рода войск, военного руководителя, но не позволяющими охватить картину обороны страны целиком. Не подтверждается ли вывод военного мыслителя А.Свечина, сделанный им еще в 1920 г., что «в области военного мышления в России царит интеллектуальная анархия»? Не рационально ли сосредоточиться на политических вопросах, вместо того чтобы стремиться втиснуть в доктрину все? Кому нужны доктринальные документы: гражданам и власти или самим военным?

Ответ на последний вопрос ставит все на свои места. Думается, что доктринальные документы важны в первую очередь для граждан и

[1] См.: *Гареев М.А.* Структура и основное содержание новой Военной доктрины // Военно-промышленный курьер. – 2007. – № 3.

власти. Если же есть необходимость регламентировать частные вопросы деятельности Вооруженных Сил, то для этого существуют уставы, наставления, руководства и другие внутриармейские документы.

Развернувшаяся было дискуссия о новых доктринальных документах в сфере обороны и безопасности и их содержании внезапно закончилась. На свет же появилась «Концепция строительства Вооруженных Сил Российской Федерации до 2030 года», а в октябре 2008 г. руководство военного ведомства заявило о масштабных преобразованиях в армии. Понять бы, на достижение чего они нацелены и что потребуется для их реализации.

О публичности формирования оборонной политики

Признание значения для граждан обороны обусловливает необходимость целенаправленного разъяснения общественности смысла и содержания преобразований, а также принципиальных положений доктринальных документов. Если политическая система претендует на то, чтобы называться демократической, а власть действительно заинтересована в укреплении легитимности, то граждане должны предельно четко осознавать, в чем состоит настоящее и перспективное предназначение такой во всех смыслах дорогостоящей организации, каковой является армия, и что требуется для ее надежного функционирования.

Даже в условиях представительной демократии неверно отдавать решение вопросов обороны и безопасности исключительно на откуп уполномоченным органам государства и профессиональным военным. Ведь до сих пор не решен вопрос об ответственности конкретных должностных лиц, а президент просто не в состоянии постоянно довлеть над ситуацией. Улучшению ситуации, в том числе преодолению коррупции, могло бы послужить обеспечение публичности при формировании оборонной политики.

Поучительные примеры благотворного влияния публичности имеются. Например, создание Францией ядерных сил на рубеже 50–60-х гг. XX века сопровождалось активным обсуждением проблемы в обществе. Президент де Голль стремился, чтобы решение по столь важному для нации вопросу было утверждено всенародным голосованием и исходил из того, что нация должна знать, на что идут ее ресурсы и почему гражданам предстоит ущемлять свое благополучие во имя обеспечения обороны и безопасности. Поэтому решения, связанные с созданием ядерного оружия, определением приоритетов оборонной и ядерной политики, не только не держались в секрете, но, напротив, всячески афишировались. В результате практически все слои французского общества были включены в полемику по ядерной проблематике: обсуждение развернулось в университетской среде, в прессе,

даже в религиозных организациях и закончилось в 1962 году слушаниями в парламенте. В итоге Франция стала полноценной ядерной державой[1].

В современной же России даже Общественный Совет при Министерстве обороны, обладая правом рассматривать те или иные нормативные акты, не может им воспользоваться, поскольку такой порядок никаким документом не определен. Отсутствие соответствующих механизмов представляется основным препятствием для влияния экспертного сообщества на формирование доктринальных установок в области обороны.

Очевидно, что публичность оборонной политики не только способствует усилению ее легитимности, но и работает на здоровую консолидацию общества и содействует политизации граждан, формируя у них ответственность за судьбу страны. Поэтому в процессе формирования военно-доктринальных установок неуместны келейность и монополизация обсуждения ограниченным кругом специалистов. Лучше, если обсуждение проходит гласно и открыто, с привлечением самого широкого круга экспертов. Несомненно, военный потенциал той или иной страны (или негосударственных акторов), складывающаяся военно-стратегическая обстановка не могут быть определены без участия военных специалистов. Пренебрежение их мнением, как показывает история, чревато самыми негативными последствиями. Поэтому они имеют полное право быть услышанными, более того, власть обязана их выслушать. Так же как и они в конечном итоге обязаны выполнить принятое решение.

По всей видимости, самая большая трудность состоит в том, чтобы создать условия для полноценного, а не фиктивного обсуждения. Вместе с тем, если государство действительно заинтересовано в получении качественного результата, то необходимо не просто задать рамки дискуссии, четко обозначив ее цель и предмет, а именно организовать обсуждение. Для этого нужны четкий заказ и создание таких процедур и механизмов, которые обеспечивали бы использование потенциала экспертного сообщества при подготовке концептуальных документов в сфере обороны и безопасности.

От контроля – к политическому руководству

Чем яснее сформулирован политический заказ к Вооруженным Силам, тем яснее и понятнее для самих военных становится их собственная деятельность. И наоборот, чем более обтекаемы и расплывчаты политические формулировки в военно-доктринальных документах, тем больше вероятности, что военные руководители всех уровней

[1] См.: *Зинченко А.В.* Ядерная политика Франции. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 99-100.

будут дезориентированы, поскольку им трудно будет понять, чего от армии хочет высшая власть.

Сегодня выраженное требование по переработке документов, определяющих конечную цель и содержание строительства Вооруженных Сил, исходят от государственной власти. Руководство страны неоднократно озвучивало требование организовать гражданский контроль в сфере обороны и безопасности[1]. Такой контроль не может быть связан вульгарными «комиссарскими» и надзорными полномочиями. Думается, речь должна идти о разделении в том или ином виде представителями экспертного сообщества ответственности в процессе совместного с военными специалистами начертания идеального образа армии будущего, к достижению которого надо стремиться.

Кстати, слово «контроль», пришедшее из английского языка, по своей этимологии в действительности выражает идею прямого вмешательства, руководства, а вовсе не простую проверку. Если проверка – это пассивная позиция стороннего наблюдателя, вмешательство и руководство предполагают разделение и ответственности за состояние дел. В действительности гражданский контроль представляет собой а) реализацию принципа примата политики над военной сферой; б) доминирование гражданских политических институтов, на законных основаниях представляющих волю избирателей, в процессе принятия решений в сфере обороны. В процессе такого руководства достигается:

– определение сфер, нуждающихся в вооруженной защите;

– определение условий и порядка применения военной силы;

– определение цели и приоритетов военного строительства;

– интеграция армии в политическую систему и обеспечение взаимодействия с гражданским обществом;

– обеспечение лояльности личного состава армии (посредством решения социальных проблем военных, политического образования личного состава армии и флота и др.);

– координация действий всех компонентов военной организации.

Видимо, основной акцент в военно-доктринальных документах должен быть сделан на изложении способов, условий, допустимых пределов использования военной силы в процессе реализации национальных интересов средствами вооруженного насилия. Декларативный же тон не соответствует характеру и духу доктрины, призванной быть руководством к действию. Чтобы Военная доктрина действительно стала таковой, следует пересмотреть целесообразность включения в нее тех теоретических положений, которые являются чрезмерно

[1] Например, В.В.Путин, выступая 26 мая 2004 г. с президентским посланием Федеральному Собранию, отметил: «Прошу иметь в виду Министерство обороны и правительство в целом: объемы затрачиваемых средств, интересы обороноспособности страны, а также важные социальные параметры реформы делают обязательным наличие гражданского контроля за эффективностью идущих в армии преобразований».

отвлеченными и практически не инструментальными, носят преимущественно морально-этический характер, а потому никого и ни к чему не обязывают.

В качестве примера могут быть приведены рассуждения о справедливых и несправедливых войнах. Чтобы оценить уместность для доктрины подобных положений, достаточно попытаться убедить одну из сторон многочисленных конфликтов современности, что она действует несправедливо. Оппоненты везде и всегда обвиняли друг друга и оправдывали справедливость своих действий. Нападая на Цхинвал, режим Саакашвили немедленно принялся убеждать всех в справедливости своих действий, и, кстати, нашел поддержку.

Чтобы определить стратегию строительства Вооруженных Сил России, доктринальные документы в сфере обороны должны задать четкие ориентиры. Предстоит разобраться относительно того, в чем состоит отличие – по содержанию и по статусу – таких документов, как концепция, доктрина, стратегия, как они соотносятся между собой и чем отличаются от других (законов, указов, посланий и др.). Возможно, для того, чтобы Концепция национальной безопасности и Военная доктрина по-настоящему стали руководством к действию, следует ввести их федеральным законом, обязательным к исполнению. По крайней мере, при разработке доктринальных документов необходимо исключить возможность повторения казуса, подобного происшедшему в 1995 году. Тогда Конституционный Суд пришел к заключению о том, что Основные положения Военной доктрины Российской Федерации и текст указа, которым они были утверждены, «не содержат нормативных предписаний». Видимо, нужно сформировать целостную систему доктринальных документов, построенную по иерархическому принципу, когда ключевые положения концептуальных документов конкретизируются и раскрываются в следующих за ними.В корректировке нуждается организация деятельности Минобороны, которое все-таки должно стать связующим звеном между обществом и Вооруженными Силами и которое де-факто вот уже в течение ряда лет возглавляет гражданское лицо.

В завершение следует отметить, что любой социально-политический организм должен развиваться на основе целесообразности, то есть способности приходить к определенному запрограммированному результату. Поэтому в доктринальных документах должен быть четко сформулирован тот образ-результат, к достижению которого движутся Вооруженные Силы страны. Для этого предстоит серьезная интеллектуальная работа. Однако имеется главная предпосылка – воля руководства государства обеспечить поступательное развитие страны и достичь нового качественного состояния обороны и Вооруженных Сил. Необходимый же интеллектуальный потенциал в обществе имеется, вопрос состоит лишь в том, как его мобилизовать.

ТЕМА НОМЕРА

Павел ГУРЕВИЧ

КРИЗИС В РАКУРСЕ ПСИХОЛОГИИ

Мы еще не вполне отдали себе отчет в том, что мир оказался на разломе истории. Человечество столкнулось с самым сильным в своей долгой истории кризисом перепроизводства. Распалась связь времен – люди с трудом представляют собственное будущее. Утрачен баланс между настоящим и грядущим. Именно в таких муках рождается обычно новая цивилизация.

«С самого дна, снизу кто-то постучал...»

Управленцы все еще пытаются обуздать финансовый кризис. А он уже не только экономический, но и цивилизационный. Мрачные прогнозы «социальных критиков» кажутся теперь чересчур оптимистичными. Политики ищут выход из драматической ситуации, но еще не осознали, что «обратной дороги нет». Человечество уже прошло точку невозврата. Преображается уклад жизни, ценностные ориентации, миропонимание. То, что происходит сегодня, нельзя мерить прежними мерками. Глобализация обнаружила свой подлинный облик. Оказалось, что процесс, начавшийся в одной стране, способен парализовать всю экономическую систему мира. Материализовался шок от будущего. Катастрофически быстро рушится привычный уклад жизни. Уже не выглядит фантастикой, как однажды вы повернете кран, а вода не потечет... Может быть, не вспыхнет огонь... Не зажгутся телеэкраны.

Что дает основание для столь печальной картины? Стоит ли драматизировать ситуацию на фоне бодрых увещеваний? Но время обрело немыслимую динамику. Все это не может не отразиться на массово-психологических процессах. Политики выстраивают ряды цифр в полной уверенности, что можно рационализировать сложные социальные процессы. Мы по-прежнему видим в социальном горизонте фиктивный образ человека. Нам мнится, что мы можем вразумить его, воззвать к его интересам и здравому смыслу. Но история не подчиняется рациональным императивам. В ней бушуют страсти, тай-

ные умыслы, недомыслие, «завистливая озлобленность» и похоть потребительства.

Недаром Ф. Ницше упрекал психологию в том, что она не смогла «отделаться от моральных предрассудков и опасений: она не отважилась проникнуть в глубину». Действительно, глубины психики все еще не исследованы.

Мы до сих пор не умеем оценивать исторические ситуации через ракурс психологии. Мы знаем сегодня о феномене коллективных скоплений, но так и не научились исследовать массово-психологические процессы.

Кризис в значительной степени отрезвляет. Его кричащие вызовы особенно заметны через ракурс психологии. Попробуем выделить три типологически разных состояния, связанных с кризисом: транс, панику, мортификацию (психологическое онемение).

Транс

Долгие десятилетия человечество вынашивало идеал потребительского счастья. Все жизненные ценности были стянуты к этой установке. Обыденное кредо западного мира вполне совпадало со словами Хлестакова: «Ведь для того и живем, чтобы срывать цветы удовольствия...» Такое состояние называется в психологии галлюцинаторным, или трансовым. Транс – эйфорическое чувство всемогущества. Массовая зачарованность прогрессом. Коллективное убеждение в том, что сказка никогда не кончается.

Это галлюцинаторное сознание настолько вросло в нас, что мы по-прежнему тешим себя иллюзией: кризис закончится, и мы снова окажемся в потребительском раю. Это не что иное, как «сон в оболочке сна» (О.Мандельштам). Да, люди хотят иметь множество товаров, различных жизненных благ, потреблять все, что может предложить постиндустриальная цивилизация. Они убеждены в том, что наука существует ради того, чтобы украсить человеческое существование. Производство призвано обслуживать человека. А потребитель должен потреблять во все возрастающих объемах. Пусть кофе с молоком течет прямо из крана. Пусть наука омолаживает, продлевает жизнь, поражает небывалым комфортом.

Между тем потребительское общество давно доказало свою исчерпанность. Еще несколько десятилетий назад американский социолог Даниэль Белл отмечал, что нынешняя цивилизация вызвала потребительский энтузиазм, спровоцировала различные потребности, которые невозможно удовлетворить, поскольку земные ресурсы не беспредельны. Спрос на природные ресурсы в период с 1961 г. вырос более чем в два раза, и в настоящее время уровень их потребления на треть превышает пороговое значение, при котором возможна их регенерация. К 2040 г. этот показатель составит 100%.

Многие проницательные психологи давным-давно отмечали признаки надвигающегося кризиса. Французский философ Жан Бодрийяр указывал на кричащее несоответствие между фиктивной и реальной экономикой. Он писал о том, что мы живем под бомбами, которые не взрываются. Это, в пер-

вую очередь, международный биржевой и финансовый крах. Ученый уже несколько лет назад предвидел, что в один прекрасный день все это неминуемо взорвется (Прозрачность зла. М., 2006, с. 41).

Французский философ не предвидел столь быстрого финала. Но уже в те годы финансовый долг начал приобретать орбитальный, циклический характер, перемещаясь по кругу из одного банка в другой, из одной страны в другую. Та страна, которая вновь обретала долг, в конце концов, оказывалась забытой. Ее выводили на орбиту, словно атомные отходы. А отсутствующие оборотные капиталы и это негативное богатство в какой-то момент начинало вновь котироваться на бирже.

Кризис всегда имеет причины, он – следствие нарушения причины и следствия. Сама система вышла за свои пределы. Она превзошла собственные цели, и для нее уже нельзя найти никакого лекарства. Этот двойной процесс парализации и инертности, ускорения в пустоте, избыточности производства при отсутствии конечных целей отражает и двойственный феномен, который принято приписать кризису: инфляция и безработица.

По мнению наиболее компетентных исследователей, нынешний кризис продлится не год и не два. Он рассчитан на 10–12 лет, стало быть, закончится не ранее 1920 г. К этому времени другим станет мироустройство, сложатся и укрепятся иные смысложизненные установки. Невольно возникнут вопросы вроде: Для чего мы созданы? Для биржевой лихорадки, для рыночной гонки, для безумия моды? Или мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв? Вероятно, полным безумием покажется нашим потомкам сегодняшний рекламный слоган: « Если денег нет, а счастья хочется, приходите к нам». Газеты недавно сообщили о престарелой даме, которая умерла под грудой товаров, закупленных ею впрок. Лучше не придумать...

Цивилизации умирают по-разному. Но надо иметь мужество, чтобы вовремя осознать суровую, горькую правду. Экономисты и футурологи отмечают, что количество промышленных мощностей в мире сегодня еще отстает от того уровня потребления, который имеет современное общество. Выход в том, чтобы наращивать уровень потребления, вводить новые экономические ресурсы. Но это ведет к экологической катастрофе. Промышленный подъем Китая оказался смертоносным для птиц, которые прежде пересекали просторы страны. Индия тоже мечтает о подъеме производства. Демографы предостерегают о громадном приросте населения в этой стране, о коллапсе всей мировой экономики в результате этих событий.

Кризис развертывается с точностью возвратно-боевой пружины. Нам казалось, что если мы изнасилуем природу, то она ответит нам взаимностью. Мы теперь не можем ждать милостей от природы после того, что мы с ней сделали. Ресурсы фактически исчерпаны. Нам мнилось, что естественное и искусственное поощрение потребления может гарантировать вечное стимулирование непрерывного цикла бескризисного развития мировой экономики. Но сегодня эта система, которая почти полвека поддерживала потреби-

тельский рай, завершилась. Пора осознать, что мы являемся живыми свидетелями агонии этого мира.

Социальные мыслители уже всерьез обсуждают прагматическую ценность войны. Заявляют о том, что вовсе не Ф.Рузвельт вытащил Америку из Великой депрессии, а наступившая вовремя мировая война. Ведь только она может разрушить избыточные производственные мощности и тем самым обеспечить очередной технологический рывок. Неизбежность новой бойни обсуждается с практической дотошностью. Законодатель интеллектуальной моды Э.Тоффлер рассуждает о том, что на протяжении истории войны постоянно сопровождали человечество. Ратники, витязи, рыцари, стрельцы, янычары, генералы и «простые солдаты» шествуют военным парадом перед нами. Побежденная сторона, подсказывает американский социолог, обычно претерпевает глубокие преобразования своих внутренних демографических, политических, экономических, национальных и даже духовных структур. Война, оказывается, чревата даже позитивным антропологическим преображением. Так, мол, вершится эволюция человека (Тоффлер Элвин и Хейди. Война и антивойна. М., 2005).

Паника

Премьер обратился к народу и сказал: «Кризис нас не коснется». Через несколько месяцев он изменил свое мнение: «Пожалуй, коснется!». А спустя некоторое время сказал: «Еще как коснется!». Представьте себе, умирающему больному требуется медицинская помощь. Прибывает скорая помощь, которая демонстрирует абсолютную растерянность. Один из врачей сообщает: «Ничего страшного, вытащим, не умрет». Другой возражает: «Нет, пожалуй, умрет и очень скоро». А третий отмахивается: «Выживет, но будет пожизненным инвалидом».

Разумеется, кризис начался неожиданно. Ни одна страна не избежала растерянности. Не стала исключением и Россия. Как сохранить трезвость мысли, если цены на нефть, которая являлась основным товаром страны, упали в три раза, а банковская система едва не рухнула? Трудно найти выход. Еще сложнее сохранить самообладание. Но есть еще одна грозная опасность – непрофессионализм. Это парадоксально, но в момент катастрофы важнее всего осознать размеры опасности, и здесь жестокая правда всегда предпочтительнее убаюкивающей лжи.

Ничто так не дезориентирует людей, как выброс противоречивой информации. Было сказано: «Россия – это тихая гавань, это остров стабильности, центр мировой экономики». Сегодня эта гавань открыта всем ветрам. Власть изо всех сил старалась не произнести ужасное слово – кризис. Она подыскивала для него мягкие синонимы. Она отмечала «трудности», толковала о «сложном периоде», ссылалась на «отголоски финансового бедствия». Между прочим, пока она пыталась предотвратить панику, на грани краха оказалась металлургическая промышленность, остановились конвейеры ведущих автопроизводителей.

Психология в глазах политиков стала синонимом утешительного слова. Лучше сказать неправду, чем напугать. Правда может спровоцировать панику. Этого боятся больше всего на свете, об этом пишут многие газеты. Лучше успокоить, создать видимость благополучия, уверенности в избранном курсе. При этом психологию рассматривают как некий наркотический укол. «Будет немножечко больно, а потом станет совсем хорошо...». Многие аналитические статьи о кризисе пронизаны оптимизмом. Пишут о том, что кризисы всегда были, есть и будут. За последние 500 лет мир пережил около сорока кризисов. Отмечают, что наученные Великой депрессией люди научились сдерживать негативные процессы кризисов. Убеждают, вразумляют...

Но психологические проблемы не решаются с помощью убеждения, разъяснения, здравого смысла. Здесь в силу вступают психологические механизмы, которые и определяют общественное сознание. Если в самом начале вкралась ложь, то потом можно сколько угодно апеллировать к искренности, правде, все это будет наталкиваться на недоверие и приводить к эффекту бумеранга. Отсутствие логики – признак паники. Страшнее этого зверя нет ничего. На фронте паникеров расстреливали без колебаний. Человек в толпе поддается таким инстинктам, которым он никогда не дает воли, когда он один. В толпе же инстинкты раскованы. Толпа анонимна и не несет никакой ответственности.

Масса – послушное стадо, которое не в силах жить без вождя. У нее такая жажда подчинения, что она инстинктивно подчиняется каждому, кто назовет себя ее властелином. У толпы нет одного настроения. Она обоготворяет и сокрушает, возвышает и сбрасывает с пьедестала, любит и испепеляет.

Психическое онемение

Психическое онемение – еще одна разновидность кризисного сознания. Внешне оно похоже на состояние транса. Та же глубокая погруженность в грезу, отсутствие явно выраженной мотивации, распад критической рефлексии. Однако данное психическое состояние лучше назвать не сноподобным, а сумеречным. В значительной мере это полное отчуждение от мира, резкое смещение ценностных установок, сужение спектра психических реакций. В ситуации психического онемения человек нередко утрачивает чувство идентичности. Грубо говоря, он с трудом понимает, кто он такой. Тем более, ему трудно осознать размеры того бедствия, в которое он попал.

Механизм, о котором идет речь, был выявлен психологией чрезвычайных ситуаций. Люди, попавшие в катастрофу, зачастую ведут себя как зомби. Они с трудом отдают себе отчет в том, что происходит вокруг. Когда психическое напряжение достигает предела, эволюционные ее ресурсы включают защитные механизмы. Внутренний мир человека либо начинает распадаться, наступает жестокий кризис, либо происходит полная или частичная «отключка». Человек все еще способен к автоматическим реакциям, но он не понимает смысла происходящего.

В тот памятный день, 29 октября 1929 г., который теперь называется «черным вторником», десятки инвесторов выбрасывались из окон. Но еще больше людей впало в состояние «небытия». Они оказались неспособными к тому, чтобы осознать последствия того, что произошло так внезапно и жестоко. Это был день полного хаоса. После Первой мировой войны все складывалось для экономики США наилучшим образом. Штаты снимали сливки и с прибылей военной поры, ожививших национальную экономику, и с достижений технического прогресса. Растущий оптимизм в сочетании с легким доступом к дешевым деньгам сыграл с инвесторами злую шутку. Граждане инвестировали больше, чем имели.

За день до краха фондового рынка вышел очередной номер популярного женского журнала Ladies Home Journal, с обложкой, на которой был напечатан призыв «Каждый способен разбогатеть на бирже». Более миллиона американцев заняли деньги и заложили свое имущество ради того, чтобы купить акции. И в одночасье все рухнуло.

Психическое онемение – это утрата будущего. Грядущие годы таятся во мгле. Страшнее всего ожидание. Грозен не сам меч Дамокла, а его постоянное присутствие над головой.

Однако психическое онемение, которое испытывают люди, со временем заменяется осознанием глубины трагедии. Вот тогда-то и срабатывают неучтенные прежде психологические механизмы. Именно в этот момент рождается образ века – века взрыва возбудимой толпы, бурной, необузданной и податливой. Состояние мортификации, судя по всему, начинает подпитываться даже картинами разрушения и бойни. Смерть приносит дивиденды. Кровь рождает ликование. Прогресс жаждет апофеоза войны.

Экономика имеет очевидное антропологическое измерение. Она больше не рассматривается как движение отвлеченных показателей хозяйствования. Нобелевскими премиями увенчивают экономистов, которые включают в экономический анализ состояние и действия людей. Стихийные реакции населения способны обрушить осмысленность экономических решений. Но это вовсе не свидетельствует о банальности простых психологических рецептов. Паника – несомненное зло. Но есть и другие факторы, способные выявить свою разрушительную мощь. Гораздо глубже и деструктивнее действует на психику людей неопределенность, пестрота и неожиданность сигналов, посылаемых обществу.

Юрий ЛЮБИМЦЕВ

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ФИНАНСОВ РОССИИ

Определение руководством страны необходимости перехода к инновационному экономическому росту обозначает новые требования к развитию финансовой системы Российской Федерации и типу реализуемой финансовой политики[1].

По существу, речь идет о новом этапе рыночной трансформации.

До сих пор, как представляется, Россия прошла два этапа.

Первый этап (1992–1998 гг.) можно охарактеризовать как этап скачка в рынок. Его содержание определялось как положительными, так и негативными, разрушительными процессами. К положительным следует отнести усилия государства и субъектов рынка по формированию *рыночной инфраструктуры*. Была создана система коммерческих банков; стали функционировать рыночные структуры фондового рынка, в том числе два главных биржевых института: фондовая биржа ММВБ и РТС; наиболее крупные и конкурентоспособные российские предприятия, прежде всего топливно-энергетического комплекса («Газпром», Лукойл, Роснефть, Сургут НГ, Татнефть), металлургии, химии и нефтехимии, железнодорожного транспорта сформировали механизм функционирования *акционерного* капитала; значительная часть населения оказалась в рыночной среде, стала формировать финансовые источники жизнедеятельности на рыночной основе; возникла система предприятий на основе рыночных организационно-правовых форм, при этом частная и смешанная формы собственности в результате приватизации и активной самодеятельности населения стали преобладающими.

[1] См.: *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года»; *Медведев Д.А.* Выступление на V Красноярском экономическом форуме «Россия – 2008–2020. Управление ростом». – М.: Изд-во «Европа», 2008.

Негативной стороной первого этапа был разрушительный способ осуществления рыночной трансформации: скоротечное и, по существу, директивное разгосударствление привело к резкому падению масштабов производства, к формированию криминально-теневого характера российской экономики, сопровождалось разворовыванием и разрушением до 40% приватизированных государственных предприятий.

«Скачок» в рынок и предельно ослабленное государство, сжатие его регулирующих экономических функций, директивно-монетаристская политика с неизбежностью привели к августовскому (1998 г.) кризису всей финансовой системы и экономики, *дефолту* государственной бюджетной системы, общему платежному кризису, в том числе и по внешним долговым обязательствам, всех секторов экономики, включая госсектор, банковский сектор. И даже при комплексном системном характере кризисной трансформации на первом этапе общий дефолт, объявленный Правительством РФ и ЦБ РФ 17 августа 1998 г., не был неизбежным, если бы в России у руля денежно-бюджетной политики находились другие персоналии и если бы экономическая и финансовая политика российского государства была суверенной, а не управлялась Международным валютным фондом.

Второй этап (1999–2007 гг.) следует, по нашему мнению, обозначить в основном как этап экономической и финансовой стабилизации. Не рассматривая все аспекты этого этапа, необходимо сделать общее заключение о его характере. Если *финансовый кризис* – это общая разбалансированность финансовой системы и разрушение взаимодействия ее звеньев, характеризующаяся нарастающей неплатежеспособностью государства, предприятий, банковской системы и населения, то *финансовая стабилизация* есть восстановление сбалансированности и платежеспособности (ликвидности) функционирования финансовой системы и ее звеньев в условиях достижения устойчивого безинфляционного (или низкоинфляционного) денежного оборота и интенсивного процесса накопления капитала в масштабе национальной экономики.

Оценивая положительно этап 1999–2007 гг., как этап экономической и финансовой (в том числе) стабилизации, его можно определить также как этап (процесс) преодоления затяжного экономического кризиса, развернувшегося на базе политического и экономического разрушения Советского Союза и трансформировавшегося с 1992 г. в экономический кризис рыночной трансформации через внедрение в Россию под «патронажем» Международного валютного фонда «шоковой терапии»[1].

[1] См.: *Любимцев Ю.И.* Финансовый кризис: причины, формы и пути преодоления // Плановое хозяйство. 1991. №3. С. 19–29; *Любимцев Ю.И.* Финансово-экономическая политика преодоления трансформационного кризиса // Экономист. 2000. № 12. С. 47–54.

Однако стабилизационный этап не стал одновременно и инновационном этапом развития российской экономики, несмотря на то, что экономических и финансовых препятствий к этому не было. По существу, был упущен фактор времени, и Россия решала проблемы «догоняющего развития», но не в общенаучном понимании этого процесса как выравнивания с уровнем развитых экономик, а догоняющего развития к уровню далекого прошлого 1990 г., т.е. возврата к параметрам экономического потенциала, доставшегося почти 20 лет назад от советского времени. Поэтому вся применяемая в научной литературе и политической жизни методология оценки экономического роста и политики удвоения ВВП как бы повернута «головой назад», к 1990 г., или еще более того, к «провальному» 1995 г., в то время как мировая экономика все эти 17 лет развивалась «головой вперед», т.е. по восходящей траектории к 1990 г.

Если Россия достигнет на рубеже 2008–2009 гг. по объему ВВП уровня 1990 г., или будет иметь удвоение в сравнении с 2000 г., то общий прирост количественных масштабов экономики за 17 лет рыночной трансформации и за последние 8 лет является нулевым к базе 1990 г., т.е. восстановительным.

В этот же период (1990–2010 гг.) вся мировая экономика по объему ВВП к 2010 г. вырастет по сравнению с базой 1990 г. примерно в 2 раза. Экономика США увеличится на 81,1%; объем производства в КНР – более чем в 6 раз, Индии – более чем в 3 раза. Страны Восточной Европы будут иметь 173,1% к ВВП уровня 1990 г., а Россия – 107,8%.

При этом динамика учитывает объемы ВВП с увеличением на постоянный коэффициент паритета покупательной способности национальной валюты и постоянные цены 2005 г. Россия действительно вошла или войдет в десятку крупнейших экономик мира, но при этом ее экономический потенциал будет в 2010 г. в 7,2 раза меньше, чем у США; в 6,26 раза меньше, чем у КНР. А без учета искусственно применяемого паритета покупательной способности разрыв следует увеличить еще в 2,2 раза. Поэтому превышение объема ВВП США над реальным, а не статистическим, российским ВВП в 2010 г. составит 15,8 раза; КНР – 13,8 раза.

Вхождение в «десятку» не отменяет того реального факта, что объем российского ВВП в общей мировой экономике снизится по прогнозу на 2010 г. с 5,3%, имевшихся в 1990 г., до 2,8%. Таковы результаты удвоения ВВП в условиях «догоняющего» развития и преодоления последствий «прыжка в рынок» и «шоковой терапии», которой «облагодетельствовал» с помощью наших реформаторов Россию Международный валютный фонд и вообще Запад.

Несмотря на решение к концу 2007 г. основных проблем экономической и финансовой стабилизации в смысле «сбрасывания оков» финансово-экономического кризиса рыночной трансформации, возникшего по

директивно-монетаристской методологии, Россия еще не преодолела последствий потери своего суверенитета в проведении финансово-экономической политики и выработке стратегии своей модернизации. «Нам удалось избавить страну, – считает В.В.Путин, – от порочной практики принятия государственных решений под давлением сырьевых и финансовых монополий, медиамагнатов, зарубежных политических кругов и оголтелых популистов, когда не только национальные интересы, но и элементарные потребности миллионов людей цинично игнорировались»[1].

События последнего времени показывают, что вопрос обеспечения суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации в реализации стратегии инновационного развития до сих пор остается остро актуальным и приоритетным. Во-первых, из-за развернувшегося в 2007 г. и, особенно, в августе–сентябре 2008 г. мирового финансового кризиса, накрывшего и Россию и поставившего нашу страну перед необходимостью снова решать, казалось бы, решенную проблему финансовой стабилизации. Во-вторых, инициированные зарубежными силами события на Кавказе, втянувшие Россию в военную ситуацию, явились, по существу, актом, за которым скрывается стремление, как и в предшествующий период, сорвать процессы стабилизации и, особенно, стратегические намерения руководства страны к проведению качественно новой, инновационной политики рыночной трансформации, научное обоснование которой было ранее дано во многих трудах отечественных экономистов и активно поддерживалось «верхней палатой» Федерального Собрания РФ[2].

Вместе с тем есть еще явный фактор падения российского фондового рынка, а именно – засилье в нем спекулятивного иностранного капитала, повышающего капитализацию для извлечения и вывоза прибыли из России. Гендиректор ММВБ Алексей Рыбников показал: «Даже кредитоспособные участники российского рынка оказались не в состоянии получать деньги для своих операций под залог ценных бумаг. Иностранцы толпами выходили с российского рынка еще в августе – начале сен-

[1] *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 г. http://president.kremlin.ru

[2] См.: Научные основы среднесрочной программы социально-экономического развития России (1998–2005 годы). Отделение экономики РАН.– М., март 1997 г.; Антикризисная Программа Совета Федерации. Утверждена Постановлением Совета Федерации от 10 июля 1998 года, № 313-СФ; Россия–2015: оптимистический сценарий / Под ред. акад. Л.И.Абалкина – М.: Институт экономики РАН; ММВБ, 1999; Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. акад. Д.С.Львов – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999; О государственной промышленной политике России. Проблемы формирования и реализации./Рук. разработки акад. Е.М.Примаков – М.: Торгово-промышленная палата РФ, 2003; Стратегический ответ России на вызовы нового века / Под общ. ред. Акад. Л.И. Абалкина – М.: «Экзамен, 2007; *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Россия–2050: стратегия инновационного прорыва – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004 и др.

тября... западные банки спешно в массовом порядке позакрывали лимиты. В условиях паники это привело к тому, что наши участники рынка ценных бумаг остались без денег. Поэтому отсутствие иностранного фондирования послужило краткосрочным фактором обвала, а может быть, даже и триггером (сигналом кризиса. – *Ю.Л.*)»[1].

На фоне явной уязвимости российской экономики и финансовой системы от кризисных факторов экономики и, прежде всего, экономики США, странны в настоящее время рекомендации некоторых чиновников: «Нужна более тесная интеграция российской экономики в мировую, – высказался А.Дворкович. – Есть шанс осуществить экспансию российского капитала и российских компаний на международные рынки. Мы намерены в полной мере поддерживать такую экспансию»[2].

По нашему мнению, сначала нужна «экспансия» российского капитала в свои регионы, например на Дальний Восток. Без активизации и «экспансии» государства и отечественного капитала в наши регионы, и, особенно, на Дальний Восток, «в конечном счете, можем все потерять», как сказал президент России Д.Медведев 25 сентября 2008 г. во время пребывания на Камчатке.

Следовательно, в реальном процессе эволюции российской экономики вновь необходимо решать проблемы стабилизационного характера: снижение инфляции до 7–8% (в 2008 г. она составила на потребительском рынке более 14%), восстановление инвестиционного процесса, существенно нарушенного падением фондового; возобновление устойчивых взаимосвязей между бюджетной системой, банковской системой, реальным сектором экономики, в том числе процессов долгосрочного и краткосрочного кредитования, активного размещения инструментов долговых обязательств на фондовом рынке, посредством которых до кризиса в августе-сентябре 2008 г. формировалось до 30% инвестиционных ресурсов предприятий и значительная часть заемных ресурсов субъектов Российской Федерации для финансирования их бюджетных дефицитов, возникавших в связи с реализацией региональных инвестиционных программ.

Проблема финансовой стабилизации в России в относительно короткие сроки еще раз не может быть решена без усиления государственного регулирования основных звеньев финансовой системы, а также развития функций Центрального банка РФ, восстановления его функции прямого кредитования инновационных отраслей экономики. *Это означает, что необходимо видеть ограниченность монетаристской политики финансового регулирования, которая потерпела крах в Соединенных Штатах Америки, да и в России тоже.*

Выявляя причины слабой инновационности российской экономики и причины российского фондового и банковского кризиса 2008 г.,

[1] Коммерсант. 26 сентября 2008 г. С. 20.
[2] Там же. С. 14.

нельзя не видеть, что именно директивно проводившаяся в 2000–2007 гг. политика «оптимизации» и «стерилизации» как финансовых ресурсов государства, так и общей денежной ликвидности, толкнула российские коммерческие банки и крупные компании на внешний рынок финансовых ресурсов, поставив их в долговую зависимость от Запада при изобилии финансовых и валютных ресурсов, имевшихся у правительства и ЦБ РФ.

Инновационный этап функционирования финансовой системы и проведения финансовой политики потребует существенного изменения финансовых пропорций и перераспределения финансовых потоков. Разработанная правительством (экономическим и финансовым блоком) Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года и соответствующий прогноз лишь имитируют смену приоритетов и инновационность сценария развития, поскольку не вскрывает закономерных воспроизводственных процессов в России и не нацелена на формирование реальных механизмов инновационного экономического роста.

В Концепции «мечтается» повысить долю промышленных предприятий с 8,5% в 2007 г. до 40–50% в 2020 г., а долю инновационной продукции в объеме выпуска промышленной продукции до 25–35% (2007 г. – 5,5%)[1]. Ни финансового обеспечения, ни развернутой программы и сети новых инновационных предприятий и инновационных «кластеров» концепция не содержит. Ожидания скачкообразного изменения инновационности искусственно созданного российского капитализма недостаточно обоснованы. Поэтому главным двигателем инновационного развития России может быть только государство. Вместе с тем из концептуальных документов правительства следует, что вплоть до 2023 г. предусматривается продолжение политики ограничительного использования растущего российского финансового потенциала, не отменяется «стерилизация» его в финансовые резервы, размещенные, несмотря на мировой финансовый кризис, в зарубежных финансовых системах, в основном в государственных облигациях, за счет которых западные правительства финансируют свои бюджетные депозиты.

Возможности государственного финансирования инновационного развития России в правительственной стратегии ограничены, во-первых, потолком расходов бюджетной системы, который установлен вплоть до 2025 г. на уровне 33% ВВП; во-вторых, продолжением практики выведения нефтегазовых доходов из экономической системы;

[1] К инновационно-активным промышленным предприятиям по состоянию на 1998–2003 гг. относились в Австрии – 52,7%, Германии – 65,8%, Италии – 40,0%, Франции – 45,5%, Великобритании – 39,0%, Канаде – 67,4%, Мексике – 45,8%, Словении – 28,0%, Турции – 35,0%, Эстонии – 38,0%, Румынии – 19,0% // Индикаторы инновационной деятельности: 2007. Статистический сборник. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 342–343.

в-третьих, продолжением порочной практики занижения макроэкономических параметров (ВВП, инфляции), что дает правительству свободу в определении в заниженных параметрах бюджетных расходов, в том числе на инновационное развитие, оборонный заказ, индексацию финансирования социальной сферы; в-четвертых, ошибочным прогнозированием как текущих, так и среднесрочных, не говоря уж о долгосрочных процессов как на внутреннем, так и мировом, рынках.

Это особенно проявляется в ошибочном прогнозировании мировых цен на энергоносители, инфляционных процессов. При этом в тени остаются мощнейшие инфляционные явления в сферах недвижимости, в том числе жилья, земельного рынка, платного образования и здравоохранения, жилищно-коммунальных услуг, ценообразования на продукцию естественных монополий.

Общие рекомендации по изменению финансовой политики в аспекте инновационного развития следующие:

– поднять в течение среднесрочного периода (к 2011 г.) потенциал расходов бюджетной системы России до 50–55% ВВП (среднеевропейский уровень), направив прирост потенциала (около 20% ВВП) на ускоренное инновационное развитие уже в предстоящем среднесрочном отрезке[1];

– перейти к инновационно-инвестиционному типу антиинфляционной политики на основе эквивалентной и сбалансированной зависимости потока денежных ресурсов и потока товарных (инновационных) ресурсов с активным развитием внутреннего инновационного рынка и интенсивным использованием инновационного потенциала мирового рынка, инновационного рынка отдельных развитых стран Запада и Востока (что предполагает недопущение изоляции, которую США хотят навязать России);

– пересмотреть политику использования нефтегазовых доходов, преодолеть уклон в сторону их «стерилизации» и все необоснованные опасения «перегрева» российской экономики и «голландской болезни».

Нефтегазовые доходы – это главные конкурентные преимущества России в мировом развитии, поэтому политика их «стерилизации» под «лозунгом» антиинфляционной борьбы означает на деле «стерилизацию» наших преимуществ и блокирование ускоренного инновационного развития России.

[1] В разработанных МЭРом РФ «Основных параметрах прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 годов» содержится следующий «оптимистический» пассаж: «В инновационном варианте сохранится сложившаяся тенденция роста государственных затрат на проведение отраслевых и междисциплинарных НИОКР. Ожидается, что указанные расходы дадут значительный макроэкономический эффект через 8–10 лет» (с. 112).

ДЕБЮТ

В сегодняшнем номере – статья аспирантки кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ ***Любови Ярошенко.***

Любовь ЯРОШЕНКО

РОССИЯ И ЕВРОСОЮЗ: ЦЕННОСТИ ИЛИ ИНТЕРЕСЫ?

> «Основной политический вопрос – будущее отношений между Россией и Европейским Союзом. Это будущее будет определяться экономикой, а именно экономическими обменами и диалогом, а не демонстрацией силы, партнерством и многосторонней дипломатией, а не односторонними подходами».
>
> *Жозе Мануэль Баррозу, председатель Комиссии европейских сообществ*[1]

В ноябре 2008 года завершился очередной саммит Россия – Европейский Союз. Официальный итог – возобновление переговоров по новому соглашению о партнерстве и сотрудничестве, которые были заморожены 1 сентября 2008 г. на фоне событий на Южном Кавказе. Результат саммита в Ницце не стал неожиданным ни для политических кругов России и Европейского Союза, ни для экспертного сообщества. Решение о продолжении переговоров логически отразило требования экономических реалий.

«Пятидневная кавказская война», проведение «операции по принуждению к миру» и последующее одностороннее признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии вызвали немало спекуляций на тему того, что Европейский Союз априори не может строить взаимоотношения с Россией на основе «разделяемых ценностей». Приверженность «общим ценностям», интерпретируемая как последовательное соблюдение определенных либе-

[1] Совместная пресс-конференция Президента России с Президентом Франции, Председателем Совета Евросоюза Николя Саркози и Председателем Комиссии Европейских сообществ Жозе Мануэлем Баррозу по итогам 22 саммита России – ЕС. 14 ноября 2008 год. http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/14/2100_type63377type63380type82634_209203.shtml

рально-демократических принципов внутригосударственного устройства и внешнеполитического поведения[1], традиционно декларировалась европейской стороной в качестве главного условия функционирования партнерства. Однако осознание факта существующей географической близости, масштаба торгово-экономических связей и комплексной энергетической взаимозависимости не позволило маргинализировать отношения с государством, часто критикуемым Брюсселем и другими европейскими столицами за несоблюдение демократических норм, стандартов и прав человека во внутренней и внешней политике.

Для будущей модели сотрудничества подобная ситуация означает, что категория «экономический» и/или «энергетический» интерес отодвигает в сторону, а возможно, даже и вытесняет категорию «разделяемые ценности». Само понятие «разделяемые ценности», первоначально рассматриваемое европейской стороной как условие существования партнерства, давно уже превратилось в инструмент нагнетания напряжения в отношениях России и Европейского Союза в зависимости от складывающейся политической конъюнктуры. Реалистическая оценка современного этапа развития международной среды подтверждает, что Россия и Европейский Союз выступают в качестве неизбежных партнеров.

Главный вопрос заключается в том, каким будет оптимальное соотношение: «интересов», «взаимных выгод» и «общих ценностей» в новом формате сотрудничества. Являются ли вообще «разделяемые ценности» необходимым элементом эффективного и долгосрочного партнерства? Если «да», то могут ли Россия и Европейский Союз в принципе договориться о формулировке раздела об «общих ценностях» в новой политико-правовой базе сотрудничества. Или мы будем продолжать идти по замкнутому кругу: ценностные ориентиры у нас декларативно одни, но их интерпретации в конкретных ситуациях оказываются абсолютно разными, а список экономических вопросов и проблем безопасности слишком длинный, поэтому выбор в пользу перехода на прагматические взаимоотношения неминуем.

Перспективы

В настоящий момент и Европейскому Союзу, и Российской Федерации все труднее утверждать, что они пытаются строить стратегическое партнерство на основе «разделяемых ценностей». Проблема приверженности «общим ценностям» оставалась одним из наиболее чувствительных вопросов во взаимоотношениях двух субъектов на протяжении всех 1990-х годов и середины 2000-х годов.

Европейский Союз активно стремился осуществить конвергенцию российской политической и экономической модели с собственными стандартами под девизом соблюдения «общих ценностей». Естественно, что функция «высшего арбитра» в оценке соответствия Российской Федерации либерально-демократическим принципам внутригосударственного устройства и внешнеполитического поведения также должна была закрепиться за европейским между-

[1] Здесь и далее термины «общие ценности» и «разделяемые ценности» рассматриваются как синонимичные. Содержание понятия определяется через статью 2 раздела I «Общие принципы» Соглашения о Партнерстве и Сотрудничестве (1994).

народным институтом. Реализация «прикладных интересов» была обусловлена соблюдением «разделяемых ценностей».

Качественное изменение характеристик двух субъектов должно было неизбежно привести к переоценке принципиальных основ и содержания модели сотрудничества. Во-первых, произошло возвращение России на международную арену в качестве самостоятельного игрока, обладающего ресурсами и потенциалом для воздействия на общемировые процессы. Во-вторых, Европейский Союз стал стремиться играть активную роль не только мощного экономического центра, но и «глобального полюса силы», способного внести свой вклад в решение стратегических проблем международной безопасности.

Эти факторы неизбежно требовали от двух субъектов координации совместных действий по отражению глобальных угроз, а также реалистической оценки того, в каких областях и насколько значительным является их влияние друг на друга.

В современных взаимоотношениях Европейского Союза и Российской Федерации происходит явное доминирование экономического и/или энергетического real politique над какими-либо требованиями приверженности «общим ценностям». Возобновление переговоров по новому Соглашению о Партнерстве и Сотрудничестве на саммите в Ницце в ноябре 2008 г., в данном случае стало ярким подтверждением существующей асимметрии в том значении, которое ЕС придает экономическому и нормативному аспектам взаимоотношений.

Дипломатическая пауза, возникшая в отношениях двух субъектов из-за разного понимания «принципа территориальной целостности» в ситуации с Южной Осетией и Абхазией, носила чисто инструментальный характер. Она могла способствовать лишь большему росту напряженности не только в политической, но и экономической сферах сотрудничества, и в итоге углублению дефицита доверия. Позволить себе подобную роскошь ни европейская, ни российская стороны не могли в силу объемов торгово-финансовых отношений, необходимости инвестиционного сотрудничества в энергетическом секторе. Вероятно, на уровне высших официальных кругов ЕС мог сыграть свою роль и часто озвучиваемый в европейской прессе «миф о возможности превращения «жаркого лета» на Кавказе в «холодную зиму» в Европе».

Даже «особое мнение» Литвы, стремившейся заручиться поддержкой Польши и Великобритании, традиционных сторонников политики «жесткого порицания» России за отсутствие соблюдения демократических принципов, норм и стандартов поведения, никак не повлияло на решение о продолжении переговоров. Ни Европейский Союз в целом, ни отдельные страны-члены не были готовы пожертвовать экономическими выгодами сотрудничества во имя «наказания» России за «несоответствие» ее действий нормам международного права.

Сейчас на практике ЕС реализует модель, предложенную в отношении России Министерством иностранных дел Германии: «Постепенное приближение через рост взаимозависимости и сотрудничества»[1]. Этот подход предполагает способствование постепенной трансформации политической и экономической систем России через усиление контактов и взаимодействия в тех сферах, где

[1] *Barysch, Katinka.* Three questions that Europe must ask about Russia. Centre for European Reform. Briefing Note. 2007, p.8.

Европейский Союз имеет определенное асимметрическое преимущество по сравнению с Россией. Путем развития и углубления торговых связей европейские эксперты надеются достигнуть большей открытости, уважения к закону и соблюдения прав на частную собственность в РФ.

Парадокс заключается в том, что и европейская[1], и российская[2] стороны признают необходимость включения концепта «общих ценностей» в новое Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве. Если раздел о «разделяемых ценностях» как основы будущего сотрудничества сторон войдет в новый документ, то главная интрига заключается в том, как он будет сформулирован. Для Европейского Союза проблема содержания этого раздела – это вопрос оценки соотношения по степени значимости экономического и нормативного компонентов во взаимоотношениях с РФ.

Во-вторых, неясной остается роль, которую могут сыграть новые страны – члены ЕС в разработке единой стратегии в отношении России. «Новички» всегда позиционировали цель либерализации и демократизация РФ как имеющую прямую взаимосвязь с обеспечением их собственной безопасности. Возражения, которые окружали процесс выработки мандата на ведение переговоров о новой политико-правовой базе сотрудничества, а именно жесткая позиция Польши и Литвы, еще раз подтвердили высокую вероятность трудностей, связанных не только с обсуждением конкретного содержательного наполнения документа, но и с последующей его ратификацией.

В-третьих, это проблема степени совпадения общей стратегии Европейского Союза как международного института и независимой внешней политики каждого члена ЕС как суверенного государства – самостоятельного субъекта международных отношений. Стремление государств Центрально-Восточной Европы: Болгарии, Румынии, Венгрии, Словакии, подобно Франции и Германии, активно развивать двусторонние контакты с Россией, особенно в плане энергетического сотрудничества, очень часто размывает одну из главных целей ЕС, сформулированную в *Общей Внешней Политике и Политике в Области Безопасности:* развитие и консолидация демократических режимов, верховенство закона, уважение прав человека и фундаментальных свобод.

В то же время у российской стороны явно существует определенная «красная линия» в переговорном процессе с Европейским Союзом, отступать за которую официальные представители не намерены. В качестве крайнего форпоста российские эксперты выделяют три вопроса, уступки по которым неприемлемы в диалоге об общих ценностях: «закрепление особой роли России в Европе, отказ от формулы приближения России к нормам, регулирующим экономическую и политическую жизнь Евросоюза, отсутствие оценочных суждений о состоянии российской экономики и общества в целом»[3].

---

[1] *Арбатова Н.*. «Проблема–2007»: что дальше? // Россия в глобальной политике. Т. 4, №1, 2006.

[2] Please see. European Security Strategy, 12.12.2003, p. 14. Michael Emerson, Fabrizio Tassinari, Marius Vahl: A New Agreement between the EU and Russia: Why, what and when? In: Michael Emerson (ed.): The Elephant and the Bear try again. Options for a New Agreement between the EU and Russia, Centre for European Policy Studies, Brussels, 2006, p. 62–94.

[3] *Бордачев Т.* На пути к стратегическому союзу // Россия в глобальной политике. Т. 4, №1, 2006.

Современная экономическая и политическая ситуация в России, ее активная роль и вклад в разрешение ведущих проблем международной безопасности не должны позволить ЕС стать лидером в переговорном процессе по компоненту «общих ценностей» в новом Соглашении о Партнерстве и Сотрудничестве.

Для Европейского Союза вопрос о включении «ценностного компонента» в Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве и его формате – это своеобразный тест способности приводить к «общему знаменателю» позиции различных стран-членов ЕС и расставлять приоритеты в модели стратегических взаимоотношений с Россией. Однако и российская сторона должна обладать собственным видением того, как должен выглядеть раздел об «общих ценностей» в новом документе.

В настоящий момент можно логически сделать вывод о том, что он не может принять формат 1990-х годов, когда Российская Федерация воспринималась в качестве объекта политики Европейского Союза и должна была полностью соответствовать предлагаемым извне политическим, экономическим, социальным моделям.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

СТАЛИН И РУССКАЯ ДУША

В обсуждении проблемы приняли участие доктор философских наук, член редакционного совета журнала «Вестник аналитики» ***А.С.Ципко****, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, член Научного совета ВЦИОМ, кандидат экономических наук* ***Л.Г.Бызов****, заведующий отделом анализа динамики массового сознания Института социологии РАН* ***В.В.Петухов****, доктор исторических наук, политический аналитик* ***В.Д.Соловей****, президент Центра стратегических исследований «Россия – Исламский мир»* ***Ш.З.Султанов****.*

А.Ципко. Несколько слов о предмете нашего сегодняшнего исследования.

Речь, на мой взгляд, должна идти не столько о сталинизме как об особом типе террора, направленном, прежде всего, против своего народа, а о нашем российском специфическом восприятии этого феномена, о том, какие трансформации претерпевает наша память о политической практике Сталина.

Согласен с мнением некоторых историков, что память о войне без памяти о ее страшной человеческой цене не только неполноценна, но и аморальна, ибо снимает вопрос о стратегических ошибках Сталина, о его преступной расправе с руководством Красной армии, подорвавшей ее дееспособность накануне неизбежной войны с Гитлером. Одновременно произошла подмена памяти о катастрофах коллективизации памятью об успехах индустриализации.

Имеет ли будущее нация, которая не способна дать моральную оценку своей истории?

Лично мне трудно объяснить, как сочетается в христианской, православной России наше особое, подчеркнутое отношение к проблемам духовности с сохранением в России культа Сталина. Или православная Россия никак не пересекается с неосталинистской Россией?

И еще одна особенность нынешнего восприятия феномена сталинской политической практики, восприятия террора как инструмента решения всех политических и экономических задач. Сам факт появления концепции «рационального подхода» к «большому террору» конца 30-х тоже свидетельствует об определенных сдвигах в нашем общественном сознании.

Наряду с исследованием особенностей и механизмов формирования исторической памяти у современных россиян и, особенно, у той части российской элиты, которая называет себя патриотической, уже чисто научный интерес представляют философские вопросы, поставленные нынешней дискуссией о месте Сталина в российской истории.

Первый и само собой напрашивающийся вопрос связан с возможностью или невозможностью моральной оценки истории. Все ли действительное разумно, как полагал учитель Маркса и советской интеллигенции Гегель?

Второй вопрос связан с самой природой человеческой истории в целом и национальной истории в целом. Насколько верно утвердившееся среди историков-марксистов мнение, что история не терпит сослагательного наклонения? Сегодня в связи со спорами о месте Сталина в российской истории актуализируется школьная проблема диалектики случайности и необходимости в истории.

Далее. Насколько совместима с ценностями европейской, в основе своей христианской, цивилизации концепция «двух правд», идея сосуществования на равных «красной» и «белой» правды?

И последнее. Все же нельзя не видеть, что уникальные зверства нашей гражданской войны, а затем – бесчеловечность и поразительная жестокость сталинского режима имели под собой какие-то объективные морально-психологические основания. Что в этой жестокости было от марксистского культивирования ненависти, от идеи классовой борьбы, а что от особенностей национального сознания, от особенностей так называемой русской души? Чем вызван этот срыв в целом кроткого и терпимого русского человека в это море бурлящей крови?

Надеюсь, что сегодняшний «КС» поможет уяснению причин неосталинистской деформации нашей нынешней национальной памяти. Еще раз обращаю ваше внимание, что наш авторитет и в мире, и в бывших европейских республиках СССР во многом зависит от нашей способности стать на моральную, гуманитарную оценку и личности Сталина, и созданного им режима.

Бывший русский, советский мир распадается еще и из-за разного отношения к преступлениям советской эпохи. Возникает очень серьезная проблема, которую мы совершенно не учитываем во внешней политике. Наш политический язык и наше объяснение национальных интересов становятся чужими для политического языка бывших советских республик. Надо увидеть и понять причины резкого отставания России в этом процессе декоммунизации и вообще нашего нежелания декоммунизации.

Л.Бызов. Начну, рискуя, может быть, выступить перпендикулярно тому, с чего начал Александр Сергеевич. Он говорил во многом с шестидесятнических позиций, которые мне в чем-то близки, а в чем-то, причем очень существенном – нет. Многие вещи, которые он в своем предварительном выступлении сформулировал как некую данность, у меня вызывают сомнения: есть ли это данность и не являются ли мифом очень многие сегодняшние рассуждения о Сталине и его культе. Это уже создается миф на мифе.

Сталин, конечно, мифологическая фигура, и существует миф о Сталине, наведшем порядок, независимо от того, стоит за этим историческая правда или нет. В истории России, пожалуй, ведь и нет фигур, которые можно ассоциировать с идеей наведения порядка, кроме Сталина, да и то с большими оговорками. Но в равной мере существует и шестидесятнический миф о Сталине как тиране, чудовище, который все делал только во вред, а если чем-то и руководил, например, обороной в войну, то из рук вон плохо, и все провалил. Это миф, который тоже во многом базируется на эмоциях, и носители этого мифа

тоже очень болезненно начинают воспринимать, когда появляются какие-то архивные документы, проливающие историческую ясность на основе уже новых, достоверных фактов, допустим, что было не 60 миллионов репрессированных, а от 5 до 10 миллионов. Это воспринимается как развенчание мифа, на основе которого целое поколение строило свою идеологию. Попробуй такое скажи, тебя тут же запишут в сталинисты. Поэтому здесь я вижу существование двух встречных мифов, и трудно сказать, за каким из них стоит больше правды или, напротив, неправды. И нет ничего удивительного, что многие трезвомыслящие люди приходят к выводу, что историческая правда все-таки где-то посередке, а не с краю.

То же самое происходит, когда говорят, что сегодня проявляется интерес к фигуре Сталина, может быть, нездоровый. Да, он действительно проявляется, но масштабы этого явления и роль этого феномена гораздо меньше, чем мы считаем, по крайней мере, меньше, чем в наших кругах принято сейчас на эту тему считать. Если посмотреть данные, а во ВЦИОМе мы несколько раз возвращались к этой теме за последние годы, последний раз в связи с 70-летием репрессий 1937 года, то они не подтверждают, что Сталин является какой-то особенно позитивной в восприятии массового сознания фигурой в российской истории. Я бы сказал, что где-то посередине – есть хуже, есть лучше. В том же двадцатом веке – лучше Брежнев, Андропов, Путин, хуже – Хрущев, Горбачев, Ельцин, а Сталин, наряду с Лениным и Николаем Романовым, имеет как своих сторонников, так и противников. Например, мы задавали вопрос перед прошлым ноябрем, и по его результатам только где-то 12% опрашиваемых считают, что Сталин в истории сделал больше хорошего, чем плохого, а 32 – 34% считают наоборот.

В последние годы ни та, ни другая цифра не растут, зато все больше становится людей, которые считают, что Сталин – фигура сложная, что-то есть плохое и хорошее и т.д. Но факт, что почти в три раза больше людей оценивают его отрицательно, в том числе в своем огромном большинстве молодежь. Людей, которые прямо одобряют сталинский террор, вообще считанная доля – около 2%. По их мнению, Сталин правильно делал, что расстреливал всех негодяев. Это фактически маргинальная часть российского общества. И, наконец, на прямой вопрос «Нужен ли нам новый Сталин?» – меньше 6% безусловно отвечают «да». Непривлекательной кажется и сама эпоха Сталина, жестокая и неспокойная, крайне мало тех, кто хотел бы в нее вернуться. Вот эпохи Брежнева и Путина – это да. Так где это растущее поклонение Сталину? Тем более, если смотреть социальный состав сталинистов, то ничто не свидетельствует о том, что это новая волна его сторонников выходит в свет, большинство из них – старое поколение, люди, голосующие за КПРФ, старше как минимум 50 лет. То есть социология на больших выборках, скорее, свидетельствует о том, что этот миф уходит и умирает, чем приходит и возрождается.

Теперь о пресловутом телепроекте «Имя Россия». У меня очень большие сомнения, что эта акция «Имя Россия» проведена достаточно добросовестно и можно к ней относиться, как к отражению каких-то реальных тенденций. Я не исключаю здесь каких-то прямых подтасовок, потому что вся процедура совершенно непрозрачная, но, кроме того, нужно сказать, что при той методи-

ке, которая используется ВГТРК, фактически нейтральные оценки и отрицательные совпадают, между ними не делается различий. Поэтому я думаю, что при более честном и научно выверенном голосовании обязательно вышел бы на первые позиции не Сталин, да и никто из прошлых и действующих политиков, потому что у всех политиков есть свои отрицательные стороны. И у Ленина много сторонников и противников, и у Николая II и т.д. Это неоднозначные фигуры, и наверняка там вышли бы вперед Пушкин, Ломоносов, Гагарин, Александр Невский, Жуков, Кутузов – т.е. какие-то фигуры, которые объединяют общество, а не раскалывают его, входят в систему его парадных ценностей.

Я не исключаю еще и того, что у нас есть политические силы, которым бы очень хотелось, чтобы Сталин стал «именем России». И это не сталинисты, собственно, а те, кто последние годы дует в ту дуду, что русские – это традиционалистский народ, архаичный, не способный к модернизации, живущий по своим вековым законам. Это все очень хорошо объясняет (например, почему в России провалились либералы) и многое оправдывает (например, почему нам не нужны конкурентные выборы и разделение властей). А заодно и ответ западной общественности – ну чего вы хотите от страны, имя которой «Сталин»?

Я не отрицаю, что миф о Сталине как спасителе и избавителе существует, но я подвергаю сомнению то, что этот миф такой масштабный, что он охватил многие слои общества, по крайней мере, социология этого не подтверждает. Мне кажется, что когда говорят о новом Сталине как о фигуре, которая нужна современной России, в это вкладывают немного другое понятие, чем буквальное воспроизведение мифа о Сталине. Действительно, приходится слышать от какой-то части общества, что нужен новый Сталин. В большинстве случаев это не политическая позиция, а чисто эмоциональный выброс. Но, с другой стороны, есть и очень серьезные обстоятельства, которые делают Сталина актуальной исторической фигурой, причем неважно, с каким знаком.

Нынешняя эпоха в чем-то пересекается с эпохой 1930-х годов, а в чем-то – радикально противоположна ей. Нет и в помине того социального энтузиазма, нет масс, готовых по требованию вождя идти, куда скажут, нет ни крестьян, ни рабочих (точнее, их очень мало, и не эти слои делают погоду). Нет экзистенциального напряжения эпохи строительства нового мира, нет вообще никаких признаков мобилизационной составляющей. Но если посмотреть (о чем я не раз говорил и писал) триаду ведущих ценностей современных россиян, куда входят порядок и справедливость как две главные ценности, а свобода существенно отстает, но все-таки является третьим по значимости фактом, то в какой-то степени порядок и справедливость – это как бы синтез правой и левой идеи, новая формула той, которая была актуальна на рубеже 1920-х и 1930-х годов, когда страна вставала из хаоса и разрухи гражданской войны и была какая-то внутренняя потребность в том, что, наконец, с этой разрухой покончить и создать пусть жестокий, но порядок, в каком-то смысле эта проблема актуальна и сегодня. Пережив 1990-е годы с их хаосом и разрухой, общество сформировало потребность в порядке и справедливости, о чем и говорит социология. И, наконец, что еще более важно – решило для себя, что даже плохое, неэффективное и несправедливое государство – это лучше, чем

его полное отсутствие. И, согласно этой логике, тиран и злодей Сталин – меньшее зло, чем добрый и милый Михаил Сергеич, с самыми лучшими намерениями и от чистого сердца совершивший миллион благоглупостей и потерявший власть вместе со страной.

Правда, я, как скептик, начинаю сомневаться, стоят ли за этими ценностями одни слова или же все-таки готовность к серьезным политическим изменениям. У меня все больше и больше закрадывается сомнений, потому что этот запрос на словах сформировался еще в кампании 2003 года, и мне тогда пришлось неоднократно писать, что у нас появился запрос в национальном социализме, который грядет как ведущая идеология. Прошло 5 лет, и я бы сказал, что этот запрос ни во что не превратился, потому что все попытки создать какую-то значимую силу национал-социалистической ориентации у нас растворялись, уходили в тину и теряли актуальность. Говоря «национальный социализм», я имею в виду национально ориентированные левые силы, не в гитлеровском варианте, конечно. Хотя национал-социализм у нас и возможен, но скорее в муссолиниевском виде, многие черты нынешнего нашего режима к нему тяготеют, но это тоже достаточно скользкие параллели. Но сталинизм – это ведь как раз есть национал-социализм российского образца. И этот комплекс идей, на мой взгляд, пусть в самом общем виде, остается актуальным. Кто бы что ни говорил, если Россия когда-нибудь и дозреет до новой национальной идеологии, почувствует в ней потребность, то это будет именно идеология национального социализма, но никак не европейской интеграции, к примеру.

Еще очень важные точки соприкосновения с 1930-ми годами. Тогда мы стояли у истоков рождения новой нации («советского народа», как позднее любил говорить Брежнев), и, может быть, историческая заслуга Сталина как мифологической фигуры состоит в том, что, по сути дела, Сталину, какими бы отвратительными методами он ни пользовался, удалось создать эту самую советскую нацию. И победа в 1945 году стала высшим проявлением национального духа, каких бы потерь это ни стоило. Это исторический факт. И то, что мы называем «советским феноменом», «советским человеком», когда общество оказалось действительно социально и ценностно интегрированным, потом эта интеграция где-то к 1970-м годам стала распадаться. Но все-таки это произошло при Сталине. Он – отец нации, он стоял у ее колыбели, и реальная историческая память не простирается в глубь прошлых веков, это все уже скорее книжное. Конечно, всю эту атмосферу тех лет не стоит идеализировать, был страх, была подлость, но одновременно жизнь людей была наполнена высшим смыслом, который оправдывал и жертвы, и лишения. Общество было «телеологическим», по выражению А.Синявского, а нынешние относительно сытые времена катастрофически просто лишены онтологического смысла.

То же самое, хотя в несколько карикатурном виде, мы наблюдаем и сегодня: разорванное 1990-ми годами общество пытается ценностно сплотиться в нацию. Другое дело, что из этого мало что выходит, в основном из-за барьеров на уровне институциональной пробуксовки, но потребность есть. Эта потребность сублимируется иногда и в том, что «нам нужен новый Сталин», хотя, конечно, люди на самом деле не хотят ни нового Сталина, ни чего-то похожего на него.

Я не очень согласен с тем, что говорил Александр Сергеевич о рационали-

стическом восприятии сталинской эпохи, что это снижение моральной планки. Я считаю, что исторический Сталин становится в ряд исторических фигур, это совершенно нормальное явление. Появляется масса новых документов, кому они интересны, те их читают, дают им какие-то оценки. А что касается современной молодежи, то говорить о том, что у них какой-то культ Сталина, ну хоть убейте, не вижу я этого. Для них Сталин – это опять-таки древняя история. Даже у нашего поколения притупилось восприятие сталинских репрессий, а требовать от молодежи, чтобы она лила слезы по жертвам сталинизма, нет, это совершенно нереально.

А. Ципко. Согласен с Леонтием, что запроса на нового Сталина в новой России нет. Но существует, обостряется проблема формирования российской нации и российского национального сознания. Нация, которая равнодушно относится к гибели своих соотечественников, к гибели значительной части своей интеллигенции, к гибели миллионов крестьян во время рукотворного голода 1932–1933-х годов, на самом деле не является нацией. Нация появляется тогда, когда осознается самоценность каждого представителя своего народа, когда люди способны сострадать мукам и бедам тех, кто жил до них. А теперь посмотрите нормальными глазами на нас, русских. Сталин спалил в топке репрессий миллионы людей, а мы по-прежнему восторгаемся «успехами страны-первопроходца социализма». Видит бог, это не патриотизм. Это клиника. Меня действительно пугает отчуждение и умом, и душой современных россиян от бед и трагедий своего народа.

Л.Бызов. Я считаю, что все это, с одной стороны, справедливо: есть отчуждение от той эпохи, сострадание к ее жертвам падает, и это происходит по очень разным причинам. Но одна из главных причин состоит в том, что возникло некоторое представление, что правды нет на земле, нет ее и выше. Те демократы, которые ожесточенно нападали на Сталина и обещали, что освобождение от мифа сталинизма принесет нам благо, мораль, я имею в виду шестидесятников, оказались в жизни не меньшими прохиндеями и несостоятельными государственными деятелями, они исторически провалились. Их историческая вина состоит в том, что когда их судьба вынесла реформировать страну, они к этому подошли с позиций идеологических, а не государственнических.

А.Ципко. Трагедия состояла в том, что люди, которые занялись реформированием социализма, я имею в виду так называемый «ближний круг» Горбачева, верили в возможность соединения социализма и демократии, они, и, прежде всего, Горбачев, не видели, что, кстати, не хочет признать и Леонтий Бызов, что система держится на механизмах насилия, на цензуре, статье об антисоветской деятельности и т.д. По крайней мере, о чем я знаю лично, ни Горбачев, ни Шахназаров, ни Медведев, ни Яковлев не хотели распада страны. А вот те, кто у них вырывал власть, действительно жертвовали государством во имя идеологических и политических перемен.

Л.Бызов. Но сегодня в любом случае необходимо делать поправку на исторический опыт. Тех простых решений, относительно которых были иллюзии в 1960-е годы, просто нет в природе. Вот разрушен СССР – «страна-Гулаг», «империя зла», уничтожена КПСС, и что, мы стали свободнее, счастливее, добрее? Нет, зло лежит не в плоскости коммунизм-либерализм, тирания-де-

мократия, зло лежит в нас самих, и оно будет воспроизводиться при любом строе или любом режиме. И никакие «декоммунизации» тут ничего не смогут сделать.

Ш.Султанов. Хочу задать вопрос, который, возможно, уточнит некоторые методологические рамки нашего обсуждения. Проводилось ли в нашей стране за последние 20 или 30 лет какое-то комплексное обследование восприятия сталинизма? Не просто задавались вопросы «Как вы относитесь к Сталину – хорошо или плохо?».

Л.Бызов. Может быть, и проводилось, мне неизвестно, но очень сомневаюсь, что было. И еще больше сомневаюсь в том, что оно бы дало что-то иное, чем то, о чем я говорил.

В.Петухов. Я во многом согласен с тем, что говорил Александр Сергеевич, и отчасти с тем, что говорил Леонтий. Если мы действительно хотим понять, что происходит в массовом сознании, то мы должны объективно подходить к нашему обществу, а не выступать его адвокатами. Иногда надо давать нелицеприятные оценки не только политическому классу, но и населению, гражданам. По ряду позиций оно этого вполне заслуживает. А теперь я хотел бы остановиться на некоторых моментах, зафиксированных в предложенном для дискуссии вопроснике.

Из какой социально-психологической почвы сегодня возрождается сталинский миф? Во-первых, как мне кажется, надо очень четко разделять восприятие Сталина элитами, экспертами, учеными, политиками и населением, общественным мнением, обусловленное разным уровнем информированности, а главное, отсутствием интереса к историческому прошлому страны у многих наших сограждан. У нас поразительная страна, в которой очень многие люди совершенно не интересуется тем, что происходило не то, что 40–50 лет назад, а и 10–15 лет назад. Именно поэтому в России мифотворчество цветет пышным цветом.

Второе, на что мне хотелось бы обратить внимание, это то, что в общественном мнении практически невозможно сталинский миф оторвать от советского мифа. Поэтому, когда социологи спрашивают россиян, «как они относятся к Сталину», многие их них говорят не о том, как они относятся к личности Сталина, к его деяниям, а о своем отношении к советской стране, к Советскому Союзу, который развалился, разрушен и т.д. Это мы тоже должны понимать.

И, конечно же, сталинский миф – это не просто советский миф, это великая победа, возможно, главное событие во всей тысячелетней истории России. Когда говорят о Сталине, сразу вспоминается победа в войне. И людей страшно коробит стремление развести нашу победу и Сталина, что мы бы и без Сталина победили. Наверное, победили бы, я разделяю эту точку зрения, но люди, о чем свидетельствуют опросы, считают, что это неправильно и несправедливо. Они видят заслугу Сталина в победе и не хотят ее перечеркивать.

Третье, россияне оценивают исторических деятелей с позиций сегодняшнего дня. У них нет свойственного профессиональным ученым погружения в другую реальность и понимания того, что в 1917 году была одна ситуация, в 1930-м – другая, а сейчас – третья. Они экстраполируют нынешнюю ситуацию на то, что было в прошлом.

Возвращаясь к проблеме исторической памяти, хотелось бы привести несколько конкретных примеров из последних опросов ВЦИОМ, которые, как

мне кажется, не нуждаются в комментариях. 44% опрошенных россиян не знают, чем памятен для страны 1937 год. А на вопрос «Кто был репрессирован в 1937 году?» – отвечали в том числе и так: «Александр Солженицын, Андрей Сахаров». Подавляющее же большинство опрошенных вообще не смогли назвать ни одной фамилии.

Возьмем Великую Отечественную войну, нашу гордость. Задается простой вопрос: «В каком году была Сталинградская битва?» Правильный ответ дали 34% опрошенных. В вопросе же о том, «кто был Верховным главнокомандующим в годы ВОВ?» – голоса разделились примерно пополам между Жуковым и Сталиным. Можно привести еще множество подобных примеров. Возникает закономерный вопрос – в чем тут дело? Только ли в отсутствии необходимой информации, плохом преподавании истории и т.п. Думается, что есть и более фундаментальная причина, связанная с формированием в России массового потребительского общества, где доминируют частные интересы, потребительские стратегии. Новый средний класс живет исключительно сегодняшним днем, его мало волнует прошлое страны, да и будущее интересует постольку-поскольку. Я думаю, что именно эта среда мелких буржуа формирует не либеральные и демократические ценности, а запрос на лидера, которому можно делегировать ответственность за происходящее в стране, сняв ее с себя, с тем чтобы иметь возможность полностью сосредоточиться на благоустройстве своей среды обитания. Но если, не дай бог, экономический кризис затронет их интересы, то они могут обратиться к такой фигуре, как Сталин.

Александр Сергеевич задал вопрос, «почему в советские времена преступления сталинизма воспринимались острее, чем сейчас?» Одна из главных причин состоит в том, что тогда, в 1960–1980-е годы, это касалось близких людей: матерей, отцов, братьев, сестер. Сейчас на вопрос, «были ли в вашей семье репрессированные?», около 20% опрашиваемых отвечают «да». Но эти 20% в основном складываются из ответов людей старшего возраста. А молодежь до 25 лет отвечают: «Не знаю. Может, были, а может – нет». Между тем историческая память формируется не только из литературы, кино, телевидения и т.д., но и из семейных преданий. Но сегодня происходит некое прерывание этого, второе-третье поколение – и все, историческая дистанция заканчивается. Нет семейных преданий, архивов, они не сохраняются. Три поколения – и все, забвение.

Также мы должны иметь в виду, что сталинский период совершенно поразному воспринимается теми, чьи родственники пострадали, и теми, кто, наоборот, сумел добиться многого. Это тоже та правда, которую мы не должны от себя скрывать. Получалась страшная вещь: кого-то сажали, кого-то расстреливали, а кто-то приходил на их место и делал головокружительную карьеру, становился в 30 лет генералом, в 28 лет – директором завода, министром и т.д. Те люди, которые в 1930-е годы уехали из деревень, рассказывали своим внукам, что они при царе были бы батраками, а советская власть дала им возможность выучиться, уехать в город, стать юристом, ученым.

Что же касается вопроса: «Что стоит за концепцией «рационального» прочтения сталинского террора 1930-х годов?», то мне кажется, здесь главное не мораль или ее отсутствие, а серьезная проблема, стоящая перед властями и связанная с оценкой советского периода, в том числе и правовой. Россия –

правопреемница СССР, и если будет поставлен под сомнение какой-либо период советской истории, то сразу замаячит проблема легитимности, возникнут вопросы у некоторых наших соседей, связанные с материальными компенсациями, территориальными претензиями и т.д.

И последнее. О роли СМИ. Нет необходимости доказывать, что это влияние огромно. И если бы на нашем телевидении был бы возможен какой-то спокойный, без истерик, разговор о нашем прошлом, то удалось бы сделать многое. Пока же трагическое прошлое страны все чаще предстает в виде какого-то фарса, балагана. В фигуре Сталина многих наших журналистов, писателей и кинематографистов, в основном, интересуют подробности его личной биографии.

А.Ципко. Наверное, мы нащупали основную тему разговора. Речь идет об особенностях современного национального сознания россиян, об опасном дефиците исторической памяти, о том, что в массе люди выключены из своей национальной истории. Возможно, у русских историческая память в силу катастрофичности нашей истории была всегда слабее, чем у других европейских народов. Но раньше все же была надежда, надежда на авось, но все же надежда. Люди выключены из истории, их ничего не волнует, и тут действительно есть предмет для исследования. Я сейчас перечитываю «Деревню» Бунина – одну из попыток открыть тайну русской души. Один из его героев говорит: «Мы надеемся», а главный герой Тихон спрашивает: «А на кого надеемся? Как всегда русские – на домового надеемся». У меня такое ощущение, что сейчас, в новой России даже такой пассивной установки на будущее, такой надежды, что судьба куда-нибудь вынесет, по-моему, нет. И так как нет установки на будущее, пусть зряшной, наивной, но которая все же была, то и нет интереса к прошлому. И правда состоит в том, что мы, советские люди, которые хотели перемен, демократии, тоже исходили из традиционной русской надежды на авось. Вот избавимся от системы, а дальше все само собой получится, умные люди придут к власти, и мы заживем по-другому. Люди выходили из советской системы с типично русским архетипом, с такой зряшной, романтической надеждой, что судьба выведет. И вот нынешнее состояние умов – нечто другое, это не просто мещане, как говорил Владимир Петухов, мещанин все-таки встроен в жизнь, у него есть установка стабильности, а мещанин, живущий одним днем, без веры в будущее – это что-то другое. И мне думается, что из-за временщикового сознания и нет интереса к прошлому.

Надо все же понимать, что многие народы бывшего СССР восстанавливают память о жертвах сталинских репрессий не потому, что они жаждут получить компенсацию от нынешней России, а потому, что в их памяти время сталинских репрессий осознается как беда, несчастье, как то, что никогда нельзя забыть. В заштатном Дрогобыче в Западной Украине на здании бывшего НКВД на каменной плите высечены сотни фамилий жертв репрессий 1940 года. А есть ли у нас национальный музей, рассказывающий об ужасах ГУЛАГА? Нет. Все, что делается на этом поприще, идет от активности «Мемориала». Деформации такой национальной памяти обнаруживаются на отношении к репрессиям Сталина, но они, эти изъяны нашего национального сознания, все же созданы не Сталиным, они проистекают от особенностей нашего национального самосознания. Нам все же своих не жалко.

В.Петухов. Я думаю, что это все-таки особенность большой страны и боль-

шой нации. Обостренная историческая память всегда присуща небольшим народам.

А.Ципко. Польская нация – сколько миллионов?

В.Петухов. Сорок – сорок пять.

А.Ципко. Но у поляков в любом городе, на каждом доме помечено: здесь немцы столько-то расстреляли, здесь – столько-то.

В.Соловей. Наша историческая память очень куцая: среднеобразованный русский средних лет знает свою национальную историю гораздо хуже, чем поляк, а о молодежи российской даже говорить не хочется – она вообще ничего не знает о национальной истории. Это фундаментальный факт, который фиксируют все социологические опросы и который подтвердит любой вузовский преподаватель истории. Почему это происходит? Навскидку можно предположить, что история России в XX веке слишком часто и слишком радикально переписывалась. А потому нарушалась любая преемственность, возникала естественная реакция отторжения от собственного прошлого. Но есть и более основательное, на мой взгляд, объяснение, которое, однако, не противоречит только что сказанному.

На протяжении всего XX века и на рубеже XX–XXI веков русские пережили колоссальную травму. И сейчас они хотят забыть это травмирующее прошлое. Наше отношение к истории – классическая психоаналитическая реакция вытеснения. Русские вытесняют в подсознание весь ужас, пережитый ими, их дедами и отцами. Причем ужас хаоса 1990-х годов для наших современников более масштабен и рельефен, чем ужас сталинских репрессий. Хотя бы потому, что он свежее и составляет часть нашей живой, непосредственной памяти.

Надо понимать, что травмированное общество не приемлет моральных оценок. Попытка апеллировать к морали, что было характерно для дискуссий об истории на рубеже 1980–1990-х годов, ныне – глас вопиющего в пустыне. Подобного рода апелляции вызывают лишь нарастающее раздражение. Ибо таков социокультурный материал, из которого состоит современное русское общество.

Есть существенное различие в морально-ценностных основаниях советского общества и современного. Ценностная иерархия современной молодежи не имеет ничего общего с той ценностной рамкой, в которой выросли люди советского общества, я имею в виду поколения 1960–1970–1980-х годов. Более того, это вообще два противоположных типа ценностей. И с точки зрения того типа ценностей, который разделяется современной молодежью, все муки и страдания прошлого не имеют вообще никакой цены, они совершенно безразличны. Это даже не аморальность, это имморализм: молодежь находится по ту сторону старой ценностной рамки, по ту сторону «добра и зла», как оно понималось в советское время. Но это лишь одна сторона парадокса.

А вторая состоит в том, что русские хотят гордиться своей историей. Они испытывают глубокую потребность в позитивном осмыслении, позитивном взгляде на собственную историю. Эта тяга заметна еще с конца 1990-х годов, и сейчас она усиливается. Причем в обществе существует абсолютный консенсус: отечественная история должна быть позитивной. Все хотят видеть прошлое позитивным, хотя это прошлое, за редким исключением, никто не знает.

Очень важно понять, что на самом деле нет более антипатриотичных школьных учебников по истории, чем наши российские учебники 1990-х годов. Американский коллега говорил мне: «Я бы не хотел, чтобы мой сын учился по тем учебникам истории, которые написаны в России, потому что они не учат любить свою Родину». Нет ни одной страны мира, которая бы так уничижительно расправлялась с собственной историей.

Как приход Гитлера к власти описывается в современных германских школьных учебниках по истории? А вот как: в 1933 году на парламентских выборах к власти пришла НСДАП, возглавляемая Адольфом Гитлером. Она победила относительным большинством голосов, но это не значит, что большинство немцев голосовало за национал-социалистов. Всё! В Греции вообще существует лишь один школьный учебник истории, в Японии, насколько я знаю, тоже только один школьный учебник национальной истории. Альтернатива исключена.

Надо различать историю как науку, где должны вестись интеллектуальные дискуссии, и историю как средство социализации. Любая страна, любая государственная машина просто обязана социализировать молодые поколения в духе позитивного, патриотического отношения к собственной истории.

Дело вовсе не в том, что новые учебники по истории, которые отчасти послужили поводом к нашей дискуссии, пишутся по госзаказу. Дело в том, что они отражают общественную потребность. И когда вы поговорите с учителями истории, то выясните: большинство из них хочет, чтобы учебники по истории были позитивными. И это не голос сверху, из администрации президента, это голос снизу.

Что касается т.н. «рационального прочтения» сталинского террора, так это вообще американская концепция, сформированная в лоне т. н. «ревизионистской историографии» 1970–1980-х годов, которая доказывала (и весьма убедительно!), что сталинские репрессии середины 1930-х годов во многом были результатом давления снизу, продуктом революции снизу. Это было написано американцами в 1970-е годы! Концептуально мы ничего нового к этому не добавили, уверяю вас.

Еще раз повторю самую важную, на мой взгляд, мысль. В обществе существует консенсус, оно хочет смотреть на отечественную историю позитивно. И в данном случае власть и авторы новых учебников лишь идут ему навстречу. Интерес власти здесь прозрачен: она нуждается в лояльном обществе. Ибо если вы хотите получить общество, выступающее против основ государства, то напишите негативный учебник по истории – и вы это общество получите.

Теперь о популярности Сталина. Это совершеннейшая чепуха, высосанный из пальца миф. Когда общество говорит, что оно хочет Сталина, то это не более чем персонификация запроса, о котором говорил Леонтий Бызов, – базового запроса на справедливость и порядок. Поскольку, как я уже отмечал, историческая память русских очень куцая, то многие никого, кроме Сталина, просто не знают. Но это вовсе не значит, что они согласны на те действия и методы, которые Сталин практиковал; что они согласны нести те лишения, которые выпали на долю людей, живших в тот период. Ничего подобного. Наше общество в социокультурном отношении совершенно другое. В свое время Виталий

Третьяков очень точно написал к юбилею Сталина: если бы Сталин сейчас появился, то вел бы себя совершенно по-другому, это был бы иной тип политика и лидера; он бы эффективно использовал современные технологии манипулирования и не прибегал к репрессиям.

А.Ципко. Я бы хотел тут немного поспорить. Во-первых, с точкой зрения, согласно которой существовал запрос на репрессии, – очень рискованный тезис. Тотальное перетряхивание сложившегося уклада, новое издание военного коммунизма нужно было только партийной элите, ибо она могла остаться у власти лишь в условиях продолжающейся революции. И совсем не случайно продолжение революции потребовало чрезвычайного насилия. Примером тому – коллективизация, запуск машины страха на полные обороты. Если бы был общественный запрос на дальнейшую коммунизацию России, не были бы нужны репрессии. Разве у 70% населения страны, речь идет о крестьянстве, получившем землю, был запрос на строительство коммунизма? Смешно! Есть объективная логика Октября, объективная логика сохранения новой власти. Эта власть не могла сохраниться и сохранить созданную модель по-другому. Поэтому тут надо различать интересы партийной элиты, которая пришла к власти в результате Октября и часть которой действительно сохраняла идейные установки, она хотела строить новое общество, и интересы подавляющей части населения страны. Надо отличать запрос доктрины, возникшей политической системы партийного единовластия, от реального запроса населения, его подавляющей части. Разговорами о запросе снизу мы уходим от более серьезной проблемы. Почему русские не в состоянии сопротивляться противным их духу нововведениям сверху то при Петре, то при большевиках? Я категорически не согласен с утверждением, что без функциональной реабилитации Сталина, без вытеснения из исторической памяти негатива советской истории мы не в состоянии создать у молодого поколения позитивный образ российской истории.

Вся эта теория, согласно которой историческая правда и патриотизм несовместимы, противоречит духу и букве российской гуманитарной традиции. За этой концепцией, на мой взгляд, стоит неверие в духовные силы нового поколения, в его способность, как говорили и Иван Ильин, и Николай Бердяев, прийти к любви к России через внутреннее моральное преодоление ужасов и морального уродства большевизма. Петр Струве уже в 1918 году писал, что сама способность русских освободиться от соблазнов большевизма будет величайшей духовной победой русского народа, источником его веры в себя. Во-первых, русская история дает достаточно позитивных оснований, чтобы сохранить веру в свой народ, не прибегая к реабилитации преступлений. И, во-вторых, при всех бедах российской нации – беспамятстве и т.д. – если не проснется чувство личной вовлеченности в историю, чувство самоанализа, личной сопричастности и личной ответственности за историю, не имеет и смысла русская нация.

В.Соловей. Здесь возможна очень интересная дискуссия. Наука предлагает несколько объяснений происходившему на рубеже 1920–1930-х годов. Например, Сталин боролся с партийной олигархией, потому что в советской России фактически сложилась олигархическая форма правления. И вопрос стоял жестко: либо эту олигархию сломают, либо коммунистический строй

падет, а вместе с ним, возможно, падет и страна. Но это лишь одна из гипотез. В середине же 1930-х годов было массированное давление снизу, которое осуществлялось новой интеллигенцией, в прямом смысле рабоче-крестьянской, требовавшей для себя места под солнцем в то время, как оно уже было занято.

А.Ципко. Что, был запрос убивать своих коллег?

В.Соловей. Людей не очень занимали последствия для тех, на кого они писали доносы. А этими доносами НКВД был просто завален. Я сужу по ситуации в научной среде, которую в свое время изучал. Правда, когда донос, скажем, на академика Вавилова поступал следователю с четырьмя классами образования, тот реагировал в присущей ему социокультурной манере. Вот так и проходила революция снизу.

Теперь насчет того, можно ли быть патриотом, не зная всей правды. Да, можно. Американцы живут в счастливом неведении о том, что их предки делали с индейцами. Англичане живут в счастливом неведении о том, что Кромвель творил в Ирландии, где была вырезана половина населения. Французы живут в счастливом неведении о том, сколько народу погибло в Великой французской революции и что вода в реках в прямом смысле слова становилась красной от крови. Они не знают об этом и не хотят знать. И, тем не менее, они – первоклассные патриоты своих отечеств.

Еще раз повторю: надо разводить научные дискуссии и воспитание патриотизма. Мировой опыт на сей счет однозначен: история для учебников, история как способ социализации, как средство воспитания патриотизма всегда будет фильтроваться.

Ш.Султанов. Я во многом поддержу то, о чем уже говорил Валерий. Сначала – несколько предварительных замечаний. Сейчас де-факто существуют две группы мифов о Сталине. Первая группа объединяет либеральные, коммунистические, военные, технократические и прочие мифы. Эти мифы на самом деле создаются и воспроизводятся для того, чтобы поддержать некие групповые, корпоративные цели, реализовать какие-то интересы, мобилизовать сторонников и т.д. Но есть и вторая группа, точнее даже, второй большой, комплексный миф – «народный миф о Сталине», в котором, на самом деле, отражается целый комплекс глубинных качеств и особенностей народа, прежде всего, русского. Знание этих архетипических черт, умение их использовать крайне важно, особенно в русской истории.

Я исхожу из того, что этот народный, достаточно динамичный миф по поводу Сталина, как проявление глубинного русского архетипа, существовал и существует. И многие процессы, которые происходили в 1930-е годы, их восприятие тогда и сейчас трудно понять, если не учитывать именно эти, наиболее глубинные, архетипические особенности исторического сознания. Например, почему было всеобщее, тотальное одобрение того, что происходило в 1930-е годы? Почему не происходило никаких выступлений, бунтов против этих репрессий, если утверждается, что было уничтожено 5–10 миллионов человек? Почему все обвиняемые на процессах 1937–1938 годов выступали и говорили: «Да, Иосиф Виссарионович Сталин прав!»? Почему Святослав Рихтер, отец которого был репрессирован, получил Сталинскую премию и благодарил «вождя народов»? Почему Молотов, жена которого была репрессирована, оставался в Политбюро и работал вместе со Сталиным? Калинин, который

как-то все же осмелился походатайствовать генсеку по поводу своей жены, которая тоже сидела, а Сталин ему сказал: «А чего ты ко мне пришел? Советский суд посадил твою жену. Обращайся в суд. У меня тоже родственники сидят».

Второй очень важный момент. В определенном смысле не Ленин, а Сталин, как это ни парадоксально, оказался по сегодняшний день «живее всех живых». Почему? Многие смысловые вещи и интерпретации, которые Сталин тщательно, скрупулезно привнес в «Краткий курс истории ВКП(б)» – ключевой идеологический документ сталинского периода, – позволили заложить основы исторического самосознания новой советской нации, сформулировать некую общую картину исторического прошлого и историческую перспективу, на этой основе принципиально по-новому идеологически и политически консолидировать общество. И это самосознание по-прежнему доминирует в российском обществе. В этом смысле аналогичных «Краткому курсу» документов у нас в нашей истории больше не было. Приведу пример, связанный с ключевым не только для Сталина, но и для всех нас понятием «народ». Хотим мы или не хотим, но мы воспринимаем «наш народ» как некую целостность, некую единую историческую субъектность, как что-то, имеющее внутреннюю сцепленность и стержень. Но ведь историческая реальность такова, что такого народа в России в 1920-е годы фактически не было.

Население, которое прошло через Первую мировую войну, через ужасы трехлетней гражданской войны, через голод и людоедство, через НЭП и частые смены конституций, законов, которое испытало беспрецедентную деградацию правового сознания – народом уже не было. Общество драматическим образом было фрагментировано по идеологическим, национальным, территориальным, историческим, психологическим границам. Непрекращающаяся партикуляризация и даже атомизация проявлялась во многих сферах России 1920-х годов. Другой пример. Александр Сергеевич говорит о тотальном страхе. Вот что произошло действительно в 1928 году, накануне начала коллективизации, во время многомесячной поездки Сталина по стране. В стране начинался голод, а крестьянство, 65% которого составляли крепкие середняки, хлеб отказывалось продавать. Так вот, выступая в селе на юге Красноярского края, генсек чуть ли не умолял: «Продайте хлеб, ваши братья-рабочие теряют сознание от голода, дети пухнут от голода и умирают в городах». Богатые крестьяне, посмеиваясь, лузгают семечки и выплевывают шелуху под ноги красному царю...

А.Ципко. Шамиль, ты сам себе противоречишь. Именно для того, чтобы крестьянин начал бояться власти и стал покорным, нужна была насильственная коллективизация, страх у крестьянина был заложен благодаря бесконечным репрессиям сверху. Твой пример говорит о том, что на самом деле у крестьянина был запрос на другое, на свободу и независимость, а не на сталинскую деспотию.

Ш.Султанов. Крестьяне в любой стране, по определению, стремятся к максимальному партикуляризму. Поэтому запрос был не на свободу, а на всемерное ограничение роли государства, в данном случае – советского. Массовая коллективизация началась позднее, и она совпала с самой страшной в XX веке засухой. В России каждые 11 лет традиционно происходили страшные

засухи. Небывалая засуха 1921 года, затем страшная 1932 года. Только после Великой Отечественной войны, когда началось массовое строительство водохранилищ, когда одной из ключевых задач для Сталина стала массовая засадка защитных лесополос, засухи перестали быть такими трагическими...

Так вот, после выступления генсека крепкий авторитетный сельчанин сказал: «Тебе, рябой, я, пожалуй, четыре мешка зерна дам, но ты, вот того, станцуй». А ведь это приехал красный царь! Я к чему говорю? Можете себе представить, что, условно говоря, в 1880 году царь приехал в это же село и какой-то крестьянин осмелился бы ему так сказать?

Или третий пример мифа, который создал Сталин в соответствии с запросами народного архетипа и который по-прежнему господствует и у либералов, и у коммунистов, – что чуть ли не с октября 1917 года большевики тотально управляли всем и вся в России. Вы все знаете знаменитую ремарку Ленина 1919 года: «Нам только кажется, что мы управляем Россией. На самом деле, как 100 тысяч русских чиновников управляли, так и управляют страной». В двадцатые годы в стране продолжался системный кризис, одним из признаков которого всегда является хроническая слабость управляющего центра, в данном случае советского государства. Да, большевики чего-то там пытались сделать в промежутках между постоянными внутрипартийными дискуссиями, но на самом деле их влияние на процессы в стране скорее сокращалось, чем увеличивалось, например, на экономическую ситуацию во время НЭПа.

Системный кризис диктует свои правила, которые не зависят от теоретических взглядов вождей и идеологов. Посмотрите на ситуацию гражданской войны. Красная армия к концу 1920 года насчитывала около 10 миллионов человек. Кстати, в 1919 году, по большевистским, скорее, преувеличенным, данным, членов партии было чуть больше 200 тысяч человек. Офицерский состав Красной армии – 80% бывшего русского офицерства. Армия Деникина – это 230–240 тысяч, Колчака – 450 тысяч, Юденича – 40 тысяч. Остальные 20% офицерства в этих белых армиях. Кто такие эти 10 миллионов красноармейцев? Это крестьяне, которые реально защищали свои интересы, которые получили землю, прошли через войну, которые умели владеть оружием и т.д. Кто от кого реально зависел – крестьяне от большевиков или компартия от крестьян? Гражданская война – это всегда высшая форма бифуркации, неопределенности, хаоса, максимальное ослабление управления как функции.

Это замечания перед тем, как перейти к разговору об архетипе, который талантливо использовал Сталин. Он действительно выдающийся человек, который блестяще знал русскую этнопсихологию. Ведь не секрет, что самым лучшим знатоком русской истории в большевистском руководстве был именно Сталин. Никто – ни Троцкий, ни Бухарин, ни Зиновьев, ни Ленин – не могли здесь соперничать с ним. А вот теперь взгляните на следующий интересный парадокс. Двумя особыми фигурами для Сталина в русской истории были Иван Грозный и Петр Великий. Сталин, конечно, знал и понимал, что в результате деятельности Ивана Грозного страна фактически оказалась на грани развала. Системный кризис резко усилился при сыне Грозного – Федоре Иоанновиче, и достиг апогея при Борисе Годунове. Вторая фигура – Петр I. Его по-разному интерпретируют в фильмах и книгах, он оказывается и великим реформатором, и западником, предателем русских традиций и т.д. Но вот Ключевский пишет, что ни одна рефор-

ма Петра не была успешно доведена до конца. Ни одна. Почему же Сталин не брал примера с таких успешных царей, как Александр I, при котором Россия достигла, возможно, максимума государственного могущества? Россия правила Европой, на Венском конгрессе 1815 года Александр определял, какие решения принимать, чтобы перекроить карту Европы. Из этого же ряда Екатерина II, Николай I, при которых Российская империя расширялась и укреплялась. Но в каком смысле извлечь уроки? И вот здесь возникает некая дилемма, с которой Сталин и столкнулся. Как он понимал ключевую проблему внутренней русской истории, русского общества? Это постоянная борьба высшей власти, стремящейся быть эффективной, с низовым государственным аппаратом, чиновничеством, бюрократией, которая всегда обладала существенным влиянием на повседневную жизнь государства, прежде всего, из-за географических размеров России. А потому русская бюрократия практически всегда имела свои особые интересы, существенно отличные от общегосударственных.

Для Сталина как государственника неуправляемая русская бюрократия, способная уничтожить любое начинание, любую реформу, представляла собой безусловное историческое зло. Особенно в условиях системного кризиса, который переживала Советская Россия. Таковы же были во многом исторические условия, в которых находился Петр. Но почему попытки Петра преобразовать страну провалились? И тогда Сталин, как истинный марксист, приходит к гениальному в своей простоте ответу: ни Иван Грозный, ни Петр Великий не использовали фактор народа как функционального противовеса бюрократии. Что было еще особенно важно для Сталина в сопоставительном анализе этих двух исторических фигур? Метаморфозы русской элиты или так называемой элиты: она периодически исчезает, проваливаясь с потрохами в эту бюрократическую среду, в чиновничество. Русская элита перестает быть элитой, скатываясь в омут тотального воровства. В жизнеспособных странах есть некая постоянная социокультурная разница между элитой и бюрократией, которая, кстати, воспроизводится и за счет страха.

И, конечно, еще одним ключевым моментом являлся для Сталина фактор все более критического внешнеполитического положения страны в 1930-х годах. Уже в 1926 году у Сталина был перевод книги Гитлера «Моя борьба», потому что еще в 1925 году Сталин создал при себе группу стратегической разведки. Она, конечно, называлась иначе, но это сути дела не меняет. Кроме того, существовала общемарксистская точка зрения, которой, в частности, придерживался Карл Каутский, что Первая мировая война не закончилась, а просто временно прервалась. Более того, Шпенглер предсказал еще в 1919 году, что новая глобальная война возобновится в 1939 году. И вот в 1931 году, осознавая все более опасные угрозы будущего, Сталин смотрит на ситуацию в стране и видит, что так называемая ленинская гвардия начала перерождаться, особенно в период НЭПа, воровство вновь приняло традиционно российский размах, коммунистическая коррупция стала побивать рекорды. Мы мало знаем в реальных цифрах о коррупции 1920–1930 годов, потому что Сталин создал героическую историю, где коррупции не было места, но она была и была чудовищной. Вы не задавались вопросом, куда делись миллионы людей, которые во времена НЭПа заработали неплохие деньги? Они ушли в обкомы, горкомы, облисполкомы, в госструктуры под крыло своих партбоссов, вместе

с которыми и делали очень неплохие деньги в 1920-е годы. Мы говорили про доносы, но дело в том, что был принят закон, по которому следственные органы были обязаны рассматривать анонимки, что, кстати, стало одним из главных моментов контроля над аппаратом, стало одним из элементов, приведших к снижению коррупции.

Вот представьте себя на месте Сталина. 1931 год, он только что написал знаменитые строки, которые опубликованы: «Если мы резко не рванем вперед, через 10 лет нас сомнут». Вот действительно, что делать? С одной стороны аппарат, насчитывающий к тому времени свыше 3 миллионов человек, в значительной степени неуправляемый, коррумпированный, работающий на себя и т.д. А с другой – народ, деградация которого началась с 80-х годов XIX столетия. Почитайте социологические статьи Л.Толстого 1890-х годов, там все описано – и маргинализация, и падение общественных нравов, и личностная деградация, и начавшееся съеживание правового сознания, которое и так было достаточно слабеньким... Сравните две исторические даты: 1880 и 1930 годы. Казалось бы, один и тот же народ на одном и том же пространстве. Но во втором случае это уже население, испытавшее последствия гражданской войны, братоубийства, людоедства, пропаганды свободной любви, разрушения семейных ценностей, появления и исчезновения НЭПа, деградации правового сознания. Вот такой народ, и другого нет. А через 10 лет начинается война. Что делать?

А.Ципко. Странная логика у тебя. Но надо помнить, что в 1930 году Гитлер еще не пришел к власти. И вообще некорректно оценивать ситуацию и возможности прошлого, исходя из событий, которые произошли позже изучаемого периода. На самом деле логика событий носит противоположный характер. Не будущий возможный Гитлер породил, к примеру, насильственную коллективизацию, а, напротив, ленинско-сталинская практика концентрационных лагерей была тем политическим опытом, который использовал Гитлер и во время прихода к власти, и во время создания единовластия своей национал-социалистической партии.

Ш.Султанов. Дело не в Гитлере. Главное для «вождя народов» было активизировать, запустить базовый архетип. Такой архетип народного сознания, как его воспринимал Сталин, заключался в глубинной потребности не в добреньком, а в народном царе как символе народного государства. И здесь очень интересна схожесть между русской традицией и китайской традицией, в которой тоже периодически возникает потребность в народном царе. Что хотят люди от народного царя? Безопасности от внешних врагов и безопасности от внутренних врагов, защиты от чиновничества, бюрократии, которая на Руси очень часто гораздо хуже внешних захватчиков. Потому что от внешних захватчиков можно было спрятаться в лесах. От чиновника, лихоимца спрятаться было невозможно. И, наконец, третье, что нужно от этого народного царя, – новая самоидентификация, ощущение нового «мы» в условиях кризиса. Психологический феномен «мы» всегда играл огромную роль в формировании и развитии национального сознания, национального самоощущения. Это «мы» в России, по мере развития системного кризиса в XX веке, стало форсированно размываться. Трубецкой писал об этом в декабре 1916 года на примере массового дезертирства с фронта. В первой половине 1917 года, когда бежали уже десятки, сотни тысяч – какой там патриотизм?! Это «мы» исчез-

ло. Что сделал гениальный Сталин? Он создал в «Кратком курсе» базовую модель героического народа, которая, между прочим, и до сих пор воспроизводится и коммунистами, и либералами, и «шестидесятниками». Это новое «мы» не народ-богоносец, а народ-герой, авангард прорыва в будущее. Дальше должна быть персонификация этого «мы» – культ великого вождя, потому что героический великий народ заслуживает великого вождя.

Другой момент. Для Сталина было очень важно накануне войны в кратчайшие сроки внедрить императив ответственности, сформировать модель ответственного социального поведения. Да, это делалось жестокими, иногда очень жестокими средствами, но это сработало. Был принят известный закон, по которому за пятиминутное опоздание давали три года, но точно никто не знает, сколько посадили по этому закону. Скорее всего, не более сотни человек. Но само появление этого закона укрепило ответственность: просто люди стали приходить на работу на полчаса раньше. Прошло чуть больше сорока лет, и при Андропове, вы знаете, искали якобы работающих людей по кинотеатрам и ресторанам.

Следующий момент. Важнейшим для действительно дееспособного государства является легитимный и постоянный контроль общества над властью – бюрократическими институтами. Перекрещивающаяся система партийного, народного, профсоюзного, комсомольского контроля возникла именно в тридцатые годы. И обязательность рассмотрения органами анонимных заявлений стала важным компонентом этой сталинской системы контроля общества над бюрократией. А уже в 1950-е годы началась деградация. Не помню, в 1956 или 1957 году, Хрущев отменил этот закон: органы перестали рассматривать и реагировать на анонимки. С этого момента в Советском Союзе начала разворачиваться спираль коррупции.

Далее, в архетипе народного царя очень существенным является явственность чуда. Русская душа исторически жаждет чуда, и это чудо произошло: накануне 1941 года явственно произошла консолидация народа, социальная и политическая мобилизация общества. Вот в этот момент были окончательно преодолены последствия гражданской войны.

Теперь по поводу репрессий в контексте этого архетипа. Народный царь должен бороться любыми средствами с внутренними негодяями. Действительно, большая часть репрессированных – это представители советских средних слоев, управленцы, интеллигенция. А отношение народа к интеллигенции, между прочим, тоже было специфическим, тоже отражалось в этом архетипе. Не буду приводить известное высказывание Ленина, но я вам напомню другое, может быть, еще более страшное определение, данное Чеховым: «Русский интеллигент может написать все, что угодно, от доноса до романа». Кстати, наверняка большая часть доносов и анонимок в тридцатые годы была написана не малограмотными рабочими и крестьянами, а именно представителями интеллигенции друг на друга.

И последнее, что тоже отражено в этом архетипе. Люди, которые прошли ужасы первых тридцати лет XX века, имели осознанную или подсознательную потребность любыми способами не допустить деградации базовых общественных устоев, не допустить анархии, хаоса, того, что происходило в период 1918–1920 годов. В этом смысле население, которое прошло через все

эти ужасы, способно было воспринять любую форму тоталитаризма, чтобы не допустить нового системного кризиса. Я убежден, что этот архетип по-прежнему существует, просто мы еще не дошли до дна, до какого-то разлома, чтобы он проявился. Ведь архетипы выходят на поверхность тогда, когда все остальное в национальном сознании уже смыто ходом времени. Но появление всякого рода концепций – православный сталинизм, коммунистический, патриотический и пр. – симптом того, что крот истории свое дело делает.

Конечно, ситуация радикально сейчас поменялась. Сталин как воплощенный в тридцатых годах русский архетип сегодня невозможен ни теоретически, ни практически. Самое главное, для этого нет никаких интеллектуальных условий. У нас никто не знает, в каком состоянии находится наше общество, что происходит в его глубинах. Но архетип потенциально по-прежнему существует, тот архетип, который позволил Сталину сделать то, что он сделал.

А.Ципко. Я не буду спорить с изложенной концепцией, она стройная, но, на мой взгляд, она верна только в одном смысле, и это соответствует исторической истине: Сталин учел абсолютно всю психологию русского народа, и, кстати, все его слабые стороны, и очень хорошо их эксплуатировал. И, кстати, есть классическая русская философская литература, где очень хорошо показано, почему победили большевики – абсолютно по тем же самым причинам: соблазн передела, легкое отношение к морали, доверчивость, с одной стороны, с другой – моноцентризм, вера в чудо, в простые решения. Единственно, мне, как человеку, которому было уже 12 лет, когда умер Сталин, кажутся очень сомнительными эти разговоры о коррупции. В рамках созданной системы это по природе не могло принять сколько-нибудь значимого размаха, потому что, во-первых, не существовало частной собственности, во-вторых, потому, что существовала развитая система доносительства. По-моему, мы опять сталкиваемся с ситуацией, когда прошлое мыслит в категориях совсем другой, новой эпохи, реминисценции современной эпохи. Конечно, система всеобщего доносительства... Ведь, на самом деле, что рассказал Шамиль? То, что Сталин – гениальный человек, а ведь он превратил всю страну в громадный концлагерь.

По поводу создания Сталиным к 1940 году новой консолидированной нации. На самом деле факты говорят о другом. В тех районах страны, где население в массе пострадало от сталинских репрессий, гитлеровскую армию, всем известно, встречали с цветами, и толпы валили в услужение новым хозяевам. В последнее время на Втором телеканале показывают немецкую кинохронику 1941 года. Отсюда, от недовольства и Сталиным, и системой – миллионы солдат, которые в первые две недели войны сдались в плен. В первый месяц войны сдались в плен 3,5 миллиона человек так называемого советского народа, немцы даже не знали, что делать с этими пленными. Воевать начали только тогда, когда сыграл свою роль национальный фактор, когда стала видна угроза истребления российской нации и когда ввели указ 227 «Ни шагу назад», аналогичный тому, который, кстати заметить, ввел Троцкий под Казанью: большевики впервые в истории человечества ввели подобный указ.

Я хочу посмотреть на проблему как философ, а не нормативно. Мы имеем действительно уникальный случай в истории человечества, когда, используя

социальную психологию, создали уникальную систему устрашения и принуждения. Что там было от мобилизации, от энтузиазма, а что от страха, от подсознания – это должно быть глубоко и всесторонне исследовано. Это уже не проблема Сталина, а проблема общества, созданного так, что, с одной стороны, используется национальная психология, а с другой – уникальные технологии репрессий. И что в этой системе от репрессий? Кстати, по поводу гениальности Сталина. Это был поразительно невежественный человек. В решающие минуты подготовки к войне он наделал уйму глупостей. Я уже не говорю о том, что он вырезал генетиков, возвел на вершины власти шамана Лысенко, абсолютно уничтожил все перспективные области, связанные с ракетостроением и т.д. Я хочу сказать, что раз мы говорим о русском народе, то здесь встает страшная проблема: что в этой системе шло действительно от русского народа и от умения Сталина использовать достоинства и слабости народа, и что шло от уникальной, единственной в истории человечества системы, которая в смысле контроля и тотальности не идет ни в какое сравнение с гитлеровским и муссолиниевским режимом.

Ш.Султанов. Я говорил, что после войны ситуация кардинально поменялась...

А.Ципко. И тогда все наши дискуссии о Сталине упираются в более страшный вопрос: могут ли люди, считающие себя русскими, и близкие к ним народы создать эффективную систему без сталинских страшных технологий или не могут?

Ш.Султанов. Я сначала отвечу на вопросы, которые ты задал. Мы должны стараться быть диалектиками: в истории репрессии тоже выполняют разную роль. Есть определенный дуализм в русской душе. С одной стороны, мы говорим, что русский человек – государственник, на этом построен миф и т.д. С другой, есть точка зрения, что русский человек – анархист. Как это противоречие использовал Сталин? Русский человек анархист, когда он сталкивается с произволом чиновничества, когда на русского человека давят, когда его уничтожают, насилуют налогами, разделяют с семьей, сажают. Русский человек – государственник, когда он встроен в единую идеологическую концепцию, когда ясна идеологическая матрица мира, когда соблюдаются ключевые базовые ценности – справедливость, порядок и т.д. Это редко, но было в истории. Если посмотреть на все эти открытые судебные заседания 37 – 38 года – на скамье подсудимых сидели функционеры, представители этой бюрократии, чиновничества, против которых традиционно был настроен русский человек. Поэтому эти репрессии укрепили в значительной части населения государственнический инстинкт.

Что касается военных вопросов. По Рапалльскому мирному договору, по его военной, секретной части, сотрудничество между Германией и Россией началось буквально с осени 1922 года. С 1924 года ответственным с российской стороны за выполнение этого соглашения был назначен Тухачевский. Я хочу обратить внимание на ключевой момент, с которым сталкивались и Сталин, и Иван Грозный, и Петр. Тухачевский был любимцем Сталина. Сталин его рекомендовал, Сталин его поддерживал, Сталин не реагировал на те сигналы, которые шли из армии против Тухачевского. Более того, Сталин планировал в 1939 году, накануне войны, назначить Тухачевского министром обо-

роны. И только потом, когда ему неопровержимо доказали, что с 1926 года Тухачевский был завербован немецкой разведкой и работал на нее, что на самом деле заговор маршалов – это не просто фикция, вот тогда началось то, что называется «репрессиями в армии».

А.Ципко. Я не буду спорить, я не видел документов. Но все равно, перед войной уничтожить 80% командного состава армии... Это же со всех точек зрения безумие!

Ш.Султанов. Но ты сам приводишь факты. Ты говоришь: «В первые месяцы войны сдались 4 миллиона». Но мы же не знаем, вследствие чего сдались эти миллионы! Вследствие этого заговора, чтобы Тухачевского, как планировалось, в декабре сделать военным диктатором России, сместив Сталина? Или это был результат ошибок, которые допустило военное командование?

И последнее. Сталин был злодеем, но умным злодеем. Вплоть до 1947–1948 годов у Сталина была норма – прочитывать 500 страниц в день. Скажите мне, кто из последующих руководителей имел такую норму?

Л.Бызов. Дискуссия меня в чем-то убедила, я услышал разные точки зрения, но мне представляется, что Шамиль вышел, может быть, на нечто главное, что определяет этот миф. Дело в том, что мы бесконечно говорим о репрессиях 1930-х годов, об ошибках в ходе войны. Но верно то, что хуже, чем ситуация гражданской войны, в стране не было никогда. И этого люди боялись больше всего. В 1990-е годы до явной гражданской войны в стране не дошло...

Ш.Султанов. Кое-где дошло, в Таджикистане, к примеру...

Л.Бызов. Да, кое-где была гражданская война, Россию это крылом задело, но, тем не менее, воспринималось это чрезвычайно болезненно, как огромная травма. У нас страх гражданской войны во всех опросах середины 1990-х годов шел на первом месте, люди боялись не голода, не инфляции, боялись гражданской войны, хотя прямо люди с ней не столкнулись, т.е. это травма, идущая откуда-то еще из исторического сознания. При Сталине возник новый феномен единства народа и власти, когда люди идентифицировали себя с властью, а Сталин был неким продолжением их представления о самих себе как едином народе. И я не совсем согласен, что это возникло только во второй половине Великой Отечественной войны, потому что это, скорее, следствие, чем причина, т.е. единство возникло раньше, просто народ перешел в другую форму и это стало носить несколько другую идеологическую окраску. После войны данный русский фактор сплочения стал лидирующей, реальной силой. И вот это чувство потом оказалось утраченным. Александр Сергеевич это отрицает, он говорит, никакого единства не было, оно основывалось только на страхе. Но страх не может всего объяснить, конечно. Был страх, но у огромных масс людей присутствовало и чувство общего дела, общего здания, которое они строят плечом к плечу.

Среди вопросов, заданных Александром Сергеевичем, был вопрос о декоммунизации. Поколение шестидесятников до сих пор продолжает твердить о декоммунизации...

А.Ципко. Наоборот, суть шестидесятничества состояла в вере в возможность гуманного, демократического социализма, в то, что Сталин извратил суть Октября и его идеалы. На самом деле главным препятствием на пути

декоммунизации страны как раз и являются мифы нашей все же социалистической по происхождению интеллигенции.

Л.Бызов. Я бы немного усомнился в искренности этой веры, наблюдая, как наши сторонники гуманного демократического социализма вдруг в считанный момент стали записными антикоммунистами. С чего бы это? Что двигало А.Яковлевым, лидером наших «западников»? И обоймой либеральных публицистов?

Вот наше поколение, следующее за шестидесятниками (наверное, мы – семидесятники), осознает, что вся эта декоммунизация произошла гораздо раньше. Она произошла тогда, когда морально-политическое сталинское единство начало растекаться, начиная с середины 1960-х годов, а особенно в 1970–1980-е годы, которые и стали периодом реальной декоммунизации, а не кампания под названием «декоммунизация», к которой призывали политики либерального направления. Да, продолжали ходить на партсобрания под портретом Леонид Ильича. Но никакого внутреннего содержания за этим не было. Мы, и не только я, но и все мои сверстники, кого помню, были внутренне свободными людьми, несмотря на партбилеты и комсомольские значки, я не помню в своем поколении ни одного убежденного коммуниста. И, соответственно, никого, для кого бы разочарование в коммунизме стало бы значимым переживанием, как для поколения старше нас. Но вот когда пришел Горбачев, а вместе с ним и все эти шестидесятники вылезли в конце 1980-х – начале 1990-х годов с призывами декоммунизации, то они боролись с тенями, которых на самом деле уже и не было. И понятное дело, что обществом это не было воспринято. Ведь то, что называется «декоммунизацией Восточной Европы», на самом деле есть элемент какого-то национально-освободительного движения, т.е. борьбы с совершенно другими вещами, например, с коллобрационизмом, причем очень часто совсем несправедливая, тоже сведение счетов. Для стран Восточной Европы годы советского патронажа – это годы национального унижения, в первую очередь. Для России, для советской истории этот период сталинского единства – совсем не национальное унижение, скорее, время национального подъема, которое в настоящее время не может быть достижимо, несмотря на все ужасные репрессии тех лет.

Вот Шамиль говорил, что над нами властвуют те же архетипы. Существует огромное количество факторов, которые говорят о том, что социально-культурный слой настолько изменился, что, по сути дела, эти архетипы в сегодняшнем обществе не живут, как какая-то мобилизующая сила. Кстати, то же касается и христианства. Увлечение христианством – это некая сублимация того, что мы утратили. Само по себе это нереально и не очень интересно, нас, большинство россиян, это не касается, чему там учил Христос, мало кого интересует, но тем важнее формальные вещи, потому что они выстраивают какую-то цепь, какую-то идентичность, которая сильно разрушена. Это некое замещение, замещение чего-то важного, чего у нас нет и не будет. Поэтому то же самое и с фигурой Сталина, независимо от того, как к нему относятся, много или мало у него сторонников, она, безусловно, в истории является актуальной, потому что это время рождения нового века, нового народа. Все, что было до этого, в массовом сознании актуальность потеряло. Это более важная фигура, чем Ленин, к которому формально относятся лучше, но живо-

го интереса к его фигуре нет. И последующие после Сталина фигуры тоже воспринимаются как последователи Сталина, тот же Брежнев, который сохранил все хорошее, что было при Сталине, и убрал все плохое, что было при Сталине. Такой вот синтез. И пусть Брежнев не великая личность, но брежневское время воспринимается как хороший такой вариант сталинизма. И я думаю, что это еще достаточно долго будет существовать в массовом сознании.

А.Ципко. Все эти разговоры о том, что было какое-то морально-политическое единство, которое рассыпалось со смертью Сталина, являются мифом. Согласен, что было чувство локтя и желание творить общее дело. Но страшная правда состоит в том, что все эти позитивные чувства, сформированные в 1930–1940-е годы, не были системно-образующими. Их все же подпирала и охраняла разветвленная система страха, система флажков, через которые нельзя было переступать. В строгом смысле нельзя называть социальной системой то, что держится на страхе, что не в состоянии воспроизводиться без страха и что без страха в конце концов распадется. Сам тот факт, что после смерти Сталина эта система уже не могла воспроизводиться, что как только свободы стало больше, вера в общее дело поубавилась, о чем говорил сам Леонтий Бызов, говорит о ее изначальной цивилизационной слабости. Был уникальный опыт коммунистической переделки человека. Но новую цивилизацию в точном смысле этого слова нам не удалось создать.

В чем состояла десталинизация? С одной стороны, сохранились преимущества созданной большевиками системы: всеобщее образование, возможность поступления в вузы, социальные гарантии, а с другой – нет страха попасть в тюрьму, если ты, конечно, не антисоветчик. И у тебя появляется твоя частная жизнь, где ты стал хозяином. Что происходило реально? Сохранилась всеобщая организация, дающая социальное обеспечение, и свобода для частного быта. Еще Хрущев разрешил этим несчастным колхозникам часть продукции не сдавать, а продавать на рынках. Частично это была реабилитация нэпа. И, кстати, в чем была ошибка Сталина? Он никогда не думал о стимулировании труда колхозников, все время делал ставку на политическое принуждение. Факты говорят о том, что мы имеем дело с уникальной системой, основанной на гениальном использовании архетипов, но, с другой стороны, система, основанная на страхе, по природе долго не может существовать, ибо она ограничена человеческими возможностями жить при страхе и находить людей, способных осуществлять насилие по отношению к своим. Уже с начала 1970-х годов работники КГБ, которые по должности должны были наблюдать за нашими настроениями, за настроениями сотрудников ИЭМСС АН СССР, учили нас, молодых, что надо знать, что говорить и где говорить, что не надо подставляться, самому лишать себя возможности выехать в командировку за рубеж. Они, работники КГБ, уже не хотели, не могли пачкаться в этой грязи репрессий. И эти настроения говорили о том, что долго эта система не протянет: среди работников этой системы после смерти Сталина падала решимость применять насилие, идти на насилие. Кстати, в период хлебозаготовок у многих политработников не хватало сил, чтобы забрать хлеб у голодного, что означало убить его. И их, совестливых, «вычищали», соответственно, наверху оставались самые подонки.

Есть определенная психология, определенный запрос, есть реальности гражданской войны, есть страх новой гражданской войны, но он может удо-

влетвориться только при помощи изощренных технологий насилия. Но оказывается, что эта структура функциональна и только на короткое время (в конце концов, она сыграла большую роль в победе в Великой Отечественной войне), но она по природе своей недолговечна и непрочна. Она возникает в экстремальных условиях, использует экстремальные условия, специальные механизмы страха, и она рассчитана на определенный тип психологии людей. Советская система распадалась не только потому, что преимущества социализма решили соединить с нэпом, но и потому, что люди, ответственные за сохранение системы, не обладали ни той верой, ни тем цинизмом, которые были возможны в 1930-е годы. Вот, как мне кажется, более правдоподобный образ того, что с нами на самом деле произошло.

В.Петухов. Кроме глобальных, исторических, социокультурных пластов формирования сталинского мифа есть еще конъюнктурные моменты, о которых сегодня мы не говорили и которые связаны со злобой дня. Несколько лет назад у власти возникла потребность борьбы с «оранжевой чумой», «оранжевой заразой». Как это делалось? Вдруг появляется масса фильмов, передач, где доказывается, что в российской истории есть предтеча «оранжевых» – это революционеры-бунтовщики, народовольцы, декабристы, большевики, прежде всего, Ленин и Троцкий. И есть не очень порядочные в моральном смысле люди, но все-таки государственники, строители империи. Это Сталин. Да, Сталину вменяют в вину репрессии, но делается это с объяснением объективных предпосылок, существовавших тогда, каких-то сложностей и т.д.

И вторая реплика. По поводу позитивного прочтения истории. Понятно, что невозможно советскую историю отделить от Сталина. Но мы, как ученые, должны исходить из того, что советский период полностью не тождественен Сталину, до 1929 года была одна история страны, после 1953 года – другая, как и в 1970–1980-е годы и т.д. Я уж не говорю о том, что была какая-то общественная жизнь, грандиозные свершения в области науки и культуры. Поэтому в школьных учебниках должно быть все внятно сказано о сталинских деяниях, но одновременно нужно рассказывать о жизни страны того времени. Если я говорил, что многие люди забывают Сталинградскую битву, то о Челюскине, освоении Севера и т.п. они тем более ничего не знают, они не помнят выдающихся писателей, художников, музыкантов той поры. Да, это тоже можно приписать вождю всех народов: он друг художников, друг спортсменов, кинематографистов. Но все-таки фильмы снимал, открытия делал, в спорте побеждал не Сталин, а другие, совершенно конкретные люди. Рассказывайте о них, и будет у вас позитивная история, будет, чем гордиться – и победой в войне, и космосом, и Гагариным. Просто в 1990-е годы не было такого желания, да и сейчас, боюсь, его нет. Тогда можно найти и адекватное место Сталину, соразмерное его фигуре, но чтобы мы все не сводили исключительно к ней.

Ш.Султанов. Конечно, он не был величайшим гуманистом всех времен и народов, поскольку являлся правоверным марксистом. Но для меня важна в первую очередь технологическая сторона дела. Мало кто верил в 1930-е годы, что Сталин сможет запустить процесс действительного развития в Советском Союзе или противостоять германской машине Гитлера.

Но главное все же вот в чем. Для того, чтобы действительно внедрить правовое сознание, а общество, в первую очередь, признается здоровым, когда

оно обладает неким необходимым уровнем такого правового сознания, не клановым, не корпоративным, а именно правовым, – страх нужен. И такой страх был везде – в Англии, во Франции, в Японии, в Китае, в США. Кстати, существует схема, которая, к сожалению, в Советском Союзе не смогла реализоваться: для того, чтобы заложить базу для спонтанного развития правового сознания, нужно культивировать целенаправленный страх в течение двух поколений.

А.Ципко. Я согласен, социальная жизнь основана на страхе, но надо различать страх, когда у тебя четко прописаны нормы, когда ты знаешь, что ты можешь делать, а чего делать нельзя. А послереволюционное время – крайне неопределенное. Сегодня человека называют верным ленинцем, а завтра – врагом народа. Вместе с изменением линии партии изменяются и представления о добре и зле, сегодня крестьянин – союзник, потому что он «обогащается», а завтра по этой же причине он – враг, кулак и т.д. Тут мы имеем дело не со страхами, которые укрепляют правовое сознание, а с шизофренией социалистического строительства, где могут выжить самые циничные и самые подлые люди. У тебя абсолютно нет той структуры норм, где ты можешь получить четкую установку, что делать надо так, а не иначе. Я согласен, что страх играет громадную роль в становлении правового сознания, но это другого типа страх. И дело даже не в Сталине. Страхи, которые возникают в эпоху революции, в эпоху гражданской войны, – это другие, болезненные страхи.

И последнее. Трудно подводить итог нашей, на мой взгляд, очень честной и плодотворной дискуссии. Лично мне наш «КС» принес большую пользу, заставил меня больше считаться с теми фактами, которые я не хотел воспринимать при оценке сталинской эпохи. Наверное, страх повторения гражданской войны очень содействовал укреплению диктатуры Сталина. Интересна и мысль Шамиля Султанова о старом русском запросе на народного царя. Но все же линия баррикад разделяет даже нас, несмотря на то, что во многих случаях при оценке других явлений мы, участники нашего «КС», выступаем как заединщики. Все-таки война «белых» и «красных» продолжается. И в интеллигентской среде до сих пор прочно убеждение, что консолидировать российскую нацию можно только на основе «красного проекта». Но в любом случае, на мой взгляд, мы своей цели достигли. Нам удалось при всех разногласиях согласиться с тем, что нынешнее оживление интереса к Сталину связано, прежде всего, с особенностями становления нового российского самосознания, новой российской, и не советской и не царской, самоидентификации.

Светлана НИКОЛАЕВА

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Неумение различать институциональные границы светской и духовной юрисдикции отличало в эпоху Средневековья русскую церковь от западной и даже византийской, но не отражалось на благочестии и правоверии русских людей. Искренность и глубина их веры были мало связаны с особенностями церковного управления. Как в обществе христианском, в Московском государстве весь склад и жизнь определялись ритмом и духом православного миросозерцания. Однако материальные условия жизни церкви, прежде всего, состояние духовенства, существенно влияли на возможности воспитательного воздействия церкви, ее активной социальной роли, особенно в эпохи социальных и культурных кризисов. Каким было материальное положение церкви как института в этом обществе?

Как страна небогатая, расположившаяся на гораздо менее плодородных землях, чем европейские христиане, россияне не могли материально содержать большой церкви. Церкви, в которой, например, было бы полностью целибатное духовенство. Именно благодаря целибату приходское духовенство на Западе сумело стать мощной воспитательной силой как благодаря времени, свободному от семьи и материальных забот, так и благодаря нравственному авторитету, с которым не может конкурировать бесцелибатное духовенство. Это одна из причин, почему заложенный в христианстве духовный идеал человека отождествлялся в православии всегда с иноком и вызывал всемерное восхищение монашеством; в то время как белое духовенство, образ жизни которого не сильно отличался от обычного гражданского состояния, далеко не пользовалось таким авторитетом и легко могло становиться предметом выраженного неуважения.

Изначально сложилось так, что церковь в России не получала десятины от населения[1], а жила в соответствии с древним порядком жреческой касты, «питаясь от алтаря», как это было, например, в ветхозаветной церкви. Если же алтарь не давал достаточно средств к существованию, приходским священникам прихо-

[1] Великий князь Владимир Святой положил десятину на Богородичную церковь, другие древнерусские князья нередко давали десятину от своих земель при постройке церквей. Однако очень быстро этот порядок заменило пожалование вотчинных имений на их содержание.

дилось осваивать крестьянское ремесло. Иначе снабжались монастыри и епархиальные власти. По благочестивой традиции, князья и состоятельные верующие издавна отписывали монастырям свои имения. Эти земли поступали в распоряжение на юридическом основании полного распоряжения (дарения или завещания), идентичного тому, на котором основывалась собственность феодальной вотчины. Эти вотчины дарились не так часто, но, в отличие от светских вотчин, они не делились между наследниками, а накапливались с поколениями. На монастырь автоматически возлагались все обязанности вотчинника этих земель: суд на этих территориях и управление ими. С этих земель кормились монастыри и кормили других, собирая обычным образом феодальные повинности с крестьян. Даже несмотря на то, что нестяжатель Вассиан Патрикеев критикует сам характер феодальных отношений с крестьянами как неподобающий иночеству, очевидно, что в монастырях положение крестьян было лучше, чем в других местах, отчего вплоть до закрепощения крестьян не прекращался переток населения на монастырские земли. В этих хозяйствах монах, руководствуясь началом ora et orbi, работает рука об руку с крестьянином. Неудивителен успех этих хозяйств. Монастыри становятся крупными торговцами, дают деньги в рост[1]. Даже предельно критичный М.Покровский констатирует полное превосходство организации монастырского хозяйства над светским: «Первые крупные землевладельцы современного типа, находимые нами в XV–XVI веках, были те же монастыри, первое применение принудительного крестьянского труда, предвосхищавшее будущий расцвет крепостного права, дает нам монастырские имения; первыми крупными торговцами были опять-таки монастыри.... Изучая аграрный кризис XVI века, мы увидим, как богатства и земли плыли в руки церкви и уплывали из рук боярства: борьба против церковного землевладения, а косвенно и вся «нестяжательская» полемика не имеют другого основания, кроме этой конкуренции светского и духовного помещика. Экономическая прогрессивность средневековой церкви вела к тому, что она и в политической области, и у нас, и на Западе, шла впереди светского феодального общества»[2].

По сути, в экономическом отношении церковь усваивала господствующую модель хозяйственных отношений и выступала как рядовой, хотя и крупный, хозяйственный субъект: на уровне епархии и монастыря, собирая феодальные подати со своих имений, на уровне прихода – собирая урожай наравне с крестьянином. Кроме нравственных вопросов, справедливо задаваемых нестяжателями, здесь крылась проблема зыбкости материального положения церкви, которая обнажилась позже. Несовместимость церковного призвания и феодального состояния была слишком очевидной, и эту землю было легче отнять. Когда церковные земли были секуляризированы и превращены в особую категорию государственных земель, как земли «экономические», содержание церкви стало опираться на подати, теперь уже собираемые государ-

[1] Этим, в частности, отмечен Киевско-Печорский монастырь, торговавший с XII в. солью. В московское время крупным поставщиком соли был Соловецкий монастырь. «В Соловках, кроме 270 человек братии, было до 1000 «работных людей» в самом монастыре, как и на промыслах, главным образом, солеваренном. Торговля солью уже тогда была одним из крупнейших зачатков торгового капитализма и составляла почти монополию монастырей в Московской, как и в Киевской, Руси. Соловецкий продавал ежегодно до 130 тыс. пудов соли». *Покровский М.Н.* Русская история. Том 1 // История России. Электронное издание. М., 2005. С. 34650.

[2] *Покровский М.Н.* Русская история. Том 1, S. 237. // История России... С. 34614.

ством, но с тех же земель, получивших название «экономических». Остаток шел на иные государственные нужды. Итог – полная материальная зависимость от государства, возможность которой была заложена еще тогда, когда был определен феодальный принцип обеспечения церкви, принцип, имеющий природу «вознаграждения за службу».

Высоки ли были материальные потребности церкви? Приходское духовенство, имевшее семейный уклад, претендовало на тот же образ жизни, что и обычное сельское и городское население, стремясь хотя бы сколько-нибудь над ним возвыситься. Церковь обслуживал целый штат полупрофессиональных работников: как и в наше время, кроме штата священников, сюда добавлялись дьяки, чтецы, певцы, звонари, хозяйственный персонал. Следует заметить, что храмы в старорусскую эпоху были крупнейшими архитектурными строениями, хотя и редко каменными. Это было единственное учреждение, помимо государственных учреждений, которое требовало больших средств для его постоянного содержания. У церкви всегда толпилась целая армия «приживальщиков»: странников, немощных, юродивых, нищих, которых по обычаю русского милосердия прикармливали прихожане и храм. В монастырях, особенно скитах «нестяжательного», нищенского направления, иноки, прежде всего, пожилые, жили также за счет приношений. Крупные монастыри, наподобие Волоколамского монастыря преп. Иосифа Волоколамского, осуществляли обширную и образцовую по тем временам благотворительную социальную деятельность. Основные расходы, безусловно, падали на хозяйственные нужды, как в обычных крупных хозяйствах: должны были приобретаться орудия труда, семенной фонд и проч.

И в московскую, и в постмосковскую эпохи общим остается одно – освобождение народной массы верующих людей от задачи материального поддержания церкви. Церковь кормит себя сама. Средства прихожан расходовались на милостыню и разовые крупные расходы, например, покупку колокола. Столь же разовым и несущественным служило вмешательство приходской общины. В течение столетий у верующих не формировалось социальной ответственности за церковь, которая содержится в понятии десятины, постоянного налога на содержание церкви. Эта ответственность перекладывается на царя, «ктитора церкви», анонимное государство или на индивидуального верующего, но никогда на церковное общество.

Е.Голубинский подробно обрисовал материальное и нравственное состояние приходского духовенства в эту эпоху. Приходской священник был, по сути, обычным крестьянином. Это ни в коей мере не способствовало укреплению его пастырского авторитета. Яркую картину его быта пастыря дает Иван Посошков (1652–1726) в своей книге «О скудости и богатстве»: «у нас в Руси сельские попы питаются своею работою и ничем они от пахотных мужиков неотличны. Мужик за соху, – и поп за соху, мужик за косу, – и поп за косу, а Церковь Святая и духовная паства остаются в стороне. И от такова их земледелия многие христиане помирают, не токмо не сподобившись приятия Тела Христова, но и покаяния лишаются и умирают яко скот. ... И сие како бы поисправить, не знаю, жалованья государева им нет, от миру подаяния никакого им нет же и чем им питаться, Бог весть»[1].

[1] *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве // Русская философская мысль XI–XVII вв. Электронное издание. М., 2006. С. 870.

Посошков рисует картину невысокого социального положения духовенства, которое, плоть от плоти народа, нередко уличается в пьянстве, брани и иных непотребствах, оскверняющих их сан: «Сельские бо пресвитеры самые люди простые, взрастет он в деревне, деревенские дела и смышляет». Но более всего состояние церкви характеризует необразованность духовенства, которое в своих широких слоях едва ли способно к грамоте, а уж тем более к вопросам пастырства, богословия и духовного просвещения: «А ныне истинно таковых пресвитеров много, что не то чтобы кого от неверия в веру привести, но и того не знают, что значит слово вера, но есть и таковые, что и церковной службы, как правильно отправить, не знают»[1]. В конце XVII века в России все еще не существовало системы образования духовенства и даже требования безусловной грамотности священника. Не служило источником подлинной образованности и черное духовенство. Гораздо более продвинуто в этом смысле было южнорусское духовенство, под влиянием воздействий с Запада и более непосредственного контакта с униатами, влияний Литвы[2]. Однако знакомство с западным богословием не рождало само по себе собственного богословского развития. Еще в течение долгого времени развитие православного богословия заключалось в воспроизведении и усвоении взаимной полемики между католиками и протестантами.

Экономическое состояние отражается на социальном положении служащих церкви. В московскую эпоху духовенство сохраняет черты свободного сословия, более высокого общественного статуса, уважения. Поставление священников опирается на начала выборности, в духовенство могут входить представители других сословий, дети духовенства могут перемещаться в другие сословия. Кандидаты в священники нередко предлагаются самим приходом. Примечательно положение «крестцовых» священников, не привязанных к определенному приходу: они подпитывают свободное богомолье, подвязываются на службу в домовых церквях богатых фамилий. Что касается иерархов церкви, то они в Московскую эпоху, эпоху «государства правды», обладают всеми чертами аристократии, являются неизменными участниками царских приемов и принятия важных общественных решений. Боярский слой, переходящий в иноческое состояние, служит в московском обществе одной из ведущих идейных сил.

Состояние духовного сословия резко ужесточается после реформ XVIII в., когда духовенство принимается «под опеку» государства и все более приобретает черты закрытой касты. В то время как податный гнет населения увеличивается, клирики остаются освобождены от ряда податей, снабжены приходским земельным участком, и это составляет основное экономическое преимущество духовного сословия. Государство дает если не жалованье, о котором грезил Посошков, то гарантированный заработок. Это «упрочение» привилегированного состояния оборачивается суровой платой; начинается борьба духовенства за сохранение своих привилегий. С приходом государственного регулирования практически закрываются «окна» для перехода духовенства в

[1] *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве // Русская философская мысль XI–XVII вв. Электронное издание. М., 2006. С. 856.

[2] Заметный вклад с православным южнорусским просвещением связан с именами князей Острогорского, Крубского, основателя Киевской духовной Академии Петром Могилой, деятелями православных братств в Литве и на Украине.

другие сословия, в том числе дворянства. Хотя духовенство остается свободным сословием, его приход мыслится как «государственная служба» священника; устанавливаются «штаты» приходов, возникает порядок передачи приходов по наследству[1]. Аннулируется статус крестцового (неприписного) духовенства. Приход и привилегии не распространяются на младших, «безработных» детей семьи священства, обрекая их на службу в более низких сословиях или армии. Хуже того, застывает статус низших категорий клириков: потомственными становятся должности дьячков и дьяконов. Находясь на границе с податными сословиями, духовенство само держится за свою сословную замкнутость, свой «паек», чтобы удерживать границу между ним и низшим сословием. Ибо избыток «кадров» в духовном сословии беспощадно переводился государством в податные сословия[2].

При такой «крепости» сложившихся границ между сословиями исчез древнерусский обычай поступления в духовенство и монашество из служилых классов. С ростом свободомыслия верхов и расцветом крепостного права возрастал унизительный взгляд на духовенство «сверху вниз». В XVIII в., с ростом политического отчуждения духовной и светской власти, стремительно возрастает и взаимное культурное отчуждение: сохраняя общественно-представительские функции, духовенство уже смотрится «белой вороной» среди блеска аристократических салонов. Лишь среди иерархов еще можно встретить выходцев дворянских фамилий.

После того как государство перестает руководствоваться идеалом христианского государства, церковь утрачивает свой высший идеологический авторитет и превращается в рядовую «службу», в исполнителя второстепенных общественных функций. А.Карташов описывает крайне неприглядные, убогие формы выживания духовенства в тисках государственной заботы: «Томление в рамках несвободных сословий было длительным подвигом русского духовенства ради создания Великой России»[3]. Красноречивы слова киевского генерал-губернатора Безака в 1866 г.: «Русское духовенство не только изменено в ветхозаветное левитство, но даже более того – оно приведено в такое положение в отношении к прочим сословиям, в какое поставлен был народ израильский в отношении к язычникам и самарянам. Вследствие сословной отчужденности духовенства, общество, наконец, стало относиться даже враждебно к лицам духовного звания, переходившим на службу гражданскую... Отсюда возникло странное явление в христианском обществе. Именно, что дети пастырей христианской церкви, переходя в другие рода общественной службы, вынуждены скрывать от общества свое происхождение, стыдиться звания своих отцов, как будто дети каких-либо преступников»[4].

[1] Сословная замкнутость порождает целое наследственное право передачи приходов, в том числе по женской линии. Архиерейские кафедры, бывало, были подолгу пусты, ожидая, когда повзрослеет наследник усопшего епископа. См. *Карташов А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. – М., 1991. С. 516.

[2] По сокращению состава духовного сословия при «разборе» 1722 г. около 114000 человек, т.е. около трети от всего количества, обрекались на исключение из свободного сословия в податное. «Разборы» повторялись периодически вплоть до царствования Александра I.

[3] *Карташов А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. – М., 1991. С. 516.

[4] Цит. по *Карташов А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. – М., 1991. С. 524.

* * *

Сосуществование Русской православной церкви и российского государства – константа истории русского общества и, вместе с тем, одна из самых драматических ее разделов. Церковь сопровождает российское государство практически с младенческих пеленок, выполняя то роль повивальной бабки при рождении Древнерусского и Московского государств в IX и XV вв., то жертвы государственных репрессий в XVII и XX вв. Не стихают дискуссии при определении церковно-государственных отношений и в современном обществе. В этих дискуссиях общим местом признается существование клерикального государства вплоть до XX века, которое обратилось после революции в свою противоположность, государство атеистическое. При этом, под влиянием светской научной традиции, не предрасположенной к церкви, исследованию реального социально-экономического положения русской церкви уделялось немного внимания[1]. В настоящей статье была сделана попытка осветить несколько важных характеристик социального положения церкви в истории русского общества: материального и нравственного состояния духовенства, бытового отношения к духовенству в миру, экономического состояния церкви как общественного института. Более углубленное исследование предоставило бы еще более фактов для вывода об ущемленном социальном положении церкви в российской истории, чем для обратного представления о выгодах государственно-церковной симфонии.

[1] Обобщающих специальных монографий по теме социального положения церкви в обществе автору не встречалось. Однако достаточно много исследовался вопрос государственно-церковных отношений, в особенности, касательно разных эпох русской истории. См. *Айвазов И.Г.* Православная церковь и высшие государственные управления в России. М., 1912; *Голубинский Е.Е.* О реформе в быте Русской Церкви. М., 1913; *Карташов А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т.1–2, Париж, 1959; *Курочкин П.К.* Социальная позиция русского православия. М., 1969; *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. Санкт-Петербург, 1987; *Мельгунов С.* Церковь и государство в России. М., 1906; *Николин А.* Церковь и государство. М., 1997; Православная церковь в истории России. М., 1991; *Ричка В.М.* Церква в соціально-політичній структурі Киівской Русі. Дисс. канд. филос. наук, Кіев 1998.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

ПРИВАТНОЕ ДОСТОЯНИЕ КАК ЗАЛОГ БЛАГОДЕНСТВИЯ

Беттел Том. Собственность и процветание. Москва. ИРИСЭН. 2008, тираж 2500 экз., 480 с.

Перед нами книга, которая в популярной форме рассказывает об истории частной собственности со времен Древнего Рима и до наших дней. Причем тема рассматривается сразу с двух точек зрения: истории самого института и истории идей. Иначе говоря, размышление о приватном достоянии человека встраивается в более широкий философский контекст. Таким образом, показана фундаментальная роль института частной собственности в общественном развитии.

Но общий замысел работы остался бы, судя по всему, декларативным, если бы автор не раскрыл изнанку данной проблемы. В книге собрана богатая коллекция исторических примеров того, как ослабление данного социального института вело к распаду и увековечению низкого уровня жизни.

Автор анализирует экономическую логику стимулов и демонстрирует пагубность общего пользования ресурсами. Особое внимание уделено взаимосвязям между институтом собственности и состоянием окружающей среды. Отрадно, что затрагиваются также проблемы интеллектуальной собственности, особенно в связи с современным состоянием складывающейся цивилизации.

Собственность Т.Беттел рассматривает как некую линзу, которая позволяет исследовать события, казалось бы, совершенно не связанные друг с другом. Тема книги, по словам автора, буквально извлечена из пыли интеллектуального чулана. Она позволяет раскрыть широкий круг вопросов, в том числе и таких, как процветание империй, упадок Рима, возвышение Великобритании, крах коммунистических экспериментов, голод в Ирландии в XIX веке, экономическую отсталость арабского мира, современную засуху в Калифорнии, распространение пустынь, уничтожение дождевых лесов, исчезновение видов животных.

Книга Т.Беттела носит междисциплинарный характер. Она опирается на право, экономику, историю, политическую и моральную философию, социологию и психологию. Причем автор подчеркивает, что ключевую роль в изменении самого понимания политической экономии сыграли К.Маркс и Ф.Энгельс. Гипотеза, которая объясняет смысл книги, может быть изложена примерно следующими словами автора: *«Экономика и цивилизация процветают, когда собственность приватизирована и господствует принцип верховенства права, в том числе и сами правители подчиняются одним и тем же законам. Из всех возможных конфигураций собственности только частная собственность может давать этот желательный эффект»* (с.13).

Правда, к сожалению, только в одном вопросе автор остановился там, где и К.Маркс. В книге нет рассуждений о человеческой природе. Иначе говоря, не рассмотрен вопрос, а кем, на самом деле, является человек – коллективистом или индивидуалистом? Вот, например, глава «Новый человек». В ней сказано о том, что Роберт Оуэн разбогател в обществе частной собственности и разорился на попытках создать общество без собственности. Отметим, что именно в те же годы начинает складываться философская антропология, которая притязает на то, чтобы раскрыть особенности человеческой природы. Но об этом у автора ни слова. Обратимся к главе «Советский эксперимент». *«К концу XIX в.,* – пишет автор, – *многим социалистам было известно о проблеме, которая губила коммуны. Поэтому они начали размышлять о жизни, организованной совсем иначе – контролируемой из центра. Производство, а точнее говоря – повседневный труд каждого члена общества, должен определяться общим планом. Иждивенчество станет невозможным, потому что будет запрещено. Моральные слабости, разрушавшие коммуны, будут излечены с помощью силы»* (с.189).

Глава, безусловно, доказательная. Однако Т.Беттел совершенно упускает из виду массу неэкономических вопросов. Можно, разумеется, критиковать плановость экономики. Но ведь надо что-то сказать и о психологии человека. В.И.Ленин, председатель Совнаркома, на другой день после революции с ужасом обнаруживает, что никто не хочет работать на «дальнего». Открывается неожиданная антропологическая данность. Ленин приходит к выводу, что нужно менять не только хозяйственную деятельность. Надо создавать человека нового типа. Автор пишет: *«В работах Ленина трудно найти подтверждение его веры в нового человека. Но нет уверенности и в том, что он был свободен от этой иллюзии»* (с. 202).

Однако не только Ленин, но и другие политические деятели на самом деле мечтали о том, чтобы «улучшить человека». А при Хрущеве миф о новом советском человеке расцвел по-настоящему. Крах разных теоретических гипотез поставил вопрос примерно так: какой из аспектов человеческой природы оказался неподатливым, что его не согнул даже ГУЛАГ? Но размышлений на эту тему у автора нет. Он остается в русле чисто экономических аргументов. *«В таких странах, как США, общество обычно работает хорошо, потому что люди, глядящие на мир каждый под своим углом, каждый со своими разными и неравными талантами и интересами, могут использовать свой разум – самый важный аспект того, что называют «природой человека»* (с. 207).

Но разве философские антропологи рассматривают человеческую природу только под углом рациональности? В философском постижении человека наибольшую ценность приобретают именно психологические аспекты, та самая загадочность человеческой натуры, которая подчас заставляет человека действовать, вопреки своей выгоде, нелогично и непредсказуемо.

Да, действительно экономическая теория медленно, окольным путем совершала разворот к своим неотъемлемым основам – к собственности. Но при этом обнаруживалось, что многие вроде бы хорошо продуманные законы вызывают неожиданные последствия. Казалось, что для разрешения проблем, возникающих между владельцами собственности, не нужно вмешательства государства. Стороны сами в состоянии договориться о решении. Однако, к сожалению, так происходит далеко не всегда.

Эльвира Спирова

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 гг.). М., 2008

В конце 2008 года коллективом авторов – сотрудников Института стратегических оценок и анализа был издан обобщающий труд, посвященный рассмотрению современных проблем развития стран Южного Кавказа, одного из неспокойных регионов Европы и мира. Актуальность, научную и политическую значимость избранной авторами темы, пожалуй, трудно переоценить. Как справедливо отмечают сами авторы, Кавказ – это уникальный по своим геополитическим параметрам мост, связывающий Север и Юг, ислам и христианство, и в то же время – кратчайший путь из Азии в Европу, из России на Средний Восток и к Индийскому океану. Еще в древности по предгорьям Южного и Северного Кавказа был проложен караванный путь из Китая на Ближний Восток, в Южную и Центральную Европу, получивший название Великого шелкового пути. Сегодня, но уже на новой технологической основе, предпринимаются попытки его воссоздания.

Уникальность региона предопределяет и возрастание его геополитической роли как одного из эпицентров мировой экономики и политики. Будучи основой Черноморско-Каспийского региона, Южный Кавказ уже в конце XX века стал одним из важных альтернативных центров добычи и транспортировки энергоресурсов – нефти и газа. Стремление США, стран Западной Европы, а в последнее время и Китая, утвердиться на перспективных энергетических рынках подчас приобретает характер неприкрытого вторжения в геостратегическую зону, которую Россия рассматривает как сферу своей безопасности. Неизменными «игроками» на этом пространстве остаются также и региональные державы – Турция и Иран.

Сказанное подтверждает несомненную значимость детальной разработки внешних и внутренних проблем государств Южного Кавказа, характера их отношений с Россией, странами Запада и Востока, что на современном этапе крайне необходимо для поиска новых стратегических решений на этом важнейшем для России направлении. Поэтому можно только приветствовать попытку авторского коллектива рассмотреть и проанализировать весь этот сложнейший комплекс проблем с использованием доступного круга источников и немногочисленных российских публикаций по проблематике Южного Кавказа.

Структура книги позволяет читателю получить необходимые сведения по каждому из основных измерений экономики, политики и безопасности государств Южного Кавказа. Значительный интерес представляют разделы, посвященные характеристике устремлений и целей ведущих игроков на геополитическом пространстве региона. Оценивая роль России, которая на протяжении нескольких веков была связана с народами Южного Кавказа экономическими,

культурными и гуманитарными узами, а сегодня ведет борьбу за сохранение своего влияния, авторы справедливо отмечают, что у Москвы как не было, так и нет цельной, просчитанной на длительную перспективу политики на этом направлении (с. 31). Между тем, это действительно необходимо в условиях, когда приходится конкурировать за влияние с другими державами и центрами силы, действующими все более активно и имеющими в регионе четкие цели.

В этой связи авторы уделяют особое внимание политике Соединенных Штатов, влияние которых на Южном Кавказе «растет заметно сильнее российского» (с.34). Главные из целей и задач США – обеспечение диверсификации поставок нефти в обход России и создание надежного военно-стратегического плацдарма и оперативной инфраструктуры, которая может быть использована в любых операциях, которые США и их союзники по НАТО смогли бы проводить в близлежащих к Южному Кавказу районах.

Что же касается Евросоюза, то авторы указывают на несколько иной характер его политики: в отличие от США и НАТО, ЕС работает, скорее, не в военно-политической, а в социально-экономической сфере, держа в поле зрения обеспечение стабильности в регионе, а также уважение европейских стандартов в области прав человека и демократических свобод (с. 44). Нельзя, однако, не указать на некоторые разночтения в оценке взаимоотношений США и ЕС в различных разделах книги. Так, более подробно анализируя практические связи Евросоюза с государствами Южного Кавказа, авторы приводят факты о его достаточно самостоятельной политике (с. 143), давая же общую оценку, они не удерживаются от штампов: Европейский Союз в целом следует «в фарватере кавказской политики Вашингтона», хотя и имеет в регионе свои интересы (с. 7).

Российский читатель с наибольшим интересом ознакомится с разделами и оценками, которые имеют отношение к политике России и ее взаимоотношениям в регионе Южного Кавказа с западными государствами и их союзами.

Обращаясь к отношениям России со странами СНГ, авторы справедливо подчеркивают, что сегодня у России союзников, в полном смысле этого слова, нет. Война в Южной Осетии показала это достаточно ясно. Государства СНГ вынуждены лавировать между Москвой, Вашингтоном и Брюсселем, а страны Центральной Азии – еще и Пекином. Осуждать их за это нельзя, но и сильно рассчитывать на их серьезную поддержку не стоит (с.15). Политическая динамика последних лет свидетельствует, таким образом, о снижении роли Российской Федерации не только в глобальных мировых процессах, но и в региональных, касающихся ближайших соседей по СНГ, в особенности, в региональной конкуренции по энергетическим вопросам.

Тем не менее, в книге приводится целый ряд фактов, свидетельствующих о более активных шагах России в энергетической политике на южном направлении. Подписание ряда соглашений («Голубой поток», «Южный поток», Прикаспийский газопровод), о задачах и возможностях реализации которых достаточно подробно рассказывают авторы (с. 100–118). И, несмотря на очевидные перспективы усиления конкурентной борьбы в южно-кавказском регионе, особенно после российско-украинского «газового конфликта», приведенные в книге данные говорят о том, что у России все же остаются возможности сохранить свою роль. Но для этого необходимо понимание того факта, что российские интересы и впредь будут входить в противоречие с интересами правящих элит государств Южного Кавказа, поэтому необходим поиск компромиссных решений и путей сотрудничества с каждым из них.

Наконец, авторы прямо указывают на опасный уровень конфронтации в регионе России и Соединенных Штатов, позиции которых настолько разнятся, что «требуют немедленного разрешения либо силовым путем, либо в форме интенсивного сотрудничества двух сторон» (с. 146). На наш взгляд, силовой путь по многим причинам категорически неприемлем, что же касается постепенного налаживания сотрудничества, то приход к руководству новой американской администрации может предоставить для этого определенные возможности.

Особый интерес представляет раздел книги, посвященный региональным конфликтам. Здесь сразу же следует отметить неравноценность материалов о конфликтах на территориях Азербайджана и Грузии. В материале о Грузии говорится почему-то о «конфликте в Абхазии и Южной Осетии», тогда как каждый из этих конфликтов имеет свою специфику. Суть их возникновения авторами не раскрыта, изложение событий после 2003 года достаточно поверхностно, а события «пятидневной войны» 2008 года представлены в жанре не самой высокой публицистики.

Что же касается раздела об армяно-азербайджанском конфликте вокруг Нагорного Карабаха, то он написан с глубоким знанием проблемы, основан преимущественно на первоисточниках, и читатель найдет в нем ответы на многие до сих пор остававшиеся в тени вопросы. Безусловный интерес представляют включенные в текст фрагменты воспоминаний непосредственных участников событий и их оценки, подтвержденные авторами современных изданий. В частности, хотелось бы отметить свидетельство тогдашнего азербайджанского политика, а ныне одного из авторов книги о Южном Кавказе В.А.Гусейнова о трагедии февраля 1988 года в Сумгаите (с. 323–324). Характерно, что изъятые союзными властями материалы следствия по этим событиям стали практически недоступными, а ведь они могли бы пролить свет на истоки до сих пор не преодоленного армяно-азербайджанского конфликта.

Авторы подробно и аргументированно рассматривают эволюцию конфликта, взяв за точку его «официального» отсчета февраль 1988 года, когда было принято ходатайство Нагорно-Карабахского областного совета о передаче НКАО в состав Армянской ССР. Значительный интерес представляют данные о боевых операциях на территории Азербайджана, в ходе которых части пока еще не сформированной армии Армении были поддержаны российскими воинскими подразделениями, а мирное население НКР понесло тяжелые потери.

В целом же приведенные в этом разделе факты подтверждают утверждения ряда российских исследователей о том, что большинство из постсоветских конфликтов хотя и считаются «межэтническими», на самом деле имеют очевидную политическую первооснову. Представляется также важным сопоставить выдвигавшиеся в ходе конфликтов требования с утвердившимися после Второй мировой войны нормами международного права, имея, в частности, в виду включенный в Устав ООН «принцип (а не право!) самоопределения народов».

Рецензируемая книга, несомненно, привлечет к себе интерес читательской аудитории, слишком уж важны и злободневны рассматриваемые в ней сюжеты. Хотелось бы пожелать авторам продолжить работу по избранной ими теме, и, в случае подготовки второго издания книги, провести ее более четкое структурирование и устранить встречающиеся повторы, смысловые и стилистические погрешности.

Алла Языкова

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseinov

1. Financial and the economic crisis which begun in the USA and has instantly extended for the whole world, threatens to address global system crisis. Its influence and on a political climate of a planet is doubtless. And, nevertheless, political and military components of global crisis remain as though aside, all attention of «mighty of this world» is concentrated to the finance and economy. The initiative of Russian president D.Medvedev about working out of the new contract on the European safety, put forward by it at OSCE summit in June and concretised in Eviane in October, 2008 while, unfortunately, does not find serious support.

2. It is necessary to reflect seriously on a place of Russia in a new world order developing today, Transpacific relations, and about our strategic line on long-term prospect can become the main bearing which support. Whether the role of «a weak link», clamped between western and east transoceanic communities threatens Russia?

PRESSING TOPIC

Valery Paulman (Estonia). **THE LESSONS OF THE CRISIS**

1. The distinctive feature of the emerging crisis is the acknowledgement of the Marxism common truth on objective regularity of socialization of the capitalist economy, though, nowadays, not just within the boundaries of certain national economies, but globally as well. Manifestations of this are seen practically in all the countries involved to some extent into the world economic crisis, where the policy of the state proactive intervention into the private business sector is being followed. It could not be otherwise, for the capital is the collective product created by the work of all society, rather than the result of individual entrepreneurs' amateur performance. The capitalist reproduction is a dynamical system and its working capacities are directly depended upon state regulation.

2. In the world economy, it is marked the steady tendency of increasing China's influence and, simultaneously, declining that of the USA. China shows high rates of growth of the national economy under the conditions of crisis and difficulties with exporting its goods. The Chinese leadership has timely worked our measures to counteract the crisis negative impact on the economy of the country. In particular, the Peoples Republic of China Chairman, Hu Tszintao, has called all the authorities to the needy implementation of the program of intensification of the domestic consumption, activization of monetary policy, the further reforming the model of economic development.

3. The time for some cardinal changes has not ripened yet, unfortunately. The world is still under the dominance of the OECD states, or the so-called 'gold billion', that save no efforts to defend the interests of the capitalist system of management. And although the objective prerequisites for formation change have already quite ripened in many countries, the level of individual and collective consciousness, as well as the morals, the political organization of the masse, unfortunately, are not favorable to raise the peoples willingness to act resolutely. Still, there can be no doubt, that the current crisis will make many people to see scandalous practices being done on our planet, that being its positive role. It is not vainly said, that every cloud has a silver lining! That is the dialectics of historical process.

Alexander Tsipko. ABOUT THE NATURE AND THE SPIRITUAL BASES OF CAPITALISM

1. The ideology of the state in crisis, obviously, ought to radically differ from the ideology and ideological work of the state in normal circumstances. PR-activity had chance to substitute the real policy only under the conditions of endless outside dollar injections into the economy. Now, there has to be the policy of truth, the dialogue with the people about hardships, their possible consequences and the ways of their overcoming. Now, the leaders of the country ought to more and more often visit the areas stricken by the crisis, to be closer to the common man.

2. The populace trust to the people in power might be preserved, only if the society would be aware, that the crisis troubles and hardships were being equally allocated throughout all the strata of the population, that the rich had something to lose, something to waive, too. To preserve the populace trust to the authorities, it has to be done what these authorities, by various reasons, paid less attention to before – to more actively fight the drug addiction, the children homelessness, the crime, and, finally, the corruption.

3. The current crisis, with the properly checked work done by the ideological machinery and our mass media, may facilitate a healthier moral and psychological environment in Russia. One cannot help seeing that the high-oil-prices-epoch freebie had corrupted not just the business estate, the officialdom, but Russia's whole population as well. In Russia, lately, the manual labor has been fully depreciated, and, uppermost, the labor in the real sector of economy.

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukraine). EUROPE'S FATAL BOUNDARIES

1. Europe's future is to be envisaged as some bipolar pattern for the European Continent, as an inter-civilization dialogue between West-European and East-European traditions. Charles de Gaulle's famous formula of 'Europe – from Atlantic to the Urals' is to be transformed into the Greater Bipolar Europe project, the alliance between Russia and the true continental Europe, supplementing each other. These principles are expedient to build the Council of Europe activity upon. The East-European countries, being the Council of Europe member-states, are to uphold their own civilization identity rights.

2. The foundation of the all-European security cannot be built on the basis of NATO under the US leadership. The Western Europe has to get rid of its role of the American vassal at the Continent, while Russia has to give up its totalitarian way of thinking. The geopolitical Berlin – Paris – Moscow – Rome axis serves as an important basis for all-European security. Within the Continent's economic space, it is expedient to create the European Union – East-European community geo-economical axis, with a Strasbourg of its own. Nowadays, the creation of the 'East-European Union' finds some supporters in the European Parliament, as well.

3. In Europe, the critical fatal boundary has run between the new EU member-states' desire to live beyond their means in hope for the «proper» elder brother and the nature of the Western expansion, where the economic killing plays a major role. The international financial institutions, where the Americans and Europeans play the leading part, are willing enough to

give credits that, as a result of bankruptcy, have to be paid off in kind – with material and other resources. Russia was the first country of the former Socialist Camp to sober itself up from the thoughtless yearning for the West's rich «paunch». What is left to be done is to rationally dispose of our own riches and ignite the creative human energy.

Tyberio Graciani (Italy). LATIN AMERICA AND EURASIA: THE CENTERS OF THE NEW MULTI-POLAR WORLD

1. The venturesome US policy in Georgia, the deep both financial and economic crisis that staggered the whole Western world, have definitively revealed inability of the United States to control the modern history course. The models of contemporary world order based on contraposition – the East-the West; the North-the South, the Center-the Fringe – do not seem working any more for the geopolitical scenarios of the future. The multi-polar approach towards alliances and conflicts between the world scene actors allows us to geographically point out the Latin America and Eurasia as the major centers of the new world order.

2. It has to be noticed, however, that the decline of the unipolar world under the US aegis is by no means an evidence of the end of the Washington hegemony, its presence, including the military one, is being kept at the vast territory of our planet. The new geopolitical forces will have to confront this, now diminishing, hegemony, for years. Compared to the past, such hegemony, it should be specially stressed, is, perhaps, even more dangerous to the international stability precisely because of its unsteadiness and vulnerability. That is why, to maintain it Washington and the Pentagon have to hardly keep the balance, as the Georgian conflict has so evidently shown.

3. To confront the USA, or, in other words, to find reasonable and weighed decisions that would decrease the risk of troubleshooting on the planet without some new turmoil China and Russia have to proceed from the assumption that the ex-superpower, though being the 'confused nation', today, is still the geopolitical unit of the continental scale, the master of its own coastal territories. With its Navy and Marine Fleets still going strong, this nation is still everywhere-ever-present actor, whenever 'the game of chess' is going to be played on the planet.

FOREIGN AFFEARS

Sergey Lounev. THE REGION OF GREATER EAST ASIA AND INDIA'S POLICY

1. Practically lacking the economic inter-augmentability and juxtaposition of economic interests prevent India from active participation in all-Asian integration. Moreover, the Republic tends to restricting the outer ties of those countries for which it has real levers of pressure. Under these conditions, in the foreseeable future, India, while continuing to develop economic interrelations, would give special value to cultural-civilization, military-political, and, primarily, political relations. The Asian giant's prospects are good enough, in view of increasingly more countries in the region are coming to positively perceive India.

2. In general, the East Asia becomes India's more important political and economic partner. The Republic's economic ties with the states in the region are being actively strengthened, though still are at rather a low level. Thus, India – Japan economic relations are, in main, of political character, rather than have any real economic background. This is much to do with the India's marked focus on the domestic market that predetermines certain economic isolation of the country. The Asian giant has no developed complimentary interdependence with the neighbor-states.

3. In general, it is China that is to play a key role in building up the Greater East Asia. At that, the policy followed by the USA and Japan would have the proportional impact to the effect of transforming the macro-region. At present, Russia's positions are not strong enough (mainly, due to lack of understanding the priority ranking of developing ties with Asia), though it has rather high potential, and its Far Eastern and East-Siberian economic regions have already been integrated into Asia, their economic ties with Asia are closer than those

with the European Russia. As far as India concerns, it might well become the second big actor in the Greater East Asia in the long run.

Eberhard Schneider (Germany). REGIONS IN THE EUROPEAN UNION

1. The European Union expansion of the last four years, has stimulated tendencies already existed before: towards regionalization, towards strengthening the principle of subsidiary, and towards activating the special policy of neighborhood. Strengthening of these tendencies should be viewed as the reaction to formation of increasingly more bulky and less transparent association.

2. There are two financial instruments the European Union uses to develop the member-states regions. Both are being used within the frameworks of implementing the Lisbon Strategy approved at the Summit of European heads of states and governments in March 2000, in Portugal's capital. The strategy points out to transforming the European Union into the most competitive and dynamically developing on the basis of economy of knowledge region in the world, in ten-year-period of time, i.e. up by 2010. Based on this strategy, the EU is planning «-within the frameworks of solving the global problem of maintaining the steady development, to become the etalon of economic, social, and ecological progress for the whole world.»

3. The European Union is the association unprecedented in history, with the population of 500 million, founded according to the principle of «unity in variety». Despite of all the complexity and length of the coordinating positions procedures, the 27 states, among which there are no commanding ones due to their sizes or influence, nevertheless, have been able to come to common solutions, quite often based on consensus. Various interests of the certain countries are being taken into consideration. Still, they know, that no state can be in opposition to all the rest for a long time, thus damaging the Union's legal capacity. Various forms of regional cooperation show, that the European Union is not a unitary community.

Eldar Kasayev. «THE KURDISH CHALLENGE»: THE INTERNATIONAL LAW SOLUTIONS

1. As it seemed, there would have been no use to discuss establishing some sovereign Kurdish state, when the situation in the Near and Middle East region has been really so strained. Still, we are informed, «the Kurds are planning to make the world community grant them the status of the subject of confederation in all the four countries of their compact residing, thus putting claim for the territory of about 500 thousand sq. km». This, one suggests, might have been possible just under the conditions of the general reformatting the political map of the areal, changing constitutions and state structure of the above mentioned countries.

2. «The Kurdish question», obviously, might have been solved more satisfactorily with terminating the socio-political discrimination of the Kurds and granting them the opportunities to develop their national culture. It is not excluded also their gaining the rights and authorities for an autonomy within the frameworks of the federal, confederative or weakly-bound state structure of the soft confederation type.

3. In various periods of history, «the Kurdish trump card» has been expertly played by many influential world «players» – the Great Britain, the Nazi Germany, the Soviet Union. While the representatives of the Kurdish ethnos themselves played rather insignificant and, by large, the dependent and subordinated role in many political and geopolitical processes in the Near and Middle East.

Ian Anthony (United Kingdom). THE NATO'S 60-TH ANNIVERSARY. PROBLEMS AND PROSPECTS

1. During cold war the strategic concept of the NATO represented the document limited on the subjects focused on military aspects of planning, the organization and expansion of armies. The plan of times of cold war answered necessity of carrying out of fast military operations

in reply to aggression as prospective scenarios of development of conflicts did not leave time for an estimation of variants and revision of strategy. After 1990 the document has turned to (as it then named) the declaration on the primary goals of an alliance.

2. President Obama would like, that by the NATO was easier entered in partnership frameworks. In this case the NATO should aspire co-operate more effectively with any partner (including the states, the international organizations and not state structures) which can promote success of peace-making operations within the limits of the universal approach uniting military tools with political and economic resources. The only thing that can prevent realization of this tendency, is a strengthening of fears that one or several allies on the NATO can face considerable growth of threat of their territorial integrity, political independence and safety.

Andrew Monaghan (Great Britain). Energy Security: NATO's Limited, Complementary Role

1. The alliance is evolving: it is a comprehensive security provider that must consider a range of threats to its member states. These threats, which include energy security, are widely accepted as threats by both the international and national policy making and academic communities – yet there is a reluctance among many to accept a role for NATO in addressing them.

2. The proposed agenda for a NATO role in energy security is widely misunderstood and subject to considerable speculation, almost entirely negative. Too often, such a role is oversimplified and understood to be an either/or response – either the EU or NATO should deal with energy security. Too often NATO involvement is considered a simple military response – «boots on the ground». And too often such speculation, driven by uncertainty about the alliance's actual intentions, is exacerbated by an advanced but unrealistic agenda. Yes, it is important to have a strategic horizon, even a provocation to discuss, but such an agenda should not wholly overshadow the nature of the current agenda. Such signals are all important, given that they create the international context in which the alliance works.

3. The alliance has encountered the same difficulties as other organizations, national and international, in discussing energy security. In defining its role in energy security, the alliance faces two parallel debates centering on the definition of the term «disruption». For NATO, given the nature of its enlarged composition and consensus nature of its decision-making – and thus the definition of its role, this is key. Understanding the different definitions of the word is central to grasping both the two roots of energy discussions in NATO and the difficulties of achieving consensus on a NATO role; it is central to understanding the tension between whether the alliance seeks a wider thematic and constructive role or the more focused, regional, and potentially confrontational role.

Yelena Ostrovskaya. THE TIBETAN BUDDHISM TRANSNATIONAL NETWORK: MANAGEMENT OF THE RELIGIOUS CONFLICT

1. In view of the March-April 2008 mass religious disturbances in the Tibet Autonomous Region (TAR), China, and the instant global political response to these events, the Tibetan problem seems to assume absolutely new format. The Tibetan Diaspora made up by the Buddhist enclaves trough-out the world has distinctly proved to be a giant transnational network in communicative managing political and geo-strategic activities that involved the governments of many countries, the Buddhist ethnic and convertite (multicultural, polyethnic) nongovernmental civil organizations (NGO).

2. In the ideological and political segments of the global discourse on the nation-states, diasporas, ethnic and religious minorities, civil society and democracy, 'the Tibetan problem' is presented biasedly and one-sidedly: unsubstantiated claims are being given the status of actual facts, while the data of scientific researches and expert assessments are ignored. In the focus of communicative management, there are just those realities of 'the Tibetan problem' which can be used in realization of specific political and geopolitical decisions. The true mea-

ning of 'the Tibetan problem' reveals itself only within frame of reference of the Tibetan Buddhism transnational communicative network.

3. The Russian deployment of 'the Tibetan problem' is the prospect of the nearest future, and it will be realized by no means at the discursive level of global publicity. It is a long time ago, when in the Buddhist regions of the CIS have ripened distinct preconditions of the conflict inside of the ethnic religious environment which is being torn apart by rigid opposition between the 'Traditionalists' and the Buddhist organizations, positioning their ideological solidarity with the Tibetan Buddhism transnational network. The conflict parameters needed to successfully use the technologies of communicative management, has already settled. The Buddhist solidarity of the network turns Buryatiya, Kalmykia and Tuva away from national projects of the Russian state.

Yelena Komleva. THE SOCIONUCLEAR ANTHROPIC PRINCIPLE AND GEONUCLEAR POLICY

These are no easy tasks to make sense of the phenomenon of nuclear energy and to manage the nuclear sphere. Discoveries in the nuclear physics were followed by their first realization in the shortest time imaginable. Those historical moments signified the mankind's entering a new era, the need of new world outlooks, new patterns of decision-making and their implementation. What innovations are to be, if coupled with the longevity of the nuclear reality and its global meaning to the civilization? Earlier, I did separate assessments of instances of religious and civil components of sense-making applied to the Nuclear Being: the thought struck, the integral opinion is needed.

2. The socionuclear anthropic principle is pragmatically focused and integrates Man's reason, belief and creativity for co-reflecting and refining the Nuclear Phenomenon to make Man and Nuclear Phenomenon in its social aspect inter-adequate; to most fully realize the nuclear energy function of the expanded deterring negative trends in politics (the ideas of using the weapons of mass destruction) and economy (energy deficit); to survive in the nuclear world and live in it – long, safely and comfortably. There is no way to expect quick practical return from 'introducing' such a socio-cultural basis.

3. The best place and means of developing and implementing the ideas of humanization and liberalization of the nuclear sphere (meaning, primarily, the science and politics to generate and promote the knowledge) might become the United Nations Organization. In particular, the United Nations University (UNU). Within the UN structure, the IAEA is the University's partner. In 2005, the UNU held the Science and Technology In the Society Forum, that, being a historical association of nations, stated that to keep the future balanced it is necessary to develop the nuclear synthesis technologies.

Inna Shumilina. THE OBAMA-MANIA AND HOLLYWOOD «The New Media-Usage» of the New US President

1. In America, the pre-election race (and beyond) had had enough time to form up some public phenomenon – a certain socio-psychological type of 'Obama-maniacs'. The Obama-mania had swept through the Leftist-minded university campuses, the quarters housed by Afro-Americans and poorer expatriates from all over the world, and the Hollywood Hills, too. The level of 'adoration' of the Illinois Senator sky-rocketed unprecedentedly high, and even prior to the elections manifested itself in banal increase of the common demand for the goods labeled with the names consonant to the Candidate's name ('Alabama', 'Maxibama'), as well as in the mass media craze.

2. On the eve of the elections, the ultimate seizure of information space by the Democratic election staff was marked with simultaneous release by seven national channels («CBS», «NBS», «FoxNews», «MSNBC», «TVOne», «BET», «Univision»), at the prime time, of the 30-minute advertising film canvass for Obama. The film 'cut out' according to all the canons of ad-clip, provided the voters with no new information – it just elaborated the Candidate's position

on various issues, pinpointed some 'trigger areas of America' and proclaimed Obama's intentions to remedy them, all that against the background of short interviews with well-known politicians and businessmen who gave their support to the Candidate.

3. It is precisely Obama's ability to easily fit in this scheme of 'new media-usage' that might resulted in his triumph. One thing is clear: the successfully implemented piece of political advertizing has proved to become a good service rendered by Barack Obama's PR-team. Employing the scheme of the massive influence on voters had been thoroughly and adequately calculated – from the creative strategy of the Candidate's primary image based on adequately allocated the voters' expectations and requirements, to 'image-making of the Leader' – «same one, as they all», but «politically pure», with no strings attached to the unpopular Bush family. Obama had appeared on the scene with the halo of the representative of the common American people around him, promising the waited for changes. The problem now is, whether the new President and his team would be able to successfully address the uneasy realities both in the politics and economy? The virtuality and media-usage is one thing, but the specific reality is quite another.

NATIONAL SECURITY

Vasily Belozyerov. THE CIVIL SOCIETY AND RUSSIA'S SECURITY AND DEFENSE POLICY-MAKING

1. The five-day Georgia – South Ossetia conflict, information leaks concerning the Russian Army make-up again have cast light on the urgent need to work out a clear-cut concept of the country's security and defense understandable enough for the common citizens. It is not by mere chance that the above dramatic events draw attention of Russia's Public Chamber that is to aggregate and articulate the interests of the civil society before the governmental institutions.

2. To make the National Security Concept and the Military Doctrine true guiding means for action, they are need to be introduced in form of federal legal acts, obligatory to fulfillment. At least, working out doctrinal documents should exclude the chance to repeat something similar to the 1995 incident, when the Constitutional Court decided that the Russian Federation Military Doctrine Basics and the text of the Decree by which they had been approved 'included no injunctions corresponding to the norm'. There seems to be a need to make up the solid hierarchical system of doctrinal documentation, with the key provisions in conceptual documents being concretized and revealed in the following ones. There is some need to correct the way the Ministry of Defense activities being organized, the Ministry, that de facto is headed by a civilian for several years, should serve as a real link between the society, on the one hand, and the Armed Forces, on the other.

3. In its development, any socio-political organism should be based upon expediency, that is ability to achieve the certain programmed goal. That is why the doctrinal documents should precisely define the image-goal the country's Armed Forces serve to achieve. Solving all organizational and contextual problems requires serious intellectual work to be done. There is, though, the major prerequisite, that is the will of the state leadership to provide for the country's progressive development and reach a new qualitative level in defense and the Armed Forces. At that, the society possesses the required intellectual potential, the problem is just how to mobilize it.

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

Pavel Gurevich. THE CRISIS PSYCHOLOGICALLY FORESHORTENED

1. We have not quite grasped to be living in another country, yet. Moreover, we have baled out into some unknown civilization space. The whole world has found itself at the break of history. In its long history, the mankind faces the hardest crisis of overproduction. Time ties have come apart – the people could hardly imagine their own future. The balance between the present and the future has been lost. These are the agonies a new civilization is being born with, usually.

2. Managers are still trying to keep the financial crisis in check: while it has already become not only an economic occurrence, but a civilization one as well. The 'social critics' gloomy forecasts are perceived as over-optimistic now. Politicians are still looking for a way out of the dramatic situation, not having realized yet there is no 'way back'. The mankind has already passed the point of no-return. The way of life, value orientations, world outlook, they are all being transformed. Today's events cannot be measured by the yardsticks of the past. Globalization has revealed its true character. It became evident that some process started in a single country proved to be quite capable to paralyze the whole world economic system. The shock of future has materialized.

3. The people do not understand the depth of the crisis. The catastrophe symbols influence the psyche by virtue of their emotional expression – 'the Black Monday', 'the Black Tuesday', 'the Black Swan'. The situation of expectancy is more fearful than the tragedy per ce. It is precisely because of grim prospects that many people are known to have died. It is not by chance, the economic thrust was named the 'Black Swan'. The Europeans used to believe there are just the white swans in the nature. Therefore, finding the black swan in Australia was a shock. It is unexpectedness, something that is beyond the desirable, that is the factor killing people who suffer of expectancy.

ECONOMICS

Yury Lyubimtsev. RUSSIA'S FINANCE INNOVATIVE EVOLUTION ADVANCING

1. Speaking of causes of both the Russian economy's weak innovativity and the Russian equity and bank crisis of 2008, one cannot help suggesting, it was the directory introduced in 2000-2007 policy of «optimization» and «sterilization» of the state financial resources and general monetary liquidity that had pushed the Russian commercial banks and big companies towards outer market of financial resources, thus having put them in debt dependence on the West, with plentiful financial and currency resources possessed by the Government and the Central Bank of the Russian Federation.

2. Within the mid-term period (by 2011), it seems expedient to raise the expenditure potential of Russia's budgetary system up to 50-55% of the Gross Domestic Product (a European midrange), directing the potential surplus (some 20% of GDP) to speeding-up innovative development in the said mid-term; to revert to the innovative-investment type of anti-inflationary policy based on the equivalent and balanced dependence of the money and commodity (innovative) flows resources upon proactive developing the inner innovative market and heavy use of innovative potential of the world market, the innovative market of some developed countries in the West and the East (this presupposes denial of isolation, that the USA is going to impose on Russia).

3. There is need to reconsider the policy of using of oil-and-gas incomes, to overcome the tendency of their 'sterilization' and all ungrounded fears of the Russian economy 'overheating' and 'the Dutch illness'; oil-and-gas incomes are Russia's major competitive advantages in the world development, therefore the policy of their 'sterilization' under 'slogan' of anti-inflationary struggle means, actually, 'sterilizing' our advantages and blocking the speedy innovative development of Russia.

DEBUT

Lyubov Yaroshenko. RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION: VALUES OR INTERESTS?

1. The 'five-day Caucasian war', the 'peace-enforcement operation' and the subsequent Russia's unilateral recognizing independence of South Ossetia and Abkhazia have brought in many speculations to the effect that the European Union a priori cannot build interrelations with Russia on the basis of the 'shared values'. The European side had traditionally declared,

that the adherence to the 'common values', interpreted as consecutive observance of certain Liberal-Democratic principles in inner-state structure and international behavior, should be seen the principal condition of the partnership functioning.

2. While engaged in negotiations with the European Union, the Russian side had obviously had a certain 'red line' that no official representative would ever cross. The Russian experts made stress on three issues that, being the last stronghold, would make no bargain in the dialogue on the common values: «fixing Russia's special role in Europe; rejecting the formula of Russia being drawn nearer to the norms regulating the economical and political life of the European Union; repudiating speculative assessments on the condition of the Russian economy and the society as a whole».

3. For the European Union, the problem on including the 'value component' into the Agreement on Partnership and Cooperation and its format is in some way a test on ability to reduce to 'a common denominator' the positions of the various EU member-states and to arrange its priorities in the model of its strategic interrelations with Russia. However, the Russian side, too, has to have its own vision of how the 'common values' section should be defined in the new document. At present, one may come to a logical conclusion that the format of 1990s is unacceptable, for gone are the days when the Russian Federation was perceived as the European Union policy object and had to be in full conformity with the political, economic, and social models suggested from the outside.

THE ROUND TABLE DISCUSSION

STALIN AND THE RUSSIAN SOUL

Participants in the discussion were Alexander Sergeyevich Tsipko, D.Sc. (Philosophy),Editorial Council member, Vestnik Analitiki Bulletin; Leonty Georgievich Byzov, Cand.Sc. (Economics), senior researcher, the Russian Academy of Sciences Institute of Sociology, Research Council member, All-Russia Center of Public Opinion Studies (VCIOM); Vladimir Vasilievich Petoukhov, Head of the Department of Mass Consciousness Dynamics Analysis at the Russian Academy of Sciences Institute of Sociology; Valery Dmitrievich Solovey, Dr.Sc. (History), political analyst, Shamil Zaggitovich Sultanov, President of the Russia – Islamic World Center of Strategic Studies.

PUBLICATIONS

Religion

Svetlana Nikolaeva. AN ECONOMIC SITUATION OF RUSSIAN CHURCH BEFORE REVOLUTION OF 1917

«The inability to distinguish borders of secular and spiritual jurisdiction distinguished during the Middle Ages epoch Russian church from western and even Byzantium, but was not reflected in piety Russian people. Sincerity and depth of their belief have been a little connected with features of church management. As in a society Christian, in the Moscow state all warehouse and a life were defined by a rhythm and spirit of an orthodox world view. However material living conditions of church, first of all, a condition of clergy, essentially influenced possibilities of educational influence of church, its active social role, especially during epoch of social and cultural crises. What was a church financial position as institute in this society?»

Notes on a book's margins

Elvira Spirova. THE PRIVATE WEALTH AS THE PROSPERITY'S PLEDGE

Bettel, Tom The Property and Prosperity Moscow: IRISEN, 2008, circ. 2,500 copies, 480 pp.

1. It is the book that, in popular form, tells the history of the private property since the days of the Ancient Rome up to nowadays. And the subject is viewed from the two points at

once: the history of the institution itself and the history of ideas. In other words, the thought of the man's private wealth is built into wider philosophical context. Thus, the fundamental role of the private property institution in social development is demonstrated.

2. Yes, it is true, the economic theory had slowly, in a roundabout way, made its about-turn towards its integral essentials, towards the property. But, in the course of this, it became obvious that many seemingly well-thought-of legal acts brought in unexpected consequences. It was thought, to solve the problems, arising between the property owners, there is no need for the state to interfere. The parties by themselves would likely to come to some agreement. But, unfortunately, this happens by no means every time.

3. Some of T. Bettel's ideas are in tune with our President's political statements: there is a need to reason the efficiency of the legal system out. It might be so. But, no less service might be rendered to the peoples prosperity, we think, by the philosophical anthropological reflection. Anthropologization of the economy is a noticeable trend in the contemporary liberal sciences.

Review

Alla Yaz'kova. THE SOUTHERN CAUCASUS: TRENDS AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT (1992–2008). M, 2008

Late in 2008, the group of the Institute of Strategic Studies and Analysis employees published the summary work on the contemporary problems of developing the Southern Caucasus countries, one of the troubled regions in Europe and the whole world. The urgency, the scientific and political importance of the subject taken by the authors seem to be hardly overestimated. The authors are right to note, the Caucasus is the unique bridge according to its geopolitical parameters, that ties up the North and South, the Islam and Christianity, while being the shortest way from Asia to Europe, from Russia to the Middle East, and to the Indian Ocean.

The reviewed book, undoubtedly, is to attract the reader's interest, for the items covered by it are all too important and topical. The authors are welcome to proceed with their work upon the touched subjects, and, in case of the book's second edition of is to be prepared, to be more precise in book structure, get rid of existing repetitions, semantic and stylistic inaccuracies.

ОБ АВТОРАХ

Антони Ян (Соединенное Королевство) – доктор, координатор исследований, SIPRI (Стокгольмский международный институт исследований проблем мира).

Белозёров Василий Клавдиевич – кандидат политических наук, главный эксперт Управления информации и общественных связей Министерства обороны Российской Федерации, полковник. Автор ряда публикаций по проблемам политики безопасности и обороны.

Грациани Тиберио (Италия) – главный редактор итальянского журнала «Евразия. Обозрение геополитических исследований « и библиотеки «Геополитические тетради».

Гуревич Павел Семенович – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Московского государственного университета технологий и управления, заведующий Клиникой глубинной психологии. Президент Московской межрегиональной психоаналитической ассоциации, один из учредителей и член бюро Российской психоаналитической ассоциации, вице-президент Академии гуманитарных исследований, действительный член Нью-Йоркской Академии наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии. Постоянно печатается в центральных газетах и журналах, автор ряда школьных и вузовских учебников, многочисленных монографий, в том числе: «Философская антропология» (2001), «Основы философии» (2002), «Культурология» (2003), «Психология» (2004).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович – директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики». Получил образование журналиста в Бакинском государственном университете. Работал комментатором общественно-политических передач Азербайджанского радио и телевидения, редактором газеты «Молодежь Азербайджана», первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника управления МИД СССР. С начала войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха с 1989 по 1991 год – председатель КГБ Азербайджана. С 1998 года – член Совета по внешней и оборонной политике. Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть – экономика и геополитика». Соредактор монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор и редактор книг: «Россия–Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002). Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Дергачев Владимир Александрович (Украина) – русский геополитик, живущий в Одессе. Профессор, доктор географических наук, член Союза журналистов Украины. Окончил с отличием Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации. На основе разрабатываемой профессором Дергачевым теории Больших многомерных пространств впервые в Восточной Европе создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, геоэкономике и геофилософии, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор более 500 научных и публицистических работ, за последние годы опубликовано 16 книг, в том числе: Геополитика (Киев: ВИРА-Р, 2000); Геоэкономика (Киев: ВИРА-Р, 2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (Киев: ВИРА-Р, 2004); Геополитика. Учебник (М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004).; Регионоведение (М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004, в соавторстве с Л.Б. Вардомским); Международные экономические отношения (М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2005); Глобалистика (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005).Публицистические статьи печатались в киевских и московских газетах «Известия», «Литературная газета», «Экономическая газета», «Общая газета» и Интернет-изданиях.

Касаев Эльдар Османович – юрист-международник. Окончил Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России (2008). Автор более 50 научно-аналитических и публицистических работ по проблемам стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Сфера научных интересов: исследование правовых аспектов пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российских компаний в ТЭК государств БВСА. Готовит к защите диссертацию (по кафедре международного права МГИМО) на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Комлева Елена Владимировна – научный сотрудник Университета Дортмунда, Германия, аспирант Мурманского государственного технического университета, переводчик международного отдела Института проблем промышленной экологии Севера (ИППЭС) Кольского научного центра Российской академии наук (КНЦ РАН). Обладатель международных грантов нескольких исследовательских центров. Автор ряда научных трудов по проблемам экологии и ядерной безопасности.

Лунев Сергей Иванович – доктор исторических наук , профессор МГИМО (У) МИД РФ и ВШЭ-ГУ. Главный научный сотрудник ИМЭМО РАН. Опубликовал более 200 работ, включая 10 книг, среди которых:Дипломатия в Южной Азии. М.: ГРВЛ, 1993, Вызовы безопасности южных границ России. М.: МОНФ, 1999, Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии (вместе с Г. К. Широковым). М.: Academia, 2001, Индия: Политическое развитие и внешняя политика. Информационные базы, экономика и финансы (вместе с Шахматовым А.В.). М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2006. Ответственный редактор многих книг, включая The Vitality of Russia (вместе с Armand Clesse). Amsterdam: Dutch University Press, 2004 Индийская цивилизация в глобализирующемся мире (вместе с Хоросом В.Г.). М.: ИМЭМО РАН, 2005

Любимцев Юрий Ильич – доктор экономических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Известный специалист в области теории макроэкономики, финансов и финансовой политики в условиях рыночной трансформации. Исполнитель ряда научно-исследовательских проектов в РАГСЕ, для Счетной палаты РФ (по проблематике государственных и муниципальных финансов); руководитель научно-исследовательских проектов региональных администраций. Руководитель российской экспертной группы Совета Федерации по проекту Агентства Международного развития (АМР) США. Им опубликовано более 120 работ общим объемом 150 печ. листов, в том числе главы в учебниках «Курс экономической теории» МГУ, 2007; Финансы. – М., Изд-во Проспект, 2008., «Государственные и муниципальные финансы». – М.: Изд-во РАГС, 2007. Автор книги «Финансовая политика: российский путь. – М., РАГС, 2005. и др.

Монаган Эндрю (Великобритания) – доктор наук, основатель и директор Russia Research Network, исследовательской сети по России. Научный консультант отделения научных исследований римского исследовательского филиала Оборонного колледжа НАТО и старший научный сотрудник Центра изучения конфликтов, основного научного учреждения Министерства обороны Соединенного Королевства на базе Академии обороны СК.

Николаева Светлана Ивановна – кандидат философских наук, закончила философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова в 1994 году, кафедра эстетики.

Островская Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Автор 40 научных публикаций, в числе которых монографии: Гунтан Данби Донме. Обучение методу исследования сутр и тантр (1997), Тибетский буддизм (2002), Тибето-буддийский социально-политический проект: история и современность (2002), Учение об историческом времени и обществе в индийской классической философии (в соавторстве 2002), Религиозная модель общества. Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий (2005), Воины радуги: институционализация буддийской модели общества в Тибете (2008). Автор разделов в учебных пособиях: Введение в буддизм (1999), Категории буддийской культуры (2000), Социология: Учебник (2005), Теория культуры (2008). Авторские курсы, читаемые на русском и английском языках, по теории и методологии социологии, социологии религии, антропологии религии, религиозным меньшинствам и теориям конверсации, новым религиозным движениям, гражданскому обществу в глобализационной перспективе и др. на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета, на факультете социологии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Паульман Валерий Федорович (Эстония) – доктор экономических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет имени А.А.Жданова. С 1957г. по 1974 г. работал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров Эстонской ССР. С 1974г. начальник Управления народнохозяйственного плана Государственного планового комитета Эстонской ССР, а с 1981г. первый заместитель председателя Государственного планового комитета Эстонской ССР. С августа 1983г. заведующий экономическим отделом ЦК Компартии Эстонии. С мая 1987г. заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР – председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР. С января 1989г. советник по вопросам планирования посольства СССР, представитель Госплана СССР в Республике Куба. В марте-ноябре 1991г. министр труда и социальных вопросов СССР. Автор ряда книг, в том числе «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества».

Спирова Эльвира Маратовна – кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Ципко Александр Сергеевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН. Окончил философский факультет (1968) и аспирантуру МГУ (1972). Работал в газете «Комсомольская правда», в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ, в журнале «Молодой коммунист». С 1972 г. – старший научный сотрудник, руководитель группы, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии – ИМЭПИ РАН). В 1978–1980 гг. – доцент Института философии и социологии Польской академии наук. В 1986–1990 гг. – консультант отдела ЦК КПСС. В 1992-1993 гг. – профессор Университета г. Хоккайдо (Япония), 1993–1995 гг. – директор научных программ Горбачев-фонда, 1995–1996 – профессор Вудро Вильсон-центра (США). Редактор приложения к

«Независимой газете» «НГ-сценарии» (1996–1998), директор центра стратегических исследований Московского фонда президентских программ (1998–1999). Автор ряда монографий и более 100 научных статей.

Шнайдер Эберхард (Германия) – доктор, профессор Немецкого института международной политики и безопасности Фонда науки и политики в Берлине, а также профессор политологии в Университете Зиген. Аккредитован при Министерстве иностранных дел РФ в качестве корреспондента. В 1966 году до его роспуска в 1970 году – сотрудник Института по изучению СССР в Мюнхене от Комитета «Радио Свобода». С 1976 года до его роспуска в конце 2000 года – сотрудник Федерального института международных исследований науки о Востоке в Кельне. В 1971–1976 годах – референт по Восточной Европе в Международном институте политики и экономики в Гамбурге. Автор ряда публикаций, в том числе монографии «Российская политическая система», изданной на немецком и русском языках.

Шумилина Инна Викторовна – заместитель главного редактора Интернет-портала Mideast.ru, вице-президент НП «СМИ против терроризма и экстремизма».

Языкова Алла Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, член Ученого совета Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, действительный член Академии педагогических и социальных наук, председатель Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН).

Автор свыше 200 научных трудов по проблематике международных отношений в Балканском и Черноморско-Каспийском регионах, отношений России с государствами этих регионов, регулирования политико-этнических конфликтов. Автор ряда монографий и публикаций, среди них: «Государства Закавказья и Россия (проблемы южных рубежей России)». М., 1998; «Национально-этнические проблемы (российский и зарубежный опыт их регулирования)». М., 2003; «Процессы трансформации НАТО и балканские кризисы». – В кн. «НАТО: Проблемы и перспективы трансформации». М., 2004.

Ярошенко Любовь Анатольевна – аспирантка кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ.

OUR AUTHORS

Ian ANTHONY (United Kingdom) – Senior Fellow and Programme Leader of Stockholm International Peace Research Institute (Sweden).

Vasily K.Belozerov – Colonel, Senior Expert at the Directorate of Information and Public Relations of the Russian Federation Ministry of Defense, Cand.Sc. (Politology). Authored of some publications on problems of security and defense policy.

Vladimir A.DERGACHEV (Ukraine) –Dr.Sc. (Geography), Professor, expert in geopolitics, the Russian living in Odessa, Ukraine. Holds membership in the Union of Journalists of Ukraine. Graduated with distinction, completed post-graduate courses (PhD), and doctorate studies (doctor's degree) at the Moscow M.V.Lomonosov State University. First time in the Eastern Europe, the series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, Geoeconomics and Geophilosophy aimed to form analytical thinking have been put out based upon the theory of Greater Many-Dimensional Spaces worked out by professor Dergachev. Authored over 500 scientific and popular writings. Recently, had 16 books published, including *The Geopolitics* (Kiev: VIRA-R, 2000); *The Geoeconomics* (Kiev: VIRA-R, 2002); *The Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (Kiev: VIRA-R, 2004); *The Geopolitics. Textbook* (M.:UNITI-DANA, 2004); *The Regionology* (M.: UNITI-DANA, 2004, co-authored by L.B. Vardomsky); the *International Economic Relations* (M.: UNITI-DANA, 2005); *The Globalistics* (M.: UNITI-DANA, 2005). Frequently contributed to Kiev and Moscow newspapers, such as *Izvestiya, Literaturnaya Gazeta, Economicheskaya Gazeta, Obschaya Gazeta*, and to Internet-editions. More detailed professor Dergachev's curricula vitae and his Big Geopolitical Dictionary see at his personal web-site http://www.dergachev.ru

Tiberio GRACIANI (Italy) – the Editor-in-Chief of the Italian Eurasia. Rivista di studi geopolitici *(Eurasia. Review of Geopolitical Studies)* magazine.

Pavel S.GUREVICH – D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Philology), professor, Sector Head at the RAS Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Moscow State Institute of Technologies and Management, Chief of the Deep Psychology Clinic. Is President of the Moscow Inter-Regional Psychoanalytical Association, one of the founders and Bureau member of the Russian Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies, Full Member of the New York Academy of Sciences, of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, numerous monographs, including The Philosophical Anthropology (2001), The Foundation of Philosophy (2002), The Culturology (2003), The Psychology (2004).

Vagif A.Guseynov – director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical «Analytical Messenger». Graduate of the State University in Baku. Worked as a commentator for the Radio of Azerbaijan, as a newspaper «Molodezh Aserbaijana» edi-

tor, a Secretary in charge of international affairs in the Youth Organization of the USSR (Komsomol), a department deputy chief in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Starting from the outbreak of the war between Azerbaijan and Armenia in 1989 caused by the problem of Nagorny Karabakh till 1991 he was the Chairman of the State Security Committe (KGB) in Azerbaijan. Since 1998 he is a member of the Russian Council on Foreign and Defense Policy (SFDP). Author of several books: «From Yeltsin to...?» (Volume I-III: «The chronicle of secret struggle», «Euphoria of power», «War of discreditable materials»), «The Caspian oil (economy and geopolitics)». Co-editored the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004) and *The Mediterranean – Black Sea Coast – Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006), *The Big Near East: stimulus and preliminary results of democratization* (2007). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007), *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006), *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002).

Eldar O.KASAYEV – international jurist. Graduated from the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs *MGIMO* University (2008). Authored over 50 scientific and analytical works and articles on the problems of the Middle East and North Africa (MENA) countries. Area of research interests: legal aspects of subsurface use; investment climate analysis; perspective assessment of the Russian companies activities in the fuel-and-energy complex of the MENA countries. Writes his Cand.Sc. (Law) thesis at the International Law Chair of the *MGIMO* University.

Yelena V.KOMLEVA – the researcher at the University of Dortmund, Germany, the postgraduate student at the Murmansk State Technical University, the translator employed by the International Department of the Institute of Industrial Ecology of the North Studies at the Russian Academy of Sciences Kola Scientific Center the (the RAS KSC). The holder of international grants from several research institutions. Authored some scientific works on ecology and nuclear security.

Sergey I.LOUNEV – Dr.Sc. (History), Professor at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University and the State University – Higher School of Economics (SU-HSE).; employed as Chief Researcher by the Russian Academy of Sciences (RAS) Institute on World Economy and International Relations. Authored over 200 works, including 10 books, including the *Diplomacy In the Southern Asia*. M., 1993; the *Security Challenges on Russia's Southern Borders*. M., 1999; the *World System Transformation and Eurasia's Biggest Countries* (co-authored by G.K.Shirokov). M.: Academia, 2001; the *India: Political Development and Foreign Policy. Data bases, the economy and finance* (co-authored by A.V. Shakhmatov). M.: MGIMO, 2006. Rendered managing editorships to many books, including the *Vitality of Russia* (co-ed. by Armand Clesse). Amsterdam: Dutch University Press, 2004; *The Indian Civilization In the Globalizing World* (co-ed. by V.G.Khoros). M.: RAS IMEMO, 2005.

Yury I.LYUBIMTSEV – Dr.Sc. (Economics), Professor at the RF President's Russian Academy of Governmental Service (RAGS). Well-known expert in the theory of the macroeconomics, the finance and financial policy under conditions of market transformation. In the RAGS, carried out some research projects for the Account Chamber of the Russian Federation (on the problems of the state and municipal finance); headed the research projects under the auspices of regional Administrations. Heads the Council of Federation Russian Expert Group under the US Agency of International Development project. Authored over 120 works (with the volume totals to 150 author's sheets), including the chapters in the Course of Economic Theory (M.: Moscow State University, 2007), the Finance (M.: Prospect Publ., 2008), the State and Municipal Finance (M.: RAGS, 2007) textbooks; and the book on The Financial Policy: the Russian Way M.: RAGS, 2005; etc.

Andrew MONAGHAN (Great Britain) – MA (war studies), PhD, the founder and Director of the Russia Research Network (London). Is currently fellow consultant at the Research Department of the Rome Research Brunch of the NATO Defense College, and the senior researcher at

the Center of Conflict Studies, the leading research institution of the UK Ministry of Defense based at the Defense Academy of Great Britain.

Svetlana I.NIKOLAEVA – Ph.D, graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow State University, aesthetics chair.

Yelena A.OSTROVSKAYA – Dr.Sc. (Sociology), the professor at the Theory and History of Sociology Chair of the St.-Petersburg State University. Authored 40 scientific publications, including the following monographs – *Quntan Danby Donme. Training the method of Sutra and Tantra analysis* (1997), the *Tibetan Buddhism* (2002), *The Tibetan Buddhist Sociopolitical Project: the History and the Present* (2002), the *Doctrine of Historical Time and the Society in the Indian Classical Philosophy* (co-authored, 2002), the *Society's Religious Model. Sociological aspects of the institutionalization of the traditional religious ideologies* (2005), the *Rainbow Warriors: Institutionalization of the Buddhist Society Model in Tibet* (2008). Authored sections in the following manuals – *The Introduction to Buddhism* (1999), *The Categories of the Buddhist Culture* (2000), *Sociology: the Textbook* (2005), the *Theory of Culture* (2008). Teaches courses (read both in the Russian and English) on the Theory and methodology of Sociology; Sociology of religion; Anthropology of religion; Religious minorities and conversion theory; New religious movements; The Sivil Society in the globalization aspect, etc. at the Department of Sociology of the St.-Petersburg State University; at the Department of Sociology and Anthropology of the St.-Petersburg Culture and Arts State University.

Valery F.PAULMAN (Estonia) – Dr.Sc. (Economics), Professor. Graduated from the A.A.Zhdanov Leningrad State University. In 1957–1974, was employee in the Central Statistical Department at the Estonian SSR Council of Ministers. In 1974, was appointed the Director of the People's Economy Plan Directorate of the Estonian SSR State Planning Committee, in 1981, was promoted to the position of the First Deputy Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In August 1983, came to head the Economy Department of the Communist Party of Estonia Central Committee; in May 1987, the Deputy Chairman of the Estonian SSR Council of Ministers – Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In January 1989, got appointment of the USSR Embassy Councilor on planning, the USSR State Planning Committee representative in the Republic of Cuba; in March-November 1991, was the USSR Minister of Labor and Social Matters. Authored some books, including the *World at the Four Ways Crossroad: The Prognosis of the Mankind's Destiny*.

Eberhard SCHNEIDER (Germany) – the professor at the Science and Policy Fund German Institute of International Policy and Security in Berlin, as well as the professor in politology at the Zigen University. Accredited at the RF Ministry for Foreign Affairs as a correspondent. Employee at the *Radio Freedom* Committee Institute of the USSR Studies, since 1966 till the Institute's dissolution in 1970. Employee at the Federal Institute of International Studies on East in Cologne, since 1976 till the Institute's dissolution late in 2000. In 1971–1976 held position of a reviewer on the East Europe at the International Institute of Politics and Economics in Hamburg. Authored some publications, including monograph on *The Russian Political System*, published both in German and in Russian.

Inna V.SHUMILINA – Deputy Editor-in-Chief of the Mideast.ru Internet-portal; Vice-President of the *Mass Media Against Terrorism and extremism organization*.

Elvira M.SPIROVA – Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Alexander S.TSIPKO – principal research fellow in the Institute of International Economic and Political Studies (IMEPI) of the Russian Academy of sciences, doctor of philosophical sci-

ences. Graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow University. He worked in the newspaper «Komsomolskaya pravda», the propaganda department of the Central Committee of the Youth Organisation of the USSR (Komsomol), the journal «Molodoy kommunist». Since 1972 he was a senior research fellow, head of a subdivision, deputy director of the Institute of Economy of the World Socialist System of the Academy of sciences of the USSR (later IMEPI). In 1978–1980 worked as a senior lecturer of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of sciences, in 1986–1990 adviser of a department in the Central Committee of the CPSU. In 1992–1993 he was professor in the University of Hokkaido (Japan), in 1993–1995 director of the scientific programs in the Gorbachev-fund, in 1995–1996 professor in the Woodrow Wilson Center (USA). Editor of the supplement to the «Nezavisimaya Gazeta» newspaper «NG-scenarios» in 1996–1998, director of the Center of strategic studies in the Moscow Fund of Presidential Programs in 1998–1999. Author of a number of books and more than 100 scientific articles.

Alla A.YAZKOVA – D. Sc. (History), professor, chief researcher, member of the Academic Council at the RAS Institute of International Economical and Political Studies, Academician of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Chairperson of the Mediterranean – Black Sea Studies (the RAS Institute of Europe). Authored over 200 scientific works on international relations in the Balkan and Mediterranean – Black Sea regions, Russia's relations with these regions states, settling political and ethnic conflicts. Published some monographs and essays, including the *Transcaucasia States and Russia: Problems of Russia.s Southern Frontiers* (M.: 1998); the *National and Ethnic Problems: Russian and Foreign Experience In Settling Them* (M.: 2003); the *NATO Transforming and the Balkan Crises//in the NATO: Problems and Perspectives of Transforming* (M.: 2004).

Lyubov A.YAROSHENKO – postgraduate student at the World Politics Chair of the Department of World Economy and World Politics of the State University – Higher School of Economics (SU-HSE).

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 1(35)

Перевод с английского Владимира Мисюченко

Корректура *А.В.Панюгиной*
Верстка *Л.В.Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:
109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: issa@umail.ru
info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 20.12.09 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Заказ № 44.

Отпечатано в ФГУП «Издательство и типография газеты «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ
в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 44351, 44339.
Электронный адрес подписки в Интернете:
www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.
тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;
факс +7 495 681-37-98.
E-mail: info@periodicals.ru
http://www.periodicals.ru

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:
Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;
fax: +7 495 681-37-98
E-mail: info@periodicals.ru
http://www.periodicals.ru

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: **912 39 88, 911 97 78,** электронная почта: **issa@umail.ru**

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – **100 рублей,** для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Форма № **ПД-4**

Извещение

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Подписаться и приобрести отдельные номера журнала «Вестник аналитики» можно в редакции.
Телефон: **912-39-88, 911-97-78**, электронная почта: issa@umail.ru
Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – **100 рублей**, для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.